

Проект ИД «ЭПОХА»
Дагестан. Триумф и трагедия

ШАПИ КАЗИЕВ
Ахульго

Шапи Казиев

Ахульго

«Эпоха»

2008

Казиев Ш. М.

Ахульго / Ш. М. Казиев — «Эпоха», 2008

В книге писателя Шапи Казиева в художественно-историческом плане воссоздаются события времен Кавказской войны в Дагестане (первая половина XIX века). Героями увлекательного повествования стали многие известные исторические личности, а также образы, созданные воображением автора. Книга представляет интерес для широкого круга читателя.

© Казиев Ш. М., 2008

© Эпоха, 2008

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	55
Глава 9	60
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	83
Глава 13	91
Глава 14	97
Глава 15	100
Глава 16	110
Глава 17	117
Глава 18	121
Глава 19	127
Глава 20	131
Глава 21	135
Глава 22	140
Глава 23	146
Глава 24	150
Глава 25	154
Глава 26	159
Глава 27	163
Глава 28	167
Глава 29	173
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Шапи Казиев

Ахульго

Жизнь не уместается в набор фактов или документов, она значительно многообразнее и интереснее. Тем более, когда речь идет о переломных исторических событиях, в которых особенно ярко проявляются сила, величие и красота человеческого духа.

В работе над романом меня ожидало много открытий и откровений, но поразительнее всего было то, с какой убежденностью и мужеством наши предки утверждали современные представления о свободе личности в те далекие времена. Самоотверженная борьба за священную свободу для людей всех наций и вер, борьба, которая велась в окружении по сути рабовладельческих государств, изменила не только судьбы участников событий, но и значительно повлияла на общественное сознание. Ахульго – это не просто историческое событие, это триумф и трагедия на пути исторического развития народов Дагестана.

Основой событийной канвы романа стали многочисленные исторические хроники, документы, мемуары, дневники и письма участников событий, современные научные исследования и рассказы краеведов, с которыми мне довелось встречаться на Ахульго и в близлежащих селах.

Вместе с тем создание полнокровных образов, эволюция судеб героев повествования, разработка фабулы романа и сюжетных перипетий потребовали как художественной реконструкции событий, не освещенных в исторических источниках, так и раскрытия внутренних движущих сил, казалось бы, известных фактов. В повествовании действует и ряд персонажей, являющихся плодом творческого воображения, но порожденных той исторической эпохой. Впрочем, как известно, литературные герои порой оказываются не менее живыми, чем реальные персонажи. Но в этом и есть одна из тайн творчества.

Выражаю искреннюю признательность Гамзату Гамзатову, автору идеи создания романа «Ахульго», незабвенному Гаджи Абашилову, горячо поддержавшему этот проект, Юсупу Дадаеву, который помог мне посетить места событий и снабдил уникальными документами.

Особая благодарность – Издательскому дому «Эпоха», который заботливо опекал автора и блестяще осуществил этот большой проект.

Шапи Казиев

Глава 1

Генералу Граббе приснилась гора. Проступая из мрака, она надвигалась на генерала и была похожа на исполинское каменное чудовище, которое кто-то дерзнул потревожить. Гора была окутана дымом и глухо ревела, угрожая раздавить генерала. Вдруг со страшным грохотом гора раздалась надвое, и неодолимая сила повлекла Граббе в ее жуткое чрево.

От ужаса Павел Христофорович проснулся.

Увидев над собой потолок, под которым носились первые весенние мухи, Граббе облегченно вздохнул и перекрестился.

За окном было раннее утро. В доме еще спали.

Граббе поднялся, стараясь не потревожить супругу, и подошел к окну.

«К чему бы такая гора? – недоумевал генерал, разглядывая пологие макушки пятиглавого Бештау.

– Разве такие бывают?».

Пятигорск просыпался. Где-то мычали коровы, а молочницы-казачки уже неслись с корзинами, полными бутылей, по улицам курортного городка, голося:

– А вот молока!

– А сметана для хана!

Их корзины вмещали в себя и кое-что другое, о чем казачки сообщали особенно звонко:

– А винца для молодца!

Все как обычно. Скоро откроют источники, и потянется к ним курортная публика. Откроются городские ворота, и начнут возвращаться с ночных пикников офицеры, утомленные, как после боевых походов. Распахнут двери разные заведения, и в них осядут посетители, чтобы откусать и обсудить важные известия.

Вот уже третий год, что семейство Граббе жило на Водах, здесь почти ничего не менялось.

Впрочем, вынужденное бездействие генерала скрашивало семейное счастье. И месяца не прошло, как супруга принесла ему пятого ребенка. Мальчика назвали Александром. Граббе чтит царствующую династию и называл своих детей в честь императоров, великих князей и княгинь. Николаю Граббе было шесть лет, Михаилу – четыре, еще младше были дочери Софья и Мария. И вот теперь – Александр. Особенно Павел Христофорович почитал Марию Федоровну, супругу Павла I. Юный Граббе воспитывался в Сухопутном кадетском корпусе, когда он, его братья и сестры остались сиротами, и императрица великодушно о них позаботилась.

Был у Граббе еще один сын, тоже Николай, но младенец не прожил и года, а следом скончалась и его мать – первая жена Граббе. Вера Михайловна Скоропадская, из рода гетмана Запорожского, оставила супругу богатое имение в Харьковской губернии. Он женился на ней нечаянно, ошалев от счастья, когда его выпустили из казематов, в которые он угодил «за прикосновенность к делу декабристов». Когда Граббе проезжал через имение Скоропадских, у него сломался экипаж. Пока чинили, статного полковника пригласили в господский дом, где он был тронут радушием хозяев и сражен красотой младшей дочери Скоропадских. В свой Северский конно-егерский полк он отбыл с молодой женой.

Его вторая женитьба была еще необыкновенней. В 1829 году, в войне с Турцией, Граббе начальствовал авангардом русских войск в Малой Валахии. Победоносная война избавила Валахию от османского владычества, и освободители кутили в Бухаресте. Им было за что выпить. Граббе, раненный в ногу при переправе через Дунай, но не оставивший полк, получил звание генерал-майора, орден Святого Владимира 3-й степени и золотую саблю с надписью «За храбрость». Но главный тост в офицерских компаниях всегда был за смуглую красавицу Катеньку – дочь местного врача, царицу всех балов. Отец ее был человеком строгих правил и, от греха подальше, выдал Катеньку за пожилого богатого молдаванина. Но новобрачная оказалась строптивой, заперлась в спальне, а затем свила веревку из простыней, подожгла комнату и спустилась через окно прямо в руки Граббе. Новоиспеченный генерал-майор был человеком напористым, что и испытал на себе тамошний архиерей, которого Граббе заставил расторгнуть постылый брак Катеньки и обвенчать ее с русским генералом.

Екатерина Евстафьевна боготворила своего супруга и исправно рожала ему детей, несмотря на то, что беспрерывные войны мешали Граббе сполна наслаждаться семейной идиллией. Она достойно несла крест жены боевого генерала, и, когда в 1835 году Граббе был уволен для излечения болезней на Кавказские Минеральные Воды, наступило абсолютное счастье.

Здесь они могли жить на широкую ногу, доходы от имений первой супруги и самого Граббе в Полтавской губернии это позволяли. Да и жалование генерала было немалым, даже когда он не воевал. Но Граббе не любил роскоши, он придерживался спартанского образа жизни, тем более, что имел пример в лице самого государя. Но жене и детям ни в чем не отказывал. Няньки, кормилицы и прочая прислуга носились по дому целыми днями. И только старый денщик Иван понимал, как тягостно барину это богатое безделье, когда вместо полковых гремят детские барабаны, а где-то за соседними горами генералы добывают себе славу и почести.

Когда Граббе вышел в сад, Иван уже ждал его с кувшином теплой воды и полотенцем. Граббе умывался водой из местных целебных источников. Пить ее он отказывался, но на лицо она действовала благотворно. Граббе было почти пятьдесят, но он сохранил молодцеватую выправку под стать его высокому росту и берег свое лицо, которым, как он считал, походил на государя императора и которое, он верил, еще будет узнаваемо среди первых на воинском поприще.

Пока цирюльник манипулировал своей бритвой, Граббе следил за каждым его движением. Следовало быть очень деликатным с длинными бакенбардами, едва не переходящими в усики в точности, как у Николая I.

– Усердствуй, – велел Граббе.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, – заверил цирюльник.

- Знаю я вас, мошенников, – ворчал Граббе.
- Вам бы только кровь пускать.
- Токмо их благородий пользуем, – лебезил цирюльник.
- Даже если покойники, то непременно чтобы офицеры.
- Какие еще покойники? – поморщился Граббе.
- Известное дело, дуэлянты.
- Цирюльник перекрестился.
- На войне не убьют, так здесь под пули лезут.
- Так ты что же, каналья, и покойников этой же бритвой? – гневно вскинул брови Граббе.
- Как можно, ваше превосходительство! – замахал руками перепуганный цирюльник.
- Для дуэлянтов особая статья. Их даже в церкви не отпевают, как самоубийц. Вот и брею, не глядя, шилом таким особым.
- Смотри у меня!
- Насчет бакенбардиков как прикажете – перьями пустить на античный манер или подвить?
- Подвей! Который уже раз тебе толкую.
- Не извольте беспокоиться.

Цирюльник пустил в дело особые щеточки, щипцы и припарки. Он знал свое дело, и Граббе каждый раз находил в своем облике все больше сходства с августейшим оригиналом. Но втайне Граббе наслаждался и своим превосходством. Глаза у него были особенные. Не столь значительные, как у государя, но такие цепкие, что от них не могли укрыться тайные замыслы неприятеля. И когда Граббе был военным агентом в Баварии, глаза его весьма послужили отечеству. Кроме того, они были чарующе синими и с таким особым блеском, что чужие жены падали из пылающих спален в его крепкие объятия. С годами во взгляде Граббе появилась тень недосказанности, затаенной обиды, но это лишь придавало ему веса в обществе.

– Силь вуп ле! – воскликнул цирюльник, завершая свои манипуляции нижайшим поклоном и поднося большое зеркало.

Граббе поглядел на свое отражение с разных позиций, притронулся кончиками пальцев к бакенбардам «а ля Николай» и царственно кивнул, отпуская цирюльника.

– Ступай.

Дом понемногу оживал, наполнялся суетой и детским гомоном. Дети ссорились, не успев проснуться. Постичь причины их недовольств Граббе не пытался, считая это не генеральским делом.

С улицы слышался цокот копыт. Граббе вспомнил свой полк и легко взбежал на бельведер, чтобы полюбоваться на лихих молодцов. Но вместо этого перед ним предстала печальная процессия.

Мимо дома ехали раненые кавалеристы, у некоторых к седлам были приторочены костыли. Следом тянулась вереница телег. Лошади шли медленно, бережно переступая через рытвины и ямы. Везли тяжелораненых.

Граббе отвернулся. Не потому, что вид несчастных мог его слишком опечалить. За свою бурную боевую жизнь он повидал всякое. Его смущало совсем другое. На Кавказе шла война. А он, храбрый генерал, полный сил и боевого опыта, влачил существование отставного ветерана.

Позавтракав, он устроился в кресле-качалке со своим дневником. Только ему он поверял свои мысли, никто другой не в силах был понять и принять его высокие чаяния и душевные муки. Но даже с дневником Граббе был осторожен, помня, как перед арестом по делу восстания 14 декабря 1825 года лихорадочно жег свои записи, письма и прочие бумаги, могущие выдать его либеральные увлечения. Бумаги горели медленно, и он помогал пламени, рубя предательские листы своей саблей.

Теперь он писал иначе, в надежде, что дневник его не останется тайной: «Бывают времена, Государь, в которые немилость царей есть только несчастье. В наше же – она и стыд. В сию эпоху славы и благоденствия Вами покоящейся и во всяком благе возрастающей России быть отверженным, как негодное орудие, в полном обладании всех душевных и телесных сил, с живейшим рвением ко всему полезному, с готовностью на всякую по мановению Вашему опасность и на всякий труд, с непритворною и пламенною в сердце и уме к Вам приверженностью быть отринуту есть великое несчастье, – дерзаю выговорить, Государь, несчастье, мною не заслуженное».

Глава 2

В горах наступила весна.

Серые громады скал украсились первыми цветами, уступы покрылись изумрудными травами и окутались нежно-розовыми лепестками абрикосовые деревья.

Повсюду бежали юркие ручейки, наполняя шумящие в ущельях реки. На склонах паслись овцы с пушистыми ягнятами, а на узких рукотворных террасах чернели лоскуты вспаханных полей.

С перевала спускались всадники. Они двигались по двое и издали были похожи на четки, скользящие из чудесной невидимой руки. Узлом этих четок был Шамиль.

Он ехал на белом арабском коне, грызшем от нетерпения удила. Шамиль был одет в зеленую черкеску с серебряными газырями и коричневую папаху, обвитую чалмой из светлой кисеи. Красивый кинжал, изящный пистолет в вышитой кобуре и сабля, известная своей величиной и молниеносностью, дополняли его костюм. Не было на нем только ружья, зато легкие горские ружья были у всех его мюридов.

Шамилю было за сорок лет, но стройное тело его было по-прежнему крепко и полно сил. Его благородное умное лицо выражало несокрушимую волю и вместе с тем доброту. Борода его уже начала сесть и была слегка окрашена хной. Голубые, со стальным оттенком глаза Шамиля были слегка прикрыты, как будто он читал молитву.

Позади имама ехали его ближайшие помощники. Юнус из Чиркея гордо держал над собой знамя имама – простое белое полотнище. Знамя цвета чистоты, цвета ихрама – одеяния, в котором совершают хадж, было украшено арабской надписью «Во имя Аллаха милостивого, милосердного». Рядом ехал телохранитель Шамиля – молчаливый гигант Султанбек из Дылыма.

За ними следовало около сотни отборных джигитов – гвардия имама. Они составляли костяк его регулярных войск, еще немногочисленных, но правильно организованных и отлично вооруженных.

Шамиль возвращался в свою резиденцию из долгого похода. Это была не военная операция, но была важнее многих битв. Имам был в колеблющихся аулах, убеждая горцев объединиться в единую несокрушимую силу, с которой придется считаться и отступникам, и продажным ханам.

Это была непростая задача. Вольные общества, объединявшие десятки аулов, не спешили признавать чью-либо власть. Каждый аул жил по своим законам, а независимый характер горцы впитывали с молоком матери. Но с тех пор, как в горах появились царские солдаты со своими пушками, независимость даже вольных обществ была сильно поколеблена, а ханы стремились расширить свою власть и сломить всякое сопротивление.

– Засучите рукава для установления закона Милосердного и устранения наущения дьявола, – наставлял Шамиль.

– Знайте, что мы никому не причиним вреда за грехи и упущения, бывшие в прошлом. Аллах помилует вас, если вы отныне примете шариат, а если не примете, то у меня будет ко всякому, кто противится Аллаху и его посланнику, враждебное отношение, которое не изменится, пока я не одержу верх или буду убит.

В этом походе Шамиль совершил и дело особенной важности. Имам выкупил у одного общества брошенный аул и отдал его вместе с землями мухаджирам. Это были люди, не желавшие жить под властью царских крепостей, ушедшие к Шамилю от ханов. Были среди них и

беглые солдаты, измученные муштрой, и казаки, не желавшие воевать с кунаками-горцами, и поляки, сосланные на Кавказ после подавления Польских восстаний.

Поселяя перебежчиков на новом месте, Шамиль говорил местным джамаатам:

– Знайте, что те, которые к нам перешли от русских, являются верными нам, поверьте и вы им. Эти люди – наши чистосердечные друзья. Создайте им все возможности к жизни.

Перебежчики появились в горах уже давно. Многие стали настоящими горцами, женились, заводили семьи. А в военных делах были незаменимыми разведчиками, инженерами, умели составлять карты, чинили трофейные ружья и понимали в артиллерии. И бились они до последнего, потому что прощения от прежнего начальства не ждали.

Шамиль придержал коня, чтобы полюбоваться открывшейся перед ним величественной панорамой. Это было то самое место, где две большие горные реки Андийское и Аварское Койсу с грохотом сливались в одну. Здесь рождался полноводный Сулак, который нес свои воды через гигантские каньоны, чтобы затем спокойно влиться в Каспийское море. Это было особое место, которое всегда напоминало Шамилю о том, как закалялась его дружба с Магомедом – будущим первым имамом. Место слияния двух рек считалось очень опасным, и переплыть этот ужасный водоворот мало кто осмеливался. Но Шамиль, который во всем превосходил своих сверстников, решился сделать то, что удалось Магомеду, хотя и был младше него на целых пять лет. Бурные воды уже готовы были поглотить Шамиля, когда на помощь пришел его друг. Магомед спас его от верной гибели, и с тех пор они почти не расставались, как две реки, слившиеся в одну.

Магомед был не по годам учен, а Шамиль – не по годам жаден до знаний. Они часто уединялись и, заткнув уши воском, предавались иступленным молитвам, открывая в священной книге потаенные смыслы и сокровенные знания.

Вскоре отцу пришлось забрать Шамиля из гимринского медресе. Учитель жаловался, что Шамиль пришел к нему не учиться, а учить.

Магомед говорил другу, что есть в горах другие – большие учителя, знания которых дороже всех сокровищ. И вскоре друзья отправились странствовать по Дагестану в поисках

настоящих учителей и сокровенных знаний. Жизнь учеников-муталимов была нелегкой. Они жили в кельях при мечетях, а досыта ели только в праздники, когда принято особенно щедро наделять нуждающихся. Средства к существованию друзья добывали переписыванием Корана и других почитаемых книг. Но никакие лишения не останавливали будущих имамов, которые искали знания, как жаждущий ищет в пустыне оазис. Они обошли почти весь Дагестан, от учителя к учителю. Уже знаменитые ученые – потомок пророка Джамалуддин Казикумухский, Саид Араканский, Абдурахман-хаджи Согратлинский, Хаджи-Магомед Ирганайский называли их своими лучшими учениками, но они теперь жаждали иного.

Ученых в Дагестане было много, но веры, свободы и справедливости становилось все меньше. Они видели разобщенность народов, продаваемых в рабство людей, разрушенные аулы, царские крепости, построенные в горах. В ханских владениях процветало неприкрытое варварство: неугодных сбрасывали со скал, обливали кипящим маслом, им выкалывали глаза и отрезали уши, а девушек выменивали на лошадей. Царские генералы тоже не особенно церемонились, когда речь шла о наказании непокорных. Но явно было и то, что в горах зрела ненависть к ханам и прочей знати, деспотизм которой был защищен царскими штыками и обретал уже невыносимые размеры. И в конце концов кроткие алимы преобразились в яростных проповедников свободы и справедливости, без которых гибла и сама вера.

Магомед убедил Шамиля, что первым делом нужно искоренить адаты – древние обычаи, которые противоречили шариату – исламскому праву и толкали Дагестан в хаос беззакония. Затем Магомед написал «Блистательное доказательство отступничества старшин Дагестана», в котором объявил адаты собраниями трудов поклонников сатаны. А отступникам предрекал: «Если вы не предпочтете покорность своему господу, то да будете рабами мучителей».

Магомед обрел множество последователей, призывая людей принять шариат, по которому все должны быть свободны, равны и независимы, который не позволял какого-либо угнетения одного человека другим и ставил вне закона все, что вредило людям и обществу, вроде рабства или ростовщичества. Однако только проповеди, даже самые пламенные, неспособны были вернуть горцев на путь истинный. И молодые реформаторы не замедлили присовокупить к ним самые решительные действия. Восставшие по их призыву горцы объединились, изгоняли нечестивцев, а зависимые выходили из повиновения.

Шамиль и сам не ожидал такого успеха. Шариат распространялся как очистительный ливень, сметая недовольных мулл и лицемерных старшин. Шамиль вспоминал, как терявшая влияние и рабов знать пробовала урезонить Магомеда. Как Аслан-хан Казикумухский пригласил его к себе и стал упрекать, что он подбивает народ к непослушанию:

- Кто ты такой, чем ты гордишься, не тем ли, что умеешь изъясняться на арабском языке?
- Я-то горжусь, что я ученый, а вот вы чем гордитесь? – отвечал гость.
- Сегодня вы на троне, а завтра можете оказаться в аду.

Когда волнения охватывали уже подвластные царским властям области, остановить Магомеда попытался и самый могущественный человек в Дагестане – шамхал Тарковский. Он пригласил проповедника к себе, в Тарки, будто бы для введения шариата. Но Магомед заявил ему:

- Не знания должны идти за человеком, а человек за знаниями.

Едва придя в себя от такой дерзости, Тарковский бросился в Темир-Хан-Шуру и потребовал от царских властей покончить с мятежниками.

Больнее всего было для Шамиля то, что против них выступил и один из их учителей, почитаемый в горах ученый Саид Араканский. Он написал своим ученикам письма, в которых требовал оставить опасные проповеди и вернуться к ученым занятиям. В ответ Магомед и Шамиль призвали его поддержать их намерение ввести шариат и сплотить горцев для борьбы с греховной знатью. Араканский не соглашался, полагая, что дело это безнадежное и непосильное. Но было уже слишком поздно. Магомед и Шамиль со своими приверженцами явились в

Араканы и разогнали отступников. Саид сказал, что его кусает шенок, которого он сам выкормил, и бежал в Дженгутай к Ахмед-хану Мехтулинскому, оставив в Араканах свою библиотеку, считавшуюся самой большой в Дагестане.

Теперь отступить было некуда, и Магомед с Шамилем решили поднять на борьбу весь Дагестан. Движение их считалось мирным, но все чаще натыкалось на ханские сабли и царские штыки. И когда стало ясно, что шариат нуждается в острых кинжалах, Магомед и Шамиль обратились к духовным руководителям горцев за разрешением на священную войну.

Столпом веры в Дагестане почитался шейх Накшибандийского тариката Магомед Ярагский, который был очередным звеном Золотой цепи шейхов, восходящей к самому пророку. Он был кроток с праведниками и суров с теми, кто отступал от веры ради бренных земных благ. Главным условием веры шейх объявил свободу, но поначалу проповедовал мирный, духовный газават против дьявольской порчи в людских душах. Его последователи, вооружившись деревянными мечами, ходили по селам, призывая людей покаяться и вернуться к чистоте веры.

За деревянными мечами ханы распознали угрозу появления настоящих, которые были бы направлены против них. Забеспокоились и царские власти, велев ханам пресечь опасные брожения в своих владениях. Местному правителю это не удалось. Тогда к шейху было решено послать почтенного Джамалуддина Казикумухского, чтобы ученый уговорил ученого не гневить царские власти. Джамалуддин был секретарем хана, который осыпал его почестями, щедрыми дарами и даже пожаловал ему три аула, когда Джамалуддин предсказал правителю рождение сына.

Но путь Джамалуддина сопровождало столько необъяснимых явлений, что, явившись к Ярагскому, он желал лишь одного – принятия от него тариката – суфийского пути к познанию истины. Шейх посвятил Джамалуддина, и он стал его мюршидом – духовным наместником, которому позволялось самому направлять желающих вступить на истинный путь. Вернувшись в Кази-Кумух, Джамалуддин обратился к Аллаху с полным раскаянием, раздал людям все свои богатства и объявил хану, что отказывается от должности секретаря, ибо не желает быть соучастником грехов и злодеяний. Хан попытался наказать Джамалуддина, но натолкнулся на невидимую силу, которая едва не погубила его самого. Своим ученикам, число которых росло с каждым днем, Джамалуддин начал проповедовать шариат – первую ступень тариката.

Предпочитая миролюбивое распространение учения, он позвал к себе Магомеда и Шамиля, надеясь умерить их пыл и предостеречь от войны, в которую ханы непременно втянули бы царские войска, не тревожившие еще горный Дагестан. А борьбу с заведомо более сильным противником Джамалуддин считал губительной для народа. Шамиль уважал мнение мудрого наставника, но Магомед считал тарикатистов излишне мирными и ехать к Джамалуддину согласился лишь для того, чтобы убедиться, действительно ли он обладает необычайными дарованиями, о которых шла молва по всему Дагестану.

Входя в дом Джамалуддина, Магомед послал вперед с Шамилем одного из своих друзей, а сам сел с краю.

– Добро пожаловать, Магомед! – вдруг обратился к нему Джамалуддин, а затем взял за руку и посадил рядом с собой.

– Вот место, которого ты достоин.

Эта встреча произвела на гостей столь глубокое впечатление, что даже Магомед почувствовал непреодолимое желание принять у Джамалуддина посвящение в тарикат. Воинственные вожди шариатистов превратились в смиренных послушников, для которых молитвы стали делом более важным, чем война с отступниками.

С тем они и вернулись. Магомеда будто подменили. Ему открылся новый, захватывающий душу мир, и он надолго уединился для изучения полученных от Джамалуддина книг. А вместо кинжалов вновь взялся за проповеди, что очень удивляло его последователей. Люди стали расходиться по домам, а успехи шариатистов обращались в пыль. Но Магомед недолго

оставался в плену очарования Джамалудином. Он уже колебался между тягой к постижению пленительных высот тариката и стремлением к решительному искоренению разобщающих горцев адатов, чтобы заменить их едиными для всех законами шариата. Но тут пришло письмо от Джамалуддина, в котором мюрид писал:

«Совершенный ученый мюрид Магомед, если ты вступил на путь накшибандийских наставников, тебе нужно неотступно уйти в уединение и многократно славословить Аллаха, и наставлять тех, кто тебя навестит, тому, что ты знаешь. Тебе нет нужды толкать людей на смуту и гибель. Известно, что смуты будут продолжаться без конца, если ты начнешь дело, которое ты хочешь».

Но Магомеда это не убедило, он уже изнемогал от бездействия и в конце концов объявил Шамилю:

– Что бы там ни говорили Ярагский с Джамалудином о тарикате, на какой бы манер мы с тобой ни молились и каких бы чудес ни делали, а с одним тарикатом мы не спасемся: без газавата не быть нам в царствии небесном. Давай, Шамиль, газават делать.

Они взялись за оружие и развернули борьбу с новой силой. Все больше обществ Дагестана признавало шариат, который становился основой их единения и гарантией независимости.

В горах установилось двоевластие: народ поддерживал Магомеда, но его главный противник – Хунзахский ханский дом, один из самых древних и почитаемых в Дагестане, – был еще силен. Тогда Магомед с восьмитысячным отрядом сподвижников обложил его столицу Хунзах и предложил ханше принять шариат:

– Аллаху было угодно очистить и возвеличить веру! Мы лишь смиренные исполнители его воли!

Гордая ханша ответил огнем. Отряд повстанцев ворвался в Хунзах, но потерпел поражение. Магомед и Шамиль остались живы лишь благодаря заступничеству дервиша Магомеда из Инхо.

Уцелевшие повстанцы разошлись по домам, а Магомед и Шамиль с ближайшими сподвижниками вернулись в Гимры. Но скоро туда явился отряд царских войск с пушками, и под угрозой разрушения аула гимринцам было велено изгнать Магомеда с его сподвижниками. Они ушли сами и построили невдалеке от аула башню. Шамиль хорошо помнил, как Магомед предсказал тогда то, что потом сбылось:

– Они еще придут на меня. И я погибну на этом месте.

Опечаленный Джамалуддин велел Магомеду и Шамилю оставить такой образ действий, если они называются его мюридами в тарикате. Однако они не собирались опускать руки. Под Хунзахом они потерпели поражение, но в народном мнении они одержали победу, дерзнув пошатнуть главную опору отступников в Нагорном Дагестане. Однако в том, как действовать дальше, мнения друзей расходились. Магомед был убежден, что, пока остаются ханы, свободы в горах не будет, что сперва нужно вырвать с корнем ханское племя, а иначе, что бы они ни возрадили, все будет чахнуть.

Шамиль понимал, что он прав, но без поддержки духовных руководителей, без их разрешения, которое много значило для народа, все снова могло кончиться, как в Хунзахе.

Горячие споры и мучительные сомнения привели Магомеда к шейху Ярагскому.

– Аллах велит воевать против неверных, а Джамалуддин запрещает нам это, – сказал Магомед.

– Что же нам делать?

Убедившись в праведности намерений Магомеда, в чистоте его страстной веры, шейх счел, что отшельников-мюридов можно найти много, а настоящие военачальники и народные предводители слишком редки. И разрешил его так сомнения:

– Предпочтительнее повиноваться велению Аллаха, чем распоряжениям людей. Но ты выбери то, что считаешь нужным.

Магомед выбрал борьбу. Благословив его, Ярагский призывал в своих молитвах:

– О Аллах, ты посылай пророку сподвижников, пошли же мне имамов, чтобы наставить народ на верный путь и поддерживать его с помощью шейхов Золотой цепи.

Магомед был покорен не только мудростью святого угодника, но и красотой его дочери Хафисат, на которой вскоре и женился. В Гимры он вернулся другим человеком и с тех пор чувствовал незримую помощь, придававшую ему новые силы.

Молва о том, что Магомед получил разрешение шейха, всколыхнула весь Дагестан. Число последователей Магомеда стало неудержимо расти. В том же 1830 году Ярагский созвал в ауле Унцукуль съезд представителей народов Дагестана, где произнес слова, которым суждено было изменить историю Кавказа:

– Находясь под властью неверных или чьей бы то ни было, все ваши намазы, уроки, все странствования в Мекку, ваш брак и все ваши дети – незаконны. Кто мусульманин, тот должен быть свободным человеком, и между всеми должно быть равенство.

Затем он объявил о необходимости избрать имама – вождя народов Дагестана. Имамом, при общем согласии, избрали Магомеда. А к его имени теперь добавлялось «Гази» – почетный титул борца за веру.

Принимая имамское звание, Гази-Магомед сказал:

– Душа горца соткана из веры и свободы. Такими уж создал нас Всевышний. Но нет веры под властью неверных. Вставайте же на священную войну, братья! Газават изменникам! Газават отступникам! Газават всем, кто посягает на нашу свободу!

Шамиль стал ближайшим сподвижником имама, и они развернули борьбу по всему Дагестану. Как и предсказывал Джамалуддин, после первых же схваток с ханскими отрядами на помощь им пришли царские войска. Тогда Гази-Магомед решил сначала отсечь их от гор, а затем уже покончить с ханами. Мюриды Гази-Магомеда взяли Параул – резиденцию шамхала Тарковского. Оттуда они угнали большое стадо овец. Шамиль улыбался, когда рассказывал, как его потом делили и как имам показал разницу между адатами и шариадом.

– Какого раздела вы желаете? – спросил Гази-Магомед своих воинов.

– Как принято или как надо?

– Как принято, – ответили воины, полагая, что это будет более справедливым.

Тогда имам дал одному две овцы, другому – три, следующему – четыре. Увидев этот странный дележ, мюриды возроптали, но имам сказал им:

– Разве не так разделено все в горах? Одним – все, другим – ничего.

Мюриды согласились, что так оно и есть, но затем сказали:

– Такого раздела мы не хотим.

– Тогда поделим, как надо, по шариаду, – сказал имам, и все получили поровну.

Вскоре затем имам осадил крепость Бурную, располагавшуюся над Тарками – столицей шамхальства у берега Каспия. Но здесь они стали жертвой военной хитрости. Видя, что крепость вот-вот будет взята, гарнизон покинул ее, заложив там сильные пороховые заряды. И как только мюриды ворвались в Бурную, раздался ужасный взрыв. Большие потери и прибытие царских подкреплений вынудили Гази-Магомеда отступить, но не заставили отказаться от своих целей.

Многочисленности царских войск горцы противопоставили тактику стремительных рейдов. Отряды имама осаждали крепость Внезапную, поджигали нефтяные колодцы вокруг Грозной, атаковали укрепления на Кумыкской плоскости. Когда Гази-Магомед осадил на юге Дербент, но не смог взять древнюю крепость с ее большим гарнизоном, к нему прибыл шейх Ярагский со своим семейством. Аслан-хан подверг гонениям его и его мюридов, приходивших к шейху отовсюду. Тогда имам увез шейха к себе в Гимры, после чего поселил его с семейством в Эрпели. Затем шейх жил в Чиркее, а последние годы – в Согратле, не переставая поддерживать своих учеников словом, делом и молитвой.

После неудачи на юге, под Дербентом, Гази-Магомед прорвал Кавказскую линию на севере и захватил крепость Кизляр. Успехи повстанцев так обеспокоили Николая I, что он решил усилить Кавказский корпус частями, освободившимися после очередной русско-турецкой войны. Но войска Паскевича, командовавшего на Кавказе, не поспевали за имамом. На сторону Гази-Магомеда вставали не только простые горцы, но и известные влиятельные люди. Пополнялись отряды повстанцев и бывшими рабами, которых освобождал имам. Но вовсе неожиданным было то, что к горцам начали переходить солдаты и сосланные на Кавказ поляки из войск Паскевича. Свободы желали не только горцы. Мир вокруг неудержимо менялся, прежние устои рушились, и на их руинах Гази-Магомед возводил Имамат – государство свободных людей.

Восстание расширялось, захватив почти всю Чечню и перевалив за Кавказский хребет, в Джаро-Белоканы и Закаталы. В союзе с чеченскими вождями Гази-Магомед совершал нападения на укрепления пограничной линии, снова угрожал крепости Грозной. А когда горцы подступали уже к Владикавказу, в коня имама угодило ядро. Гази-Магомед был контужен. Когда имам пришел в себя, сподвижники спросили, кто будет после него, если он погибнет?

– Шамиль, – ответил Гази-Магомед, ссылаясь на видение, посетившее его на грани жизни и смерти.

– Он будет долговечнее меня и успеет сделать гораздо больше благодеяний для народа.

Разгневанный император велел покончить с бунтовщиками и покарать имама, дерзнувшего бросить вызов ханам, а с ними и царскому владычеству на Кавказе. Против Гази-Магомеда был послан большой отряд. Сначала войска двинулись через Чечню, разоряя восставшие села и штурмуя укрепления горцев, но добраться до имама так и не смогли. А затем, пополнив в Шуре потери, двинулись на Гимры – родину Гази-Магомеда и Шамиля.

Имам поспешил на помощь, но обоз с трофеями замедлял его движение. Тогда Шамиль предложил избавиться от добычи, раздав ее разоряемому войной народу.

– У хорошего воина карманы должны быть пусты, – согласился имам.

– Наша награда – у Аллаха.

Они успели к Гимрам на несколько дней раньше неприятеля. Шамиль двинулся навстречу передовому отряду Вельяминова, пытаясь его сдержать, а Гази-Магомед принялся укреплять аул. Само же ущелье было перегорожено каменной стеной и завалами. Гимринцы считали, что в их крепость может проникнуть лишь дождь. Они были недалеко от истины, только дождь тот оказался из пуль и ядер.

Шамиль помнил тот ожесточенный бой, как они отражали штурм за штурмом и как немногие уцелевшие воины засели в башне за аулом, которую они построили после сражения в Хунзахе. Башня была окружена, подверглась обстрелу из орудий, а смельчаки из солдат влезли на крышу, проделали в ней дыры и бросали внутрь гранаты и горящие фитили, пытаясь выкурить мюридов. Горцы отстреливались, пока их оружие не пришло в негодность. Убедившись, что живыми им отсюда не уйти, Гази-Магомед сказал: – Лучше встретить смерть в битве, чем дожидаться ее здесь.

Подавая пример, он засучил рукава и воскликнул, потрясая саблей:

– Встретимся перед судом Всевышнего!

Имам окинул друзей прощальным взглядом и бросился из башни в гущу солдат. Шамиль увидел, как штыки пронзили его на взлете и как Гази-Магомед упал перед башней. Мученик лежал с умиротворенной улыбкой на лице. Одной рукой он сжимал бороду, а другой указывал в небо, туда, где была теперь его душа – в божественных пределах, недостижимых для пуль и штыков. Тогда Шамиль, не давая отчаянию вселиться в души товарищей, воскликнул:

– Райские гурии посещают мучеников раньше, чем их покидают души. Возможно, они уже ожидают нас вместе с нашим имамом!

Затем разбежался и выбросился из башни так же, как сделал это Гази-Магомед. Шамиль и теперь не понимал, как ему удалось перепрыгнуть через частокол штыков, как удалось пробиться сквозь солдатские шеренги, стоявшие по обе стороны дороги. Может быть, потому, что он спасал не себя, а желание отомстить за своего имама и продолжить его дело?

Прыжок Шамиля был так неожидан, а вид его так страшен, что солдаты не сразу пришли в себя от изумления. Брошенный кем-то камень разбил Шамилю плечо, но он продолжал драться, сметая со своего пути каждого, кто пытался его остановить. Тогда еще один солдат изловчился и проткнул Шамиля штыком, но он схватился за штык, притянул к себе солдата и свалил его ударом сабли. Затем вырвал штык из груди и бросился дальше. По нему начали стрелять, но пули миновали Шамиля. На пути его встал офицер. Шамиль выбил шашку из его рук, тот стал защищаться буркой, но это его не спасло.

Тогда, вслед за Шамилем, спасся и гимринский муэдзин Магомед-Али. Он тоже выпрыгнул из башни, но остался невредимым, потому что все были заняты Шамилем. Этому юноше Шамиль остался благодарным навсегда. Когда израненный Шамиль лишился сил и сознания, он укрыл его от врагов. А потом, когда Шамиль счел себя уже мертвым и просил оставить его, чтобы спастись самому, он его не послушал. Магомед-Али как мог боролся за его жизнь. А когда Шамиль пришел в себя, помог ему добраться до Унцукуля и позвал тестя Шамиля лекаря Абдул-Азиза. Страшные раны оставляли мало надежд, но лекарь пустил в ход все свое умение, чтобы спасти Шамиля.

Шамиль все дальше углублялся в волнующие воспоминания, но его вернул к действительности чей-то крик.

– Шамиль! – неслось издалека.

– Имам!

Шамиль остановил коня и взгляделся туда, откуда несся зов. С гребня горы к ним спускался юноша в разодранной черкеске.

Султанбек преградил ему дорогу и спросил:

– Кто ты и зачем зовешь имама?

– Ханские нукеры ограбили наш аул, – рассказывал запыхавшийся юноша.

– Мы дрались, но их было слишком много...

– Где эти псы? – помрачнел Шамиль.

– Собирались уходить, – торопливо говорил юноша.

– Но если пойти напрямик, можно еще успеть.

Поход Шамиля и без того был нелегок, но он не мог оставить в беде людей, которые верили в него и нуждались в его помощи.

– Показывай дорогу, – велел Шамиль, поворачивая коня.

Строй мюридов рассыпался, и всадники начали взбираться на гребень следом за юношей.

Глава 3

Уже оправившаяся после родов, даже похорошевшая Екатерина Евстафьевна Граббе в окружении очаровательных деток являла собой воплощение семейного счастья. За обедом в доме Граббе присутствовала Елизавета Нерская, кузина фрейлины императрицы и душевная подруга Катеньки Граббе. Лиза, как звали ее близкие знакомые, была пикантная, хотя и несколько экстравагантная особа, полная нерастраченных чувств.

Судьба Лизы была романтически трагична. Ее муж, князь Михаил Нерский, оказался среди главных участников заговора, приведшего к декабрьскому восстанию на Сенатской площади. Не желая присягать Николаю, восставшие звали на престол Константина, считая его законным наследником неожиданно скончавшегося императора Александра I. А заодно требовали принятия Конституции. Солдаты и мужики полагали, что Конституция – просто жена Константина, до которой им дела не было. Но им сулили волю и отмену крепостного рабства, за которыми и пошли с их благородиями. Бунт – дело веселое, но обернулось оно кровавой бойней. На следствии выяснилось, что на самом деле заговорщики мечтали свергнуть самодержавие и учредить республику на европейский манер.

Свадьба Лизы была назначена на следующий день после восстания, которое началось внезапно, в надежде не допустить переприсяги новому царю. Михаил смог скрыться после расстрела на Сенатской площади, но его быстро выследили. Жениха ждали у церкви, позволив лишь обвенчаться. Вместо брачного алькова Михаил оказался в казематах Шлиссельбургской крепости.

Но несчастная супруга была преданна мужу и бросилась к кузине-фрейлине хлопотать за Нерского. Но ни ее слезы, ни влияние княжеской семьи не смогли умалить тяжести его преступления. Лиза только и смогла, что передать супругу медальон, в котором был миниатюрный портрет Лизы.

Лишь милость нового императора Николая позволила Михаилу избежать плахи. Неустанные хлопоты Лизы вырвали Михаила из каторжных рудников. Он был отправлен на Кавказ искупать вину простым солдатом. И, хотя общество весьма сочувствовало ссыльным декабристам, тянуть солдатскую лямку дворянам было нелегко. Оставалось выбивать штыком офицерские эполеты и утраченное дворянство. Многие сложили на этом поприще головы, как тот же Бестужев-Марлинский, книжками которого зачитывались молодые офицеры. Но кому-то все же удалось вернуться в благородное общество. Вот и Михаил Нерский, явивший в делах с горцами примерную храбрость, получил офицерский чин прапорщика. Чин, хотя и был 14-м, последним по классу, но все же был первым обер-офицерским.

Прочитав об этом в особом отделе «Русского инвалида», Лиза бросила все и помчалась на Кавказ. Однако само производство все не выходило, дело о нем где-то застряло. И вместо встречи с мужем, Лиза только получала от него письма.

Лиза решила дожидаться его тут, и жила в доме Граббе. Она усердно слала кузине душе-раздирающие письма, а в остальное время пользовалась лечебными водами, надеясь облегчить свои душевные недуги.

Вот и сегодня она уже успела посетить несколько источников и поговорить со множеством людей, совершавших утренний моцион. Это давало ей возможность знать все, что происходило на Водах, расспрашивать офицеров, не встречал ли кто ее мужа, и узнавать о ходе войны.

Все это было нелегко. Дичавшие на войне офицеры только и думали, за кем бы поволочиться. Надеясь расположить к себе пикантную особу, они живописали свои геройские подвиги, приводя в подтверждение свои раны. А некоторые, подвыпив, и вовсе вдруг сообщали, что муж ее, Михаил, перешел к горцам или – и того хуже – убит. Все это приводило несчастную Лизу в ужас. Она не спала ночами, воображая себе опасности, которым подвергался ее любимый супруг, хотя письма его были совсем другого свойства. Он называл ее, как прежде, Лизонькой и описывал чудесные кавказские пейзажи, а военные походы представлял увлекательными прогулками. Она плакала и без конца перечитывали его драгоценные письма.

«Милый мой ангел! Судьба разлучила нас, но таков уж промысел Божий, без испытаний нет любви! Медальон с образом твоим ненаглядным всегда у моего сердца, он бережет меня от несчастий, а любовь твоя освещает мой путь светлой надеждой. Скоро уже, поверь, душа моя, очень скоро мы будем вместе. Поцелуем запечатываю письмо сие, и ты непременно ощутишь жар его страсти.

Муж твой Михаил Нерский».

Только письма его пахли порохом, а почерк становился все более резким. И это еще больше пугало Лизу.

Ей было уже тридцать, красота ее увядала, пленительные прежде взоры теряли свое очарование. Она была замужем, но не имела ни настоящего мужа, ни детей. И это становилось все невыносимее, когда подруги ее давно обзавелись большими семействами, новыми связями и блистательным положением в свете. Дети Граббе ее умиляли, а в Павле Христофоровиче она видела олицетворение своих сокровенных надежд. Ведь он тоже когда-то был декабристом. Но когда она заговаривала об этом, Граббе нервно прерывал ее:

– Сударыня! Это дело прошлое. Это пора забыть!

Упоминание о тех днях декабря 1828 года его коробило. Не случись ему оказаться среди членов «Союза благоденствия», его судьба могла сложиться куда лучше. Он вышел из Общества за четыре года до известных событий, но тень их преследовала его всю жизнь. Эта злополучная «прикосновенность» висела над ним Дамокловым мечом, грозя обрушиться в любую минуту, несмотря на все его отличия и награды на государевой службе.

– Простите, Павел Христофорович, – утирала слезы Лиза.

– Но если он теперь офицер, отчего письма по-прежнему приходят вскрытыми? Разве можно этак бесцеремонно?

– У нас все можно, – многозначительно отвечал Граббе, у которого были свои обиды на правительство.

Лиза этого не понимала. Ей казалось, что тайные цензоры безжалостно вынимают из писем душу, а ей достается что-то другое, утратившее самое драгоценное, на что никто, кроме нее, не может иметь прав.

– А верно ли, что есть тайный указ насчет декабристов, чтобы за отличия не представлять к повышению, но доносить только, какое отличие ими сделано?

Граббе знал про этот указ, как и про многие другие, но обсуждать действия правительства, тем более с женщинами, не считал возможным.

– Но вот ведь повысили князя, – сказал он.

– Не князя, – поправила Лиза.

– Солдата.

– Как вам будет угодно, – развел руками Граббе.

– Все мы у государя – солдаты.

– И все же, – не могла взять себя в руки Лиза.

– Когда вы были... То есть когда Михаил оказался в заговорщиках, он ведь желал отечеству пользы? Пусть он ошибался, но ведь из любви... Вот и мне говорил, отчего, мол, мы французов разбили, вернули Европе свободу, а сами и мечтать о ней не смеем?

– Химеры! – вспыхнул Граббе.

– Разве не сами же главари декабристов, Пестель да Муравьев, царство им небесное, в проектах своих указывали, что для спокойствия государства надобен специальный жандармский корпус, особая тайная полиция? Вот государь и прислушался. А граф Бенкендорф возглавил. Потому и письма ваши приходят вскрытыми.

Граббе хотел было продолжить обличительную речь, но сумел взять себя в руки. Как бывший тайный агент, он отлично видел, что на Кавказских Минеральных Водах шныряли стаи субъектов, которые следили за всем и доносили обо всем. Не говоря уже о собственно голубых жандармских мундирах, к которым все давно привыкли, но брезгливо сторонились. И для Граббе не было секретом, что любое неосторожное слово, всякое подозрение в неблагонадежности становились известными в столице. Даже храбрый служака-офицер, далекий от политики, а только, захмелев, чистосердечно порицавший процветающее на Кавказе казнокрадство, раздачу наград приближенным или бездарность воинских начальников, мог дорого заплатить за свое вольнодумство.

Генерал несколько раз уже порывался отказать Лизе от дома, но положение при дворе ее кузины, которой она не ленилась сообщать о герое Граббе, незаслуженно пребывающем не у дел, удерживало его от резкого шага. Никогда не мешает напомнить о себе при дворе, даже таким способом. Кроме того, Лиза снабжала семейство Граббе последними сплетнями, которые деликатно именовались новостями, и только в особых случаях это называлось «нонсенс».

Новость, которую она сообщила на этот раз, повергла Граббе в изумление.

– А вы про генерала Вельяминова слышали? – спросила Лиза, отпивая чаю.

– А что Вельяминов? – насторожился Граббе.

– Говорят, умер.

– Как умер?!

Граббе вскочил и заходил по комнате, не в силах осознать случившееся.

– Алексей Александрович, такой крепкий мужчина, герой, и вдруг – умер? – не верила Екатерина Евстафьевна.

– Вероятно, вы хотели сказать – убит? – нервно говорил Граббе

– На войне, случается, убивают.

– Да нет же, – настаивала Лиза

– Умер! Заболел и умер.

– Чем же он болел? – все еще сомневался Граббе.

– Не слышал, чтобы он лечился.

– Говорят, открылась тяжкая водяная болезнь. Он в экспедиции был против черкесов.

Солдаты из сил выбивались, а граф решил подать пример и полдня шел по глубокому снегу.

– Это же надо так простыть! – перекрестилась Екатерина Евстафьевна.

– А какой был красавец!

– Государь даже своего лейб-медика прислал, но все оказалось напрасно, – продолжала Лиза.

– А хоронить где будут? – спросила Екатерина Евстафьевна.

– У покойного имение в Тульской губернии, – сказал Граббе и перекрестился.

– Туда и повезли, – кивнула Лиза.

– Все только об этом и говорят.

Неожиданная смерть генерал-лейтенанта Вельяминова могла многое изменить. Граббе знал его еще по войнам с Наполеоном. Вельяминов был сверстником Граббе и служил в артиллерии у Ермолова, когда Граббе был у того адъютантом.

Став командующим на Кавказе, Ермолов сделал Вельяминова начальником штаба Отдельного грузинского корпуса, и с тех пор его протееже участвовал во всех войнах, случавшихся на Кавказе и вокруг него. После Турецкой войны он получил пост командующего вой-

сками на Кавказской линии и в Черномории. Он не гнулся перед начальством и не всегда соглашался с военным министром Чернышевым, за что Граббе уважал его особенно, так как имел свои счеты с этим царедворцем, больше занятым интригами, чем настоящими военными делами. Наперекор Чернышеву, Вельяминов не признавал оборону и отдавал предпочтение сильным набегам. Его считали вольтерьянцем за томик веселого философа, с которым Вельяминов не расставался даже в походах. Читал он в очках, за что солдаты прозвали его «четырёхглазым». Он сочинил «Способ ускорить покорение горцев», но применить его на деле так и не сумел. Вельяминов слыл распорядительным и хладнокровным командиром, умевшим вселять отвагу в самое слабое сердце. Но в смысле гражданского управления Граббе его не одобрял, потому что здесь творились очевидные безобразия и полнейшая неразбериха.

Взволнованный Граббе понимал, что Лиза не могла знать всего, а происходить теперь должно было многое. Генерал решил выйти в город, чтобы узнать о чрезвычайном событии побольше.

Граббе надел мундир и украсил его своим главным орденом – Святого Георгия 3-й степени, который красноречиво свидетельствовал о множестве прочих. Золотой крест с расходящимися белыми лучами давался за особые боевые заслуги, его полагалось носить на шейной ленте и никогда не снимать. Граббе получил его за Польскую компанию. Тогда, в должности начальника штаба 1-го пехотного корпуса, он участвовал в нескольких сражениях и штурмовал Варшаву.

Глава 4

Дамы вызвались сопровождать генерала. Жене не терпелось поговорить со знакомыми о своем прелестном младенце. А Лиза стремилась в магазин Челахова, где можно было не только купить модные вещицы, но и найти свежий номер «Русского инвалида», в котором она надеялась прочесть о новом повышении мужа по службе. Ее не столько опечалила смерть знаменитого генерала, сколько беспокоила мысль о том, как бы заступивший на место Вельяминова не отменил прежние представления о производстве в новые звания.

Курорт на минеральных водах у гор Машук и Горячая было велено учредить в начале века. Но настоящее свое развитие он получил при Ермолове, в правление которого здесь появились минеральные ванны, так и прозванные – Ермоловскими. Началось кипучее строительство лечебниц, лазаретов, павильонов, дач и гостиниц. По украшавшей пейзаж пятиглавой горе Бештау город получил свое название – Пятигорск. Поначалу здесь лечились раненые и больные с Кавказского театра военных действий, но со временем Пятигорск разросся и превратился в модный южный курорт, где бурлила светская жизнь.

Пятигорский бульвар, обсаженный липами, был многолюден и напоминал Невский проспект. Все «водяное общество» прогуливалось здесь в перерывах между употреблением предписанных докторами порций из целебных источников. Публика была весьма разнообразная, и костюмы встречались поразительные – от вуалей и ярких шляп до статских фраков и разнообразных вариаций военных мундиров, украшенных папахами, бурками и всевозможным оружием.

Казалось, здесь никому и дела не было до умершего Вельяминова. Все были заняты способами водного излечения и афишами заезжих гастролеров. Дамы же, заняв все скамейки вдоль бульвара, внимательно изучали наряды соперниц, особенно недавно прибывших из столиц и, следовательно, имевших больше понятия о последних модах.

Гомеопатических наклонностей местных докторов Граббе не разделял, считая, что настоящий лев должен питаться мясом. А на страдалцев с горящими глазами, принимающих натошак невообразимое количество дурно пахнущих минеральных вод, смотрел снисходительно, как на помешанных. Граббе лишь сдержанно раскланивался с редкими знакомыми и внутренне негодовал на это сборище ряженных, среди которых не находил ни одной значительной персоны, мнение которой могло бы что-то значить.

Наконец, они добрались до нужного дамам магазина, над которым красовалась вывеска «Депю разных галантерейных, косметических и азиатских товаров».

Генерал магазинов не посещал. Оставив дам за их любимым занятием, он направился в ресторацию, служившую центром здешней светской жизни.

Ужасная гора, виденная Граббе во сне, не шла у него из головы, и генерал чувствовал, что существует какая-то неуловимая связь между ней и кончиной Вельяминова.

Владелец магазина армянин Челахов устроил его на столичный манер, и приезжие могли найти в нем все, что могло понадобиться для отдыха, лечения и развлечений. Цены у Челахова были ниже столичных, а товары не хуже. Сверх того предлагались кавказские костюмы, оружие и прочие местные принадлежности отменного качества. Покупать у Челахова считалось хорошим тоном, и здесь всегда хватало посетителей.

Екатерина Евстафьевна с восторгом перебирала детские наряды, только что поступившие из Парижа. Она обожала своих детей и денег на них не жалела. А Лиза принялась листать журналы, все еще надеясь выискать в них дорогое ей имя. Ничего не найдя, она отложила журналы и с грустью смотрела на хлопоты счастливой матери, которая покупала платьице за платьицем. Это было так трогательно и так невыносимо. Лиза отвернулась, чтобы украдкой смахнуть слезу, но тут ее внимание привлек смуглый молодой господин, выбиравший кавказскую саблю.

- А нет ли поострее? – любопытствовал покупатель, неумело размахивая тяжелой саблей.
- Найдется, – сладко улыбался продавец и подавал другую саблю, полегче.
- Вот, извольте.
- Да, – согласился покупатель, рубя воздух новой саблей.
- Эта не в пример острее будет.
- Ежели на войну идти изволите, то рекомендую и кинжал, – предлагал товар продавец.
- Гвозди рубит, шайтан.
- А-а, – неуверенно кивал покупатель.
- На Шамиля в самый раз!
- Если на Шамиля, – принял серьезный вид продавец,

- Вам непременно пистолет надобен. Имеем новейших конструкций.
- Пистолет у меня уже есть, – сообщил покупатель.
- Даже два. Французских! Таких и в столице не найти.
- Простите, сударь, – не удержалась Лиза.
- А вы в какой полк намерены?
- Я, собственно, еще ни в какой, – отвечал покупатель.
- Я по личному желанию, сударыня. Как волонтер... В тот, что к Шамилю поближе будет.
- Вы такой храбрый! – улыбнулась Лиза.
- Да! – воскликнул волонтер.
- То есть... У меня особая цель. Я специально приехал. Однако же позвольте представиться. Честь имею, Аркадий Синицын, бывший студент.
- Елизавета Нерская, – протянула руку для поцелуя Лиза.
- Я на тот предмет спрашиваю, что муж мой в Дагестане служит. И если вы его увидите... Я бы хотела...
- Сочту за честь! – обрадовался Аркадий.
- А бурочку не желаете ли? – напомнил о себе продавец, набрасывая на плечи Аркадия черную бурку.
- Господи Боже! – воскликнула Лиза, глядя на преобразившегося Аркадия.
- Вылитый черкес!
- Бурка в горах – первое дело, – убеждал продавец.
- И от непогоды спасает, и от ран бережет. Опять же папаха...
- Это я и сам знаю, – сказал Аркадий, скидывая бурку.
- Вы это все мне заверните.
- Он достал деньги расплатился не глядя.
- Куда прикажете принести?
- В гостиницу. Знаете, тут, за углом. В седьмой номер.
- Всенепременно, ваше благородие, – кланялся продавец.
- И бутылочку вина приложим от заведения. У нас все по высшему разряду.
- Довольный произведенным на даму впечатлением, Аркадий рискнул продолжить знакомство.
- Не позволите ли вас проводить, сударыня, в смысле моциона?
- Этот молодой человек был так не похож на местных нахальных донжуанов, что Лиза решила прогуляться с ним по бульвару. Про Екатерину Евстафьевну она тут же позабыла.
- В помпезном здании ресторации, над которым весьма потрудились архитектор Шарлемань, устраивались балы, представления и благотворительные вечера в пользу раненых, а дважды в неделю проходили благородные собрания. За вход брали по пятьдесят копеек серебром, из которых платили музыкантам и покупались свечи для освещения. Прочие удовольствия, равно как и изысканные напитки, посетители оплачивали сами. Но в этот день с посетителей денег не брали в память о Вельяминове, который немало способствовал устройству этой ресторации.
- Когда Граббе вошел в просторную, красиво убранную залу, к нему сразу же бросилось несколько его знакомых. В отличие от бульвара, здесь были весьма озабочены вестью о кончине Вельяминова.
- Вы уже слышали, Павел Христофорович? – спрашивали генералы и полковники, почтительно здороваясь с Граббе.
- Какое несчастье, ваше превосходительство!
- Прямо беда!
- А что Шамиль?
- Пока сидит тихо.

- То-то! Пусть только попробует мюридов своих бунтовать.
- И зачем было в снегу стоять? Генеральское ли это дело?
- Генеральское дело – во всем быть примером, – ответил Граббе.
- И в снегу, и даже под ядрами.
- А какой был генерал! Самого Аббас-Мирзу за Аракс загнал!
- И ведь всюду поспевал! Помню, шли мы с ним через Балканы...
- А учен был! Бывало, принесут ему голову абрека, так он ее непременно в столицу для научного обозрения!
- Что же теперь будет?
- Неисповедимы пути господни...
- Дас, – глубокомысленно, со значением кивал Граббе.
- Все мы смертны...

Граббе имел много что сказать о Вельяминове, и даже поболее остальных, но в обществе мелькавших здесь голубых мундиров предпочел ограничиться тирадой насчет боевого товарищества с Вельяминовым в Наполеоновскую кампанию, давая понять, что заслуги их под Смоленском и при Бородино были оценены менее чем скромно.

Подали рюмки с водкой. Все выпили, поминая генерала. Затем разговоры переместились в кружки, и к сожалениям стали примешиваться иные тревоги. Кто теперь заступит на место Вельяминова? Что будет с теми, кому он протезировал, кому обещал должности? Сменится ли штаб? Оставят ли горцев в покое или, напротив, велят безотлагательно усмирить? Было о чем призадуматься, особенно тем, кто служил на Кавказе. И втайне почти всякий прочил себя на соблазнительную вакансию, ибо каждый мнил себя Наполеоном.

Лиза и Аркадий прогуливались по бульвару, как старые знакомые. Она держалась от кавалера на достаточно деликатном расстоянии, которое не могло бы бросить на нее и малейшую тень компрометации. Лизе вовсе не хотелось подвергать сомнению свою репутацию, которую она гордо берегла столько лет. Но Лиза так давно не разговаривала с молодыми людьми, даже на таком расстоянии, что была в некоторой растерянности. Особенно ее смущали завистливые взгляды стареющих дам, которые расселись на скамейках вдоль аллеи и подозрительно перешептывались, слишком внимательно разглядывая ее кавалера.

Чтобы не обращать на них внимания, Лиза представляла, будто прогуливается со своим супругом... Ведь именно для этого она сюда и приехала – броситься на шею мужу, вышедшему в офицеры. Эта ничего не значащая прогулка оборачивалась опасным искушением.

- А позвольте полюбопытствовать, вы здесь с папенькой? – решил спросить Аркадий.
- Во все нет, я живу у семейства генерала Граббе.
- Граббе! – воскликнул Аркадий, будто услышал имя старого приятеля.
- Как же, как же!
- Он истинный герой, – кивала Лиза.
- И даже был декабрист.
- Вот-вот, из декабристов! – кивал Аркадий.
- Они, декабристы, такие. Им ничего не страшно.
- И знаком с моим мужем.

Но Аркадия мало занимал муж Лизы, ему больше нравилось думать, что Граббе может составить ему протекцию.

- А генерал, он на каком фланге? Где Шамиль?
 - Он... – не знала, что ответить Лиза.
 - Он сейчас в отпуске. Поправляет здоровье.
 - А когда поправит? – не унимался Аркадий.
- Но Лиза решила перевести разговор на другой предмет.
- Вы говорили, пистолеты у вас особенные.

Аркадий засиял от гордости:

– Я открою вам тайну.

– Тайну? – удивилась Лиза.

– Только дайте слово, что не скажете генералу.

– Как вы могли подумать! Ну, говорите же!

– Это дуэльные пистолеты.

– Дуэльные? – не понимала Лиза.

– Я прибыл, чтобы вызвать на дуэль Шамиля.

– Что вы такое говорите? – не верила Лиза.

– Разве вы знаете Шамиля?

– Я его никогда не видел, но, по рассказам бывалых офицеров, он – человек благородный.

Стало быть, примет вызов.

– За что же вы его намерены вызвать?

– Я вижу в вас аристократическую особу, я очарован вами и потому откроюсь лишь вам, – произнес Аркадий с видом заговорщика.

– Благодарю вас, сударь. Но продолжайте же. Это очень волнительно.

Аркадий уже собрался было с духом, но тут навстречу выкатился открытый экипаж, в котором веселая компания в окружении цыган распевала модный романс «В горах я встретила черкеса».

Лиза наметанным глазом определила, что кутили настоящие «кавказцы». Это было видно по загорелым лицам. Была весна, но высоко в горах можно загореть и зимой. И еще она знала, что эти молодцы – с Правого фланга, на который в том, 1838 году, было обращено главное внимание кавказского начальства и откуда прибывало больше всего раненых.

Следом катили парные дрожки, и возницы созывали желающих отправиться на Щелочные, Кислые и Железные Воды, посетить загадочный Провал или полюбоваться видами с горы Машук.

Затем показался и разукрашенный тарантас, из которого выскакивали клоуны, жонглеры и ученые собачки, приглашая на свои представления. А маги и чародеи сулили открыть любые тайны и предсказать будущее.

В благородном собрании разбирали военную компанию против горцев. Толковали о Вельяминове, который не сумел взять Шамиля в Гимрах, в разбитой и окруженной башне, о Фезе, который запер Шамиля в далеком ауле, но выпустил. Да к тому же подписал с ним мир, который вселил в горцев уверенность в своей непобедимости. О государе, который в свой визит на Кавказ был так разгневан, что ему не представили раскаявшегося Шамиля, что уволил Розена и положился на Головина, обещавшего быстро кончить войну. Обо всех вместе главных кавказских командирах, которые валили вину друг на друга. А главное – о том, что Кавказ превратился в Ахиллесову пяту России. Долгая и непопулярная война становилась вредной привычкой вроде пьянства. А много ли проку от пьянства? Одни долги да дуэли. Надо бы кончать, только духу не хватает. Хотя и для войск – недурная школа. Только это вечное оправдание уже теряло смысл. После школы люди умнее становятся, а тут – жизни лишаются.

Как карты, в которые невозможно выиграть, а выиграв – обогатиться. Но вот вопрос: имеют ли горцы право на независимость? Философический вопрос. Хань-то их давно на государственной службе. Выходит, Шамиль – бунтарь. А разве можно с бунтарями мириться? Эдак и в России крестьяне на помещиков восстанут. А мужику волю давать – хуже нет. Все устои рухнут.

Граббе на Кавказе не воевал, но имел мнение и на сей счет, которое заключалось в том, что война на Кавказе ведется неправильно. То ли дело в Европе воевать. Вот тебе авангард, вот арьергард, маневры, артиллерия. А тут – сам черт не разберет. И порядка никакого нет. Вот древние римляне, те были воины! Французы – так себе вояки, а Шамиль и его мюриды

– чистые разбойники! Таких в два счета можно расщелкать, надо только правильную методу применить.

Бывалые кавказцы осторожно возражали. Воевали они и в Европах, только Кавказ – штука мудреная. Тут не в маневрах дело. Наполеон был антихрист, Москву сжег, там ясно было, с кем дерутся и за что. А Шамиль – материя особенная. Впрочем, в политику предпочитали не углубляться, на то в штабах мудрецы сидят, а здесь люди военные.

Граббе ценил древних полководцев и не удержался от того, чтобы объяснить простые средства для успокоения Кавказа, если бы он сам был на месте Македонского или того же Ганнибала. Он был красноречив, но сильно увлекался, а когда пришел в себя, обнаружил, что остался наедине с пьяным поручиком. Тот, размахивая бокалом с вином, цитировал ему стихи Лермонтова на смерть Пушкина, за которые тот был сослан на Кавказ:

Погиб поэт! – невольник чести – Пал, оклеветанный...

– Э-э... Как там было?... – силился вспомнить поручик.

Не вынесла душа поэта!..

– Э-э... А, вот!

Вы, жадною толпой стоящие у трона, Свободы, Гения и Славы палачи! Таитесь вы под сению закона, Пред вами суд и правда – все молчи!.. Но есть и божий суд, наперсники разврата!..

– Что-с? – грозно воззрел на него Граббе.

– Это в каком смысле?

– Я на тот предмет, что не имел счастья быть знакомым с Пушкиным, а вы, я слышал, удостоились...

– Вы пьяны, милостивый государь, – отрезал Граббе, отстраняя от себя поручика.

– И, похоже, достаточно излечились, чтобы вернуться к месту службы.

– Всенепременно, – кивнул поручик, допивая вино.

– Сегодня обещали шансонеток, да вот незадача... Головин...

И поручик нетвердой походкой направился в буфет. Там его дождался приятель – штабс-капитан с рукой на перевязи.

Граббе уже давал себе слово не посещать этот вертеп, где всякий раз находятся наглецы, готовые нагрубить генералу. Однако тут были особенные обстоятельства. С Пушкиным он действительно был знаком. Но о гибели его на дуэли вовсе не сокрушался. Во-первых, потому, что дуэли запрещены законом. Во-вторых, он был обижен на Пушкина, назвавшего письмо Граббе царю после арестов декабристов глупым унижением перед правительством. Знал бы он, как храбро держался Граббе на допросах! Сам-то поэт и до столицы не доехал, заяц, видите ли, ему дорогу перебежал. И еще смел рассуждать о заслуженных генералах, когда сам порошу не нюхал. Всего-то и подвигов явил, что взял у казака пику и погнался за отступающими турками.

Да и поэзию его Граббе невысоко ценил. Они познакомились четыре года назад у Раевского-младшего. Говорили о 12-м годе, а потом разочарованный Граббе записал в своем дневнике: «К досаде моей, Пушкин часто сбивался на французский язык, а мне нужно было его чистое, поэтическое русское слово... Вообще, пылкого, вдохновенного Пушкина уже не было. Какая-то грусть лежала на лице его».

Привлеченные веселым гомоном, на бульваре начали появляться отоспавшиеся после ночных увеселений «фазаны». Так здесь именовали честолюбивую молодежь, слетавшуюся на Кавказ со всей России. Это были отпрыски знатных семейств и разночинцы, околдованные романтическими героями Бестужева, жаждавшие сильных чувств, мечтавшие щегольнуть, отличиться в какой-нибудь недолгой и не слишком опасной экспедиции. Эта «золотая молодежь» искренне полагала, что война с горцами – не более чем веселый пикник на природе с фейерверками вместо пушек и наградами, сыплющимися градом вместо пуль.

Других приводили на Кавказ неоплаченные карточные долги, амурные неудачи, скука столичных салонов и отвращение к наукам, которыми потчевали студентов старые профессора.

Третьи, наслышавшись об экономических чудесах, сопутствовавших долгим войнам, надеялись сделать карьеру, чтобы вернуться домой в чинах и с приличным капиталом. Они полагались на рекомендательные письма, протекции и благосклонность судьбы, в которой успели усомниться на мирном поприще.

На Водах «фазаны» проходили нечто вроде карантина, привыкая к новой жизни и постепенно теряя старые привычки. Да и на то, чтобы уяснить, не готовятся ли новые экспедиции, на каком фланге, в какой полк им лучше приписаться, чтобы вернее всего удовлетворить свои чаяния, требовалось время. Перед тем, как ринуться за наградами и прочими вожделенными отличиями, эти волонтеры заводили дружбу с настоящими военными кавказцами, усваивали их манеры, оригинальные костюмы, мотали на ус изумительные случаи из боевой жизни.

Лечившиеся на Водах офицеры смотрели на «фазанов» свысока, как бы с Кавказских гор, но покутить за их счет были не прочь. Слишком богатых и неопытных они ловко обыгрывали в карты, оставляли почти ни с чем, чтобы те умоляли своих папенок и маменек прислать им еще денег «на покупку лошади взамен подстреленной горцами».

Некоторые «фазаны» до того преуспевали в заочном познании боевой кавказской жизни, что возвращались обратно, полагая, что с них и того довольно. Без наград, зато и без ран, живые-здоровые и с множеством мемуаров, из которых даже пытались составлять книжки на манер Марлинского.

– Пусть уж лучше перья скрипят, чем пули свистят, – благоразумно рассуждали кавказские «ветераны».

Граббе так и не дождался влиятельных персон. Вероятно, у них появились заботы поважнее. Вокруг выпивали и закусывали. Тон задавали бывшие декабристы, разжалованные в солдаты, но сумевшие выбиться в офицеры. И разговоры сами собой перетекали в предосудительное русло. Однако кавказские офицеры умели не только воевать. Жандарм в голубом мундире уже сидел за их столом в сильном подпитии, поминутно поправляя нахлобученную кем-то папаху. И до того уклонился от обязанностей, что провозгласил тост за Шамиля:

– Не явись он на имамство, – улыбался жандарм приятелям, – вы бы, господа мои хорошие, так и гнили на своей каторге!

Затем принялись рассуждать о том, кому эта война выгодна, и сошлись на казнокрадах.

– Да вот взять хотя бы Эолову арфу, – объяснял капитан, пытаясь обратить на это внимание осоловевшего жандарма.

– Я на инженера учился, я знаю. Одно – что арфа эта и не звучит вовсе, а другое – заметьте, что потрачено на нее двенадцать казенных тысяч, когда я бы и за пару лучше соорудил, и она бы у меня не то что пела – польку бы плясала!

Граббе решительно направился к выходу. Бывшие декабристы провожали его ироничными ухмылками. Они недолюбливали Граббе, полагая, что он вышел «сухим из воды». Они не смели сказать ему это в глаза, но не упускали случая поддеть его самолюбие. Вот и на этот раз, когда он проходил мимо столика, за которым офицеры играли в ломбер, кто-то нарочито громко назвал ненавистное Граббе имя генерала, которого уже прочили на место Вельяминова.

Барон Анреп! На царском смотре вышло недоразумение, когда Граббе неточно передал Анрепу повеление государя, и тот со своей бригадой исполнил не то движение, какое следовало. Государь остался недоволен. Последовало нелицеприятное объяснение Анрепа с Граббе, кончившееся вызовом на дуэль. Стреляться решено было за границей. Анреп отбыл туда немедленно, но Граббе так и не дождался. И теперь упоминал о нем с нескрываемым презрением.

– Его тут только недоставало, – мрачно думал Граббе, направляясь к выходу.

– Этот фанфарон должен бы меня благодарить! Отказавшись от дуэли, я спас его от государственного преступления. И от смерти тоже, ведь первый выстрел был за мной... Впрочем, он все еще за мной, и если приведет судьба...

Его размышления прервало эхо, которое вдруг пронеслось по всему собранию:

– Граббе!..

Генерал остановился, не понимая, что происходит. Со всех сторон на него смотрели удивленные, злые и заискивающие лица.

– Ваше превосходительство, господин генерал-лейтенант!

Перед Граббе возник усталого вида фельдъегерь, одной рукой отдавая честь, а другой протягивая ему запечатанный красным сургучом конверт.

– Извольте принять.

– Что это? – спросил Граббе, тоже отдавая честь.

– Экстренное. Из Петербурга. По высочайшему именному повелению.

Граббе взял пакет. Собрался с духом и распечатал. Это было приказание немедленно явиться к военному министру Чернышеву. У Граббе потемнело в глазах. Слишком много несчастий для одного дня. Если Анреп был всего лишь его недругом, то Чернышев был могущественным и злопамятным врагом.

Когда шум на бульваре улегся и отдыхающие вновь предались целительному моциону, Лиза решила вернуться к прерванному разговору.

– Так вы говорите, дуэльные пистолеты?

– Настоящие. Безотказные, и пули не выкатываются, – с готовностью рассказывал Аркадий.

– Папенька их с войны с Наполеоном привез. А я позаимствовал. Ради чрезвычайно важного, и даже в историческом смысле, дела.

– Так чем же вам Шамиль не угодил? – допытывалась Лиза.

– Собственно, он тут ни при чем, – сказал Аркадий.

– Однако и без него не обошлось.

– Я вас не понимаю, Аркадий. Умоляю, скажите же, в чем дело!

– Вы мне не верите?

– Напротив. Мне это очень важно, – говорила Лиза.

– Если вы таким образом решили кончить войну, значит, и муж мой скоро вернется.

Аркадий огляделся, будто боялся, что их кто-то подслушает, и тихо сказал:

– У меня была невеста. Я ее любил без памяти, – Аркадий перевел дух и продолжил: –

Но вдруг явился с Кавказа весь в орденах полковник. И моя невеста...

– Она вам отказала? – ужаснулась Лиза.

– Как в обморок упала, а очнулась его невестой.

– Я вам очень сочувствую, – сказала Лиза.

– И даже очень понимаю ваши страдания. Однако же не Шамиль увел у вас невесту.

– Увел полковник весьма геройского вида. Будь я девицей... То есть я хотел сказать... –

Аркадий смутился, затем снова перевел дух и выпалил: – Я тогда-то все и понял. Если Шамиль не уймется, оружие не сложит, то так и будет плодить героев-полковников на горе отвергнутым женихам.

– Я и сама еще не стара, но плохо понимаю нынешнюю молодежь, – вздохнула Лиза.

– Как-то у вас все диковинно выходит. Полковник вам обиду нанес, а вы Шамиля на дуэль желаете вызвать.

– И вызову! Я от своего не отступлюсь! – пообещал Аркадий.

– Она узнает, каковы бывают настоящие герои!

– Да вы и не воевали еще, а уже в моих глазах – герой, – всплеснула руками Лиза.

– Что же будет, когда до горцев доберетесь?!

– Я всем докажу! – горячился польщенный Аркадий.

– Вы меня не знаете, сударыня. Я такое сотворю, что в историю впишут!

Послышались выстрелы. Это была бутафорская пальба в кукольном представлении. Лиза и Аркадий невольно остановились, увидев, как бойко кувыркались уморительные фигурки. Отважные генералы насакивали на горцев, стягивали их с гор, учили уму-разуму и уводили в плен самого Шамиля.

Глава 5

Из небольшого аула, который хунзахские ханы считали своей собственностью, выползала вереница ароб. Впереди ехал на коне ханский нукер, грызя кусок сушеного мяса. Аробы были нагружены всякой всячиной – от медных тазов и кувшинов до домотканых ковров. Следом семенили привязанные за рога овцы и осел на аркане.

Хватаясь за арбу, шла рядом плачущая женщина.

– Чтоб вы подавились! – стенала она.

– Придержи язык! – орал нукер.

– Чтобы мое добро у вас носом пошло! – не унималась женщина.

– Прочь! – Нукер отгонял женщину нагайкой.

– Пока я не отправил твоего мужа чистить ханские конюшни!

Серпантин дороги сделал очередной поворот, и повозки остановились. Перед ними стояли мюриды.

– Салам алейкум, – сказал Шамиль.

– Ва алейкум салам, – растерянно ответил нукер.

– Вы кто такие?

– Мусульмане, – сказал Юнус.

– А ты – тоже правоверный? – спросил Шамиль, сощутив глаза.

– Шайтаны они, а не мусульмане! – запричитала женщина.

– Последнее отняли! Все им мало!

– Мы взяли только то, что причитается, – оправдывался нукер.

– Кому причитается? – холодно спросил Шамиль.

– Хану! – приосанился нукер.

– И никто не смеет посягать на его права.

– Человек имеет право только на то, что создал своими руками, – сказал Шамиль.

– А грабителям причитается наказание.

– Сами вы грабители! – заорал нукер.

– Хан с вас шкуру сдерет!

– Как этот мужлан разговаривает с имамом? – удивился Султанбек, кладя свою огромную руку на рукоять сабли.

– Может, ты и имам, – осклабился ханский нукер.

– Но здесь владения хана.

Юнус выехал вперед и схватил коня нукеру за уздечку.

– Я научу этого раба почтению.

Поняв, что дело плохо, нукер прищпорил коня, надеясь вырваться из окружения. Но крепкая рука Султанбека вырвала его из седла. Подоспевшие мюриды скрутили сборщика, а юноша, который привел помощь, снял с нукера оружие. Перепуганные возницы слезли со своих ароб и поклонились Шамилю.

– А заодно отучите их кланяться, – велел Шамиль мюридам.

От удивления женщина перестала плакать и побежала обратно в аул, размахивая руками и крича:

– Вай! Люди! Имам идет! Люди! Шамиль идет!

Когда имам и мюриды с возвращенным добром и связанным сборщиком податей въехали в аул, их никто не встретил. Все будто вымерло. Только блестели то тут, то там испуганные глазенки мальчишек.

Шамиль немного подождал, а затем крикнул:

– Мусульмане! Разве так в горах встречают гостей?

- Это имам Шамиль! – кричал юноша.
- Не бойтесь!
- Уходите! – донесся откуда-то старческий голос.
- Не могу поверить, что вы испугались, – кружил на коне Шамиль.
- Не надо меня бояться! Не надо бояться ханов! Бойтесь Аллаха, который не велит нам быть рабами и платить подати кому бы то ни было!
- До Аллаха высоко, а хан близко, – ответил тот же голос.
- Вы – плохие мусульмане, если так думаете, – говорил Шамиль, обращаясь к закрытым воротам и окнам.
- Аллах ближе, чем вы думаете, и ангелы его пишут сейчас о вашей трусости. А это – грех!

На одной из плоских крыш появился старик в накинутом на плечи полушубке.

- С приездом, имам. Но ты уйдешь, а хан пришлет Хаджи-Мурада, и он разорит наш аул.
- Пусть попробует! – сказал Султанбек.
- А могут и солдаты из крепости прийти со своими пушками, – продолжал старик.
- Разве Аллах не сильнее их пушек? – спросил Шамиль.
- Сильнее. Но сын говорил, что эти пушки стреляют железными яблоками. Он видел. А есть, которые стреляют целыми арбузами.
- Они не придут, – сказал Шамиль.
- Я заключил мир с их начальником.
- Их пушки про твой мир не знают, – качал головой старик.
- Что вы за люди, – развел руками Шамиль.
- Если каждый будет дрожать за свою саклю, пока грабят соседа, вы никогда не станете свободными.
- Свобода, – кивал старик.
- Она хороша для орла. Высоко летает и берет что хочет. А люди живут на земле.
- Разве это жизнь, отец? – кричал в ответ юноша.
- Другой у нас нет, – вздохнул старик.
- Если вы боитесь, уходите, – сказал Шамиль.
- Многие аулы так уже сделали.
- Уйти? – не понял старик.
- Оставить все и уйти?
- Здесь вы оставите только страх.
- Эта падаль больше не будет вас обирать, – сказал Юнус, бросая на землю связанного сборщика.

Разгневанный юноша решил покарать грабителя и уже занес над ним кинжал, но Шамиль остановил его:

- Не торопись, на все есть свой порядок.
- Юноша с сожалением вложил кинжал в ножны.
- Пощадите его, – попросил старик.
- Он – плохой человек, но это лишь пыль у ног хана.
- Вы хотите, чтобы они и дальше пили вашу кровь? – удивился Шамиль.
- Они требовали дров для крепости, которую построили в Хунзахе, – объяснял старик.
- По вязанке с дома. Но у нас леса не растут. Вот они и похватали, что нашли. Мол, продадут и купят дрова для солдат.
- Вы должны кормить своих детей, а не служить ханам, – говорил Шамиль.
- Вы обязаны быть свободными людьми, если не хотите божьего наказания.
- Может, и так, – сомневался старик.
- Зато наш аул цел, а твои Гимры и Ашильта лежат в развалинах.

- И с вами будет то же, если не скинете ханское ярмо, – сказал Шамиль.
- Выпрямите свои спины, не терпите унижений! Будьте горцами, будьте людьми!
- Забирайте свое добро! – кричал Юнус.

Но никто не решался это сделать. Тогда Юнус вдруг встал на седло и снял с крыши босого мальчишку.

- Где мамин кувшин?
 - Вон он! – показал мальчишка.
 - Забирай и неси домой. И не бойся, мы тебя в обиду не дадим.
 - А я не боюсь, – важно сказал мальчишка.
 - Только мама не разрешает.
 - Будь мужчиной! – сказал юноша и подтолкнул мальчишку к арбе.
- Тот влез на арбу, вытащил старый кувшин, а затем достал еще один.
- А это нашей тети!

Он стащил с арбы кувшины, но уходить не спешил. Мальчишка зачарованно смотрел на огромного Султанбека, затем подергал его за кинжал и спросил:

- А меня в мюриды возьмете?
- Конечно, – потрепал его по голове Султанбек.
- Такого храбреца!

Мальчишка расплылся в счастливой улыбке и побежал домой.

Вдруг начали открываться окна, двери, и арбы окружили люди, разбирая свой скарб.

- Да смилостивится над вами Аллах, – говорила старушка.
- Этот ковер я ткала, когда была невестой... А эти шакалы ничем не брезгают.
- И она плюнула в лицо ханскому нукеру.

Нукер взвыл от злобы, но в ответ на него посыпались проклятия и пинки. Дети начали швырять в него грязью, а женщина разорвала подушку и швырнула ее в лицо ханскому нукеру.

– Ешь!

Весь в грязи и перьях, сборщик дико таращил глаза и поминутно чихал. Мюриды с трудом оттеснили от него разгневанных аульчан.

- Чей это осел? – спросил Юнус.
- Мой! – хрипел кровью сборщик
- Так и быть, не станем разлучать друзей, – сказал Юнус и взглядом указал мюридам на сборщика.

Его тут же подняли и усадили на осла задом наперед.

- Даже с преступниками надо поступать по закону, – сказал Шамиль.
- По какому еще закону? – чуть не рыдал с досады сборщик.
- По тому, который дал нам всевышний, – пояснил Шамиль.
- По шариату.
- А что ему полагается? – спросил юноша.
- Самое меньшее – сто ударов палкой.
- А за прошлые грабежи – тоже по сто? – спросил старик.
- Ему давно пора руки отрубить, – усмехнулся Султанбек, привязывая сборщика к ослу.
- Но имам милостив.

Султанбек развернул осла и хорошенько его пришпорил, ударив плашмя кинжалом. Осел взревел и помчался из аула.

- Скорее, скотина! – подгонял его пятками сборщик.
- Я покажу этим разбойникам, кто они и кто хан!

На аульской площади собралось все село, но еще оставалось несколько тазов и овца, хозяева которых не объявились. Юнус трижды спросил, есть ли у овцы хозяин, и, когда никто не отозвался, Шамиль объявил овцу общественным имуществом. Мюриды закололи овцу, и аульчане приготовили для гостей ароматный хинкал – кукурузные галушки, сваренные в мясном бульоне.

До поздней ночи люди слушали Шамиля и не могли поверить, что отныне их не будут угнетать ханы, им не придется платить подати, работать на ханских полях и терпеть прочие повинности, которые они исполняли веками. И это счастье называлось Имамат. Но вдруг запылали далеко в ночи сигнальные костры, засвистели дозорные, и прибежали мальчишки:

– Хаджи-Мурад идет!

Мюриды вскочили на коней, зарядили винтовки и вынули сабли.

– Не лучше ли встретить их здесь? – спросил Юнус.

– Аул ни в чем не виноват, – ответил Шамиль.

– Мы выйдем навстречу. Он поднял руку, свел пальцы в кулак и выбросил его вперед.

Мюриды двинулись за имамом, сверкая саблями и воспевая всевышнего.

– Ла илагъа илла ллагъ, – пели мюриды.

– «Нет бога кроме Аллаха».

Вдохновленные этим зрелищем, мужчины аула тоже обнажили свое оружие и двинулись за мюридами, вторя их гимну:

– МухАммада-р-расулуллагь! – «Мухаммед – посланник Аллаха».

– Давно я ждал этой встречи, – говорил Шамиль.

– Очень давно.

У имама были свои счеты к Хаджи-Мураду, который был среди тех, кто убил Гамзатбека, второго имама, избранного после гибели Гази-Магомеда.

Глава 6

Тогда, после Гимринского разгрома, казалось, что в Дагестане наступило затишье. Но это был обманчивый покой лавины, ждавшей рокового толчка. Шейх Ярагский был опечален потерей своего зятя, но дело, начатое имамом Гази-Магомедом, взывало о преемнике. Шейх, как и весь народ, видел его в Шамиле. Но Шамиль был едва жив после тяжелых ранений, а медлить с избранием нового имама было нельзя.

Вторым, после Шамиля, влиятельным сподвижником Гази-Магомеда был Гамзат Гоцатлинский, происходивший из рода аварских беков. Его происхождение придавало борьбе горцев особое значение. Те, кто желал представить восстание бунтом черни против знати, теперь вынуждены были признать, что и знатные люди готовы жертвовать всем во имя свободы гор и человеческого достоинства.

Гамзатбек был человеком ученым и отважным. Отец его Алискендер-бек почитался как храбрый военачальник, немало послуживший могуществу ханского дома, но твердо сохранявший независимость, когда дело касалось Гоцатлинского общества и его земель. Когда Гамзатбек пресытился праздностью и окунулся в познание наук, отец определил его к знаменитому ученому Нур-Магомеду из Хунзаха. Помня о заслугах Алискендер-бека, ханша поселила Гамзата в своем доме. И здесь он увидел, сколь ничтожны все его старания по сравнению с могуществом, которое иным достается без особых трудов, по наследству. Его гордое сердце не способно было долго выносить унижений, хотя и не явных, которые он встречал в ханском доме. Чаша его терпения переполнилась, когда ему отказали в руке ханской дочери. Ханша просто не принимала в расчет небогатого бека, пообещав свою дочь сыну Аслан-хана, но затем отказала и ему и отдала дочь сыну шамхала Тарковского. А когда в горах возвысился простой горец Гази-Магомед, приводивший в трепет великих ханов, Гамзат почувствовал, что судьба предлагает ему возможность изменить свою постылую участь. И он решительно ступил на это тернистое, но столь притягательное поприще, уверенный, что его природные дарования позволят ему занять достойное место в меняющемся мире.

Гамзатбек решительно порвал с ханским домом и сделался ревностным сподвижником имама Гази-Магомеда. Когда джаробелоканцы, жившие за Кавказским хребтом, восстали и призвали на помощь имама, он направил к ним Гамзатбека с отрядом мюридов. Гамзатбек действовал удачно и даже захватил четыре пушки. Ему удалось сдержать двигавшиеся с юга на Дагестан царские войска. Но рано наступившая зима засыпала снегом горные перевалы и сделала невозможным его возвращение. Надеясь выиграть время, Гамзатбек вступил в переговоры и явился в крепость Закаталы. Однако генерал Стрекалов задержал его под предлогом, что такие переговоры может вести лишь главнокомандующий, и отправил Гамзатбека под охраной в Тифлис, где он и был арестован. Через несколько месяцев за пленного вступился Аслан-хан. Гамзатбека отпустили, но оставили в заложниках его племянника. Хан с почестями принял Гамзатбека, на которого имел свои виды, надеясь с его помощью отомстить хунзахской ханше, отказавшей его сыну в руке своей дочери. Когда стало известно, что племянник Гамзатбека бежал, но, пробираясь в Дагестан, замерз на перевале Кавказского хребта, Гамзатбек снова оказался в рядах сподвижников Гази-Магомеда.

В дни Гимринской трагедии отряд Гамзатбека шел на выручку к имаму, но был атакован из засады и не смог пробиться к осажденным.

Для избрания нового имама общества Дагестана прислали своих представителей в аул Корода. С тем, что имамом должен стать Гамзатбек, как предлагал Ярагский, соглашались не все. Сердца большинства склонялись к Шамилю, но тут было оглашено его письмо:

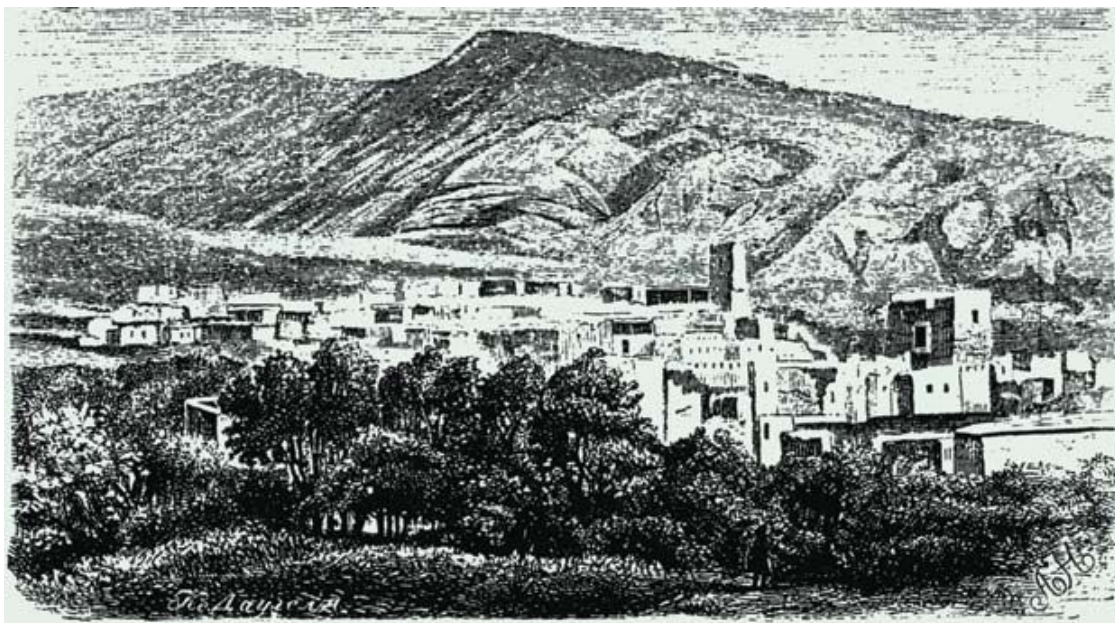
«Для поддержания ислама нужно единодушие. Кто бы ни был предводителем мюридов, внушите народу повиноваться ему. Да не будут наши горцы подобны собакам, которые гры-

зутся из-за кости властолюбия, тогда как кость эта может быть похищена неверными. Соединимся новыми силами, призвав Аллаха на помощь и избрав одного для исполнения его воли. Так делали наши отцы, первые мусульмане. Мир вам».

Чаша весов окончательно склонилась в пользу Гамзатбека. Избранный имамом, он обратился к народу:

– Мудрые сподвижники тариката, почетные старшины храбрых обществ! Гази-Магомед молится за нас на небесах. Он не умер, он святой, он в раю, и прелестные гурии услаждают новую жизнь его! Из вас, правоверные мусульмане, может всякий быть вместе с ним, если будете следовать его примеру. Он свято исполнял тарикат, первый объявил газават отступникам и притеснителям и погиб с оружием в руках, защищая нашу свободу и веру. Будем ли мы ему не признательны, уменьшим ли ревность к исполнению тариката, ослабнем ли духом после смерти Гази-Магомеда, когда он во всяком деле будет помогать нам, оставляя на время битвы гурий и рай из любви к нам? Мы не будем его видеть, но он будет показываться гяурам во время боя на белом коне в зеленой одежде, и все мюриды, с ним погибшие, будут рядом с ним. Меч его будет сокрушителен, и гяуры, объятые ужасом, будут искать спасения в бегстве.

Воодушевляя делегатов, Гамзатбек поклялся продолжить и завершить дело, начатое Гази-Магомедом. На призыв нового имама стали стекаться мюриды. Вдова Гази-Магомеда передала ему имамскую казну, и Гамзатбек не скупился, наделяя своих приверженцев оружием, конями и властью. Влияние Гамзата распространялась незаметно, но быстро. Общества, не желавшие присоединиться к Гамзату добровольно, покорялись силой. Слава его предшественника и личная неустранимость Гамзата обезоруживали противников задолго до появления имамских мюридов.

Оправившийся от ран Шамиль тоже поспешил к имаму, и мюриды с ликованием встретили своего любимца.

Гамзатбек будто чувствовал, что век его будет недолог, и спешил разжечь восстание до такой степени, когда возврат к прежнему состоянию был бы уже невозможен. Он безжалостно изничтожал знать, освобождал рабов и разбивал отряды горских владетелей, пытавшихся погасить пламя народного гнева. На втором году своего имамства он обложил Хунзах – своего главного противника в горах.

Но Гамзатбек не решался сразу напасть на столицу ханства. Он вспомнил годы, проведенные в ханском доме, сыновей ханши, которые были его друзьями, и доброго своего учителя Нур-Магомеда, кадия Хунзаха. Еще надеясь решить дело миром, Гамзатбек предложил ханше ввести у себя шариат и действовать вместе, чтобы изгнать из Дагестана царские войска.

Шамиль убеждал Гамзата быть решительней, раз уж он взялся за такое непростое дело. Шамиль призывал не терять напрасно время и немедленно напасть на Хунзах, пока к ханше не подоспела помощь и пока усталые и голодные мюриды не разошлись по своим домам.

Не дождавшись от других ханов помощи, ханша поняла, что, согласившись на условия Гамзата, она потеряет ханство, не говоря уже о царском жаловании. Отвергнув же их, она потеряла бы и голову. Оставалась одна надежда – послать к имаму его бывшего учителя Нур-Магомеда. Кадий прибыл в лагерь Гамзата и старался уговорить его отойти от Хунзаха. Он сообщил, что ханша согласна ввести в своих владениях шариат и готова принять от Гамзата ученого для его истолкования, но борьбу с царскими войсками считает делом безнадежным ввиду несоизмеримости сил. А если Гамзат все же станет с ними воевать, то обещала ему не мешать.

Гамзатбек ответил, что пришлет проповедника шариата, только если ханша в подтверждение своих намерений выдаст ему в аманаты младшего сына Булач-хана. Скрепя сердце Бахубика послала в лагерь Гамзата своего сына в сопровождении почетных людей. Имам принял их с подобающими почестями, отправил Булач-хана в свою резиденцию в Гоцатле, а сам отступил на несколько верст от Хунзаха.

На следующий день к ханше явился новый посланец Гамзата, приглашая двух других ее сыновей явиться к имаму для переговоров о судьбе ханского дома. Ханша почувствовала неладное, но ей не оставалось выбора. Отправляя к Гамзату своих сыновей Абу-Нуцал-хана и Умма-хана в сопровождении свиты из двухсот хунзахских удалыцов, ханша поручила своему надежному нукеру и тайную миссию.

Гамзат принял молодых ханов с теми же почестями и пригласил в свой шатер. А тем временем тайный посланец ханши разыскал Шамиля и передал ее слова: «Ты пользуешься у Гамзата доверием, имеешь на него сильное влияние. Отвлеки его от Хунзаха на плоскость против шамхала и получишь в награду две тысячи рублей».

Это стало роковой ошибкой ханши. Возмущенный ее лицемерием, Шамиль сообщил обо всем Гамзату. Тогда имам, желая окончательно убедиться в намерениях ханши, послал Шамиля в Хунзах с требованием немедленно разрушить все башни и другие оборонительные сооружения. Выслушав Шамиля, ханша пришла в отчаяние, но исполнить требование отказалась. Вместо этого она велела своим воинам готовиться к нападению на лагерь Гамзата, чтобы спасти молодых ханов.

Ситуация накалялась, и переговоры были на грани срыва. Тогда Гамзатбек, надеясь умирить страсти, вышел из шатра, чтобы совершить у реки омовение перед молитвой. Остальные собирались последовать за ним, но тут в свите аварских ханов был замечен Буга Цудахарский, которого давно разыскивали за убийство двоюродного брата Гамзатбека. Сподвижники имама узнали кровника и потребовали выдать его для расплаты. Ханы отказались это сделать, и тогда завязалась яростная схватка, в которой с обеих сторон погибли десятки людей. Ханы бились с отчаянием обреченных, мужественно и отважно, но, в конце концов, били убиты. Шамиль был ранен, а среди убитых мюридов оказался и родной брат Гамзата.

Пылая мщением, Гамзатбек ворвался в Хунзах и захватил ханский дворец. Но дом оказался пуст и разграблен. Имам велел хунзахцам немедленно вернуть ханское добро и казну, угрожая мародерам неминуемой расправой. Возвращенным добром наполнили десяток ароб и отправили в Гоцатль, но затем вернули, так как Гамзат решил сделать ханский дворец, который был хорошо ему знаком, своей резиденцией.

Вскоре были найдены ханша и управлявший частью ханства Сурхай-хан. Гамзат знал, что казнь старой ханши не понравится ни хунзахцам, ни его мюридам. Но отступить было некуда –

слишком сильно было влияние ханского дома, и Гамзат был полон решимости сокрушить его до основания. Бахубика и Сурхай-хан были казнены. В живых осталась лишь беременная жена убитого сына ханши Нуцал-хана.

Шамиль советовал имаму не оставаться в Хунзахе среди кровных врагов. Он считал, что Гамзату лучше вернуться домой и предаться молитвам. Однако Гамзат его не послушал. Он надеялся завоевать сердца хунзахцев своей щедростью и красноречием.

Истребление ханского дома и утверждение власти Гамзатбека многое изменило. Став полновластным владыкой гор, Гамзатбек решил завершить и другие дела, не удавшиеся Гази-Магомеду, – овладеть Дербентом и Внезапной, а затем вытеснить царские войска из Дагестана.

Однако первая же его попытка двинуться на Дербент встретила неожиданное сопротивление вольных обществ Акуша и Цудахар, сохранявших нейтралитет. Не сумев пробиться к Дербенту, имам вернулся в Хунзах, однако воинственный дух его не был поколеблен.

Он начал готовиться к новым походам, создавая регулярную армию, набирая новых воинов и запасаясь оружием. Приводилось в порядок и государственное устройство Имамата. Гамзатбек назначал наибов, пытался ввести справедливую систему налогообложения и укреплял главенство шариата как правовой основы государства. Чтобы смягчить враждебность хунзахцев, он приглашал их к себе на службу и устраивал для них угощения. Тогда мюриды, добывшие победу над ханшей, начали роптать, говоря, что, увлеченный напрасными мечтаниями, Гамзат забыл об их повседневных нуждах. Они не имели достаточно еды, даже одежда их

пришла в негодность, а семьи их давно уже пребывали в нужде, оставшись без своих кормильцев.

Шамиль попросил Гамзатбека удовлетворить потребности заслуженных воинов из государственной казны. Но вместо этого имам принялся строить в Хунзахе большую мечеть. Разочарованный Шамиль сказал Гамзату, что он поступает опрометчиво, и вернулся со своим отрядом в Гимры.

Обеспокоенные потерей опоры в стратегически важной Аварии и расширением восстания, царские власти собирали силы для большой экспедиции против Гамзатбека. К делу охотно примкнули шамхал Тарковский, Ахмед-хан Мехтулинский и другая знать, опасавшаяся за сохранность своих владений. Генерал-майору Ланскому с его тринадцатью батальонами, сорока орудиями и тысячей казаков было приказано положить конец успехам имама и вернуть аварский трон его законным владельцам.

«По взятии Хунзаха и восстановлении там правителя обласкайте аварцев, – говорилось в предписании Ланскому.

– Распоряжениями вашими и дисциплиной войск вселите в них выгодное об нас мнение; тем же, кои будут держаться стороны Гамзата, угрожайте наказанием, и если найдутся таковых целые селения, то истребите оных совершенно».

Но на пути к Хунзаху Ланской получил известие, что Гамзатбек пал жертвой кровной мести.

Заговор против имама возглавили молочные братья убитых ханов Осман и Хаджи-Мурад. Решимости им добавляло и то, что отец Хаджи-Мурада был убит при первом нападении мюридов на Хунзах. Заговорщики решили убить Гамзатбека в мечети во время пятничной молитвы. Об этом стало известно, но имам отнесся к просьбам сподвижников не ходить в пятницу в мечеть и немедленно арестовать заговорщиков хладнокровно:

– Можете ли вы остановить ангелов, если они придут за моею душой? – спросил он.

– Что определено Аллахом, того не избежим, и если завтра назначено умереть мне, то завтрашний день – день моей смерти.

Фатализм Гамзата, его уверенность в своей счастливой судьбе перешли все разумные пределы. Когда имам вошел в мечеть, Осман воскликнул:

– Что же вы не встаете, когда великий имам пришел в вашу мечеть?

Это было знаком, по которому со всех сторон раздались выстрелы. В ответ начали стрелять мюриды. Затем в ход пошли кинжалы и сабли. Падая, сраженный пулей Гамзатбек успел лишь поднять полу бурки, чтобы не испачкать ковры мечети своей кровью. Был убит и Осман. А крови в мечети пролилось столько, что она вытекала через порог на улицу.

Уцелевшие мюриды засели в ханском дворце. Тогда Хаджи-Мурад велел поджечь дом. Спасшихся из огня схватили и сбросили в пропасть, открывавшую свои страшные объятия сразу за Хунзахом. Тело Гамзатбека три дня пролежало у мечети, а затем было погребено на хунзахском кладбище.

Расправившись с мюридами, хунзахцы выбрали своим старшиной Хаджи-Мурада. А царские власти пожаловали ему чин прапорщика милиции и доверили управлять ханством до водворения на трон если и не прямых наследников, то хотя бы законных владельцев из родственников хунзахских ханов.

Узнав о случившемся, Шамиль двинулся на Хунзах, намереваясь покарать убийц имама. Но решимость хунзахцев защищаться и известие о приближении царских войск сделали осаду Хунзаха невозможной. В отместку за гибель Гамзатбека был сброшен в реку последний из прямых наследников ханского дома Булач-хан. Но люди поговаривали, что все было иначе, и Булач-хан утонул, когда соревновался с гоцатлинскими мальчишками в том, кто скорее переплывет бурное Аварское Койсу.

Ланской не желал возвращаться ни с чем и двинулся на Гимры, считавшиеся источником всех мятежных замыслов. После жаркой схватки Гимры были взяты, дома сожжены, а сады окрест вырублены. Явившийся на помощь Шамиль атаковал отряд Ланского и вынудил его отступить.

Через несколько дней после возвращения из Гимров генерал Ланской скончался от желтухи. На его место заступил ученик Ермолова полковник Клюки фон Клюгенау. Чтобы восстановить ханский трон и снова утвердиться в Хунзахе, отряд Клюгенау спешно двинулся в горы. Через десять дней он подступил к Гергебилю, располагающемуся у подножия Хунзахского плато. Здесь его уже поджидали мюриды Шамиля, который решил сначала отбить наступление Клюгенау, а с оставшимся в тылу Хунзахом разделаться позже.

Штурм Гергебиля во многом повторил ужасы первой битвы в Гимрах. Имамские гвардейцы сдаваться отказались и решили биться до конца. Опасаясь потерять всех своих сподвижников, Шамиль отступил к Гоцатлю, чтобы там дать решительный бой.

После взятия Гергебиля Клюгенау получил известие, что вдова Нуцал-хана родила сына, который теперь был законным и единственным наследником ханского престола. Наследнику требовался опекун, которым был назначен Аслан-хан Казикумухский. Если он действительно помышлял об овладении Хунзахским тронном, когда вызволял из тифлисского плена Гамзатбека, то план его увенчался совершенным успехом.

Он вступил на Хунзахское плато с небольшим отрядом, демонстрируя горцам, что желает лишь успокоения и порядка и готов посредничать между непримиримыми мюридами и царским командованием. И это всех устроило. Недоволен был лишь Хаджи-Мурад, предчувствуя потерю своей власти в Хунзахе.

Клюгенау тем временем штурмовал Гоцатль, державшийся, пока в нем оставались люди, способные поднять оружие. После упорного сопротивления поредевшие отряды Шамиля ушли дальше в горы.

Заняв Гоцатль, Клюгенау намеревался двинуться дальше, но вскоре из Хунзаха явилась депутация с заверениями в верноподданности. Затем прибыл и Аслан-хан Казикумухский вместе со старейшинами нескольких обществ, которых он успел расположить к себе щедрыми обещаниями. Хунзахцы объявили, что готовы принять Аслан-хана в качестве временного управляющего ханством, пока не подрастет законный наследник. К тому же они резонно опасались, что приход в Хунзах царских войск грозит новыми стычками с партиями мюридов.

Сочтя, что цель экспедиции вполне достигнута, Клюгенау вернулся в Темир-Хан-Шуру и принялся перестраивать тамошние укрепления, чтобы превратить их в мощную крепость – форпост у ворот в Нагорный Дагестан.

Шамиль помнил, в какой растерянности был тогда народ, оставшийся без имама, и какие усилия предпринял шейх Ярагский, чтобы продолжить дело, начатое первыми имамами. Он вновь созвал представителей горских обществ и почитаемых ученых, чтобы избрать преемника Гамзатбека. Прибывшие говорили Шамилю, что он – их единственная надежда, но Шамиль знал, как тяжела эта ноша, и не торопился принимать на себя имамское звание.

Когда открылся совет и Ярагский предложил избрать Шамиля имамом, он ответил:

– Будет лучше, если я останусь помощником имама, каким был при Гази-Магомед и Гамзатбеке. Потому прошу вас избрать имама среди более достойных людей, которые здесь присутствуют.

Но собравшиеся не согласились с Шамилем:

– Мы не видим другого, кто более достоин стать имамом.

– Истинно, ты самый храбрый, знающий и совершенный среди нас.

– Будь нашим имамом, Шамиль!

Но Шамиль не соглашался, считая, что воевать куда легче, чем управлять народами гор, давая им единые законы и требуя их исполнения.

- Для этого нужен человек знающий и мудрый, – убеждал собравшихся Шамиль.
- Такой, как почтенный Саид из Игали.
- Это не мое дело, – возразил Саид.
- Я твердо знаю, что не в состоянии взять на себя имамство.
- Будь нашим имамом, Шамиль! – настаивали встревоженные посланцы обществ.
- Только ты сможешь собрать народы гор в единый народ!
- Только в твоих руках власть принесет пользу людям!
- Лучше пусть будет имамом Сурхай из Коло, – упорствовал Шамиль.
- Его ученость безгранична, и он обладает многими талантами.
- Чтобы быть имамом, этого недостаточно, – ответил Сурхай.
- Имамом должен стать ты, которого любит и уважает народ, – сказал Газиыв Андийский.
- Мы не можем разойтись, пока не выберем имама, – добавил Саид.
- Кто знает, сможем ли мы собраться еще раз? Нашим врагам это будет только на руку, и они обязательно этим воспользуются. Соглашайся, Шамиль, если хочешь народу добра.
- Не огорчай отказом людей, которые ждут твоего имамства, – призывал Ярагский.
- Они прибыли сюда не спорить с тобой, а исполнить то, что поручили им их общества.

Шамиль колебался. Он понимал, как трудно будет принимать решения, от которых зависит судьба всего Дагестана. Слишком большая ответственность ложилась на плечи имама, и так же высока была бы цена ошибок, если бы он их совершил.

Шейх будто читал его мысли. Он положил руку на плечо Шамиля и сказал.

– Соглашайся. А вопросы, которые ты не сможешь решить сам, мы решим вместе. У нас много мудрых и ученых людей. Мы выберем совет, меджлис, который всегда поможет имаму найти правильное решение. Кроме того, Имамату потребуются новые законы. Ты можешь их предлагать, но утверждать их будет совет.

Теперь у Шамиля не оставалось выбора, и он сказал собравшимся:

- Если так, то я приму на себя имамство, не вдаваясь в то, трудное это дело или легкое.
- Наш имам – Шамиль! – провозгласил шейх, обнимая Шамиля.
- Да будет долгим его имамство! Да поможет ему Аллах!

Люди радовались благополучному завершению столь важного дела и спешили поздравить своего избранника. А затем наступила тишина – люди хотели услышать первые слова нового имама Дагестана.

Шамиль молчал, ясно ощущая, как неведомая светлая сила наполняет все его существо. Он будто преобразился и начал говорить, сам удивляясь словам, которые произносил. Шамиль призвал забыть взаимные обиды и сплотиться перед опасностью полного порабощения. Главным он считал вовсе не войну, а необходимость завершить то, что начали первые имамы – объединить народы гор в независимое государство – Имамат, основанное на равенстве и свободе, вере и справедливости. Он вдохновенно убеждал собравшихся, что только единое государство свободных людей, какой бы ни была их вера, сможет себя защитить, что только так можно избавиться от нужды и притеснений, и с ними станут всерьез считаться великие державы. И что лишь так можно обрести мир и покончить с войнами.

В конце речи он воздел руку к небу и сжал пальцы в кулак, ясно обозначив свои истинные намерения. А затем добавил, по-своему развив завет Ярагского и напоминая сподвижникам о том, что освобождение народа нужно начинать с самих себя и своих людей:

– Каждый человек должен быть свободным, не должен покоряться и не должен стремиться покорить другого человека. Рабовладелец тоже раб.

Убедившись, что их судьба теперь в надежных руках, люди разъехались по горам, объявляя повсюду волю нового имама.

Хаджи-Мурад, которого хунзахцы избрали своим предводителем, был еще очень молод, но люди уважали его за редкую отвагу. Ахмед-хан Мехтулинский, ставший регентом при мало-

летнем наследнике Хунзахского ханства, завидовал славе Хаджи-Мурада и втайне его опасался. Но Хаджи-Мурад делал то, что не могли сделать другие – берег от мюридов ханский дом, и с ним приходилось считаться.

Вот и теперь, когда опозоренный сборщик податей въехал в Хунзах на осле и сообщил о случившемся Хаджи-Мураду, тот не стал долго раздумывать. Он пригрозил сборщику, что отрежет ему язык, если тот не будет помалкивать, а сам собрал имевшихся под рукой нукеров и помчался к взбунтовавшемуся аулу. Людей у него было немного, утром он отправил основные силы усмирять другой аул, решивший отложиться от ханства и перейти к Шамилю.

Комендант крепости полковник Педяш предложил Хаджи-Мураду свою помощь, но гордый джигит отказался.

– Это наше дело, – сказал он полковнику.

– Я сам потолкую с мюридами.

Про Шамиля он даже не упомянул, чтобы в Хунзахе не началась паника.

Хаджи-Мурад уже подходил к аулу, когда увидел, что оттуда движется целое войско. Было темно, но сотни мерцавших в ночи факелов свидетельствовали о том, что Хаджи-Мурада ждет жаркая встреча.

Хаджи-Мурад подал знак остановиться. Всадники замерли, и из ночи до них долетел гимн мюридов, двигавшихся на него с горы. Соразмерив силы и расположение противника, Хаджи-Мурад решил не искушать судьбу и велел поворачивать обратно.

– Разве мы не нападём на них? – удивлялись нукеры, привыкшие, что Хаджи-Мурад не ведаёт страха.

– Можно было бы и напасть, – ответил Хаджи-Мурад.

– Но тогда будет резня, в которой мало кто уцелеет.

– Тебе что, мюридов жалко? – удивлялись нукеры.

– Мне жаль этих глупых людей, которые пошли за мюридами, – сказал Хаджи-Мурад.

– А ханское стадо надо беречь.

Он решил дожидаться возвращения своих основных сил, а уж потом проучить бунтарей так, чтобы об этом вспоминали их дальние потомки. И еще он рассчитывал на то, что, упиваясь победой над самим Хаджи-Мурадом, Шамиль не уйдет и дождет его возвращения.

Его нукеры вернулись только через день, сильно потрепанные и злые от того, что им не удалось захватить аул, вышедший из повиновения ханам. И таких аулов становилось все больше, несмотря на бахвальство Фезе, объявившего, что вся Авария им занята и приведена в надлежащую покорность. Фезе ушел, а вместе с ним ушла и мнимая покорность.

Взбешенный Хаджи-Мурад, не дав своим людям передохнуть, повел их на Шамиля. Добравшись до аула, он отправил часть конницы в обход, а сам ринулся на аул во главе самых храбрых джигитов.

Аул был взят. И он был пуст. Люди ушли к Шамилю.

В кольцо на двери мечети было вложено письмо: «Если тебе нужны дрова, разрушь наши дома».

Глава 7

Когда Екатерина Евстафьевна Граббе узнала, что ее супруга безотлагательно вызывают в Петербург, у нее случилась истерика.

– Я знаю, это все – Чернышев! – рыдала она, заламывая руки.

– Этот злой демон!

Граббе и сам так считал. Это началось еще в 1826 году, когда арестованного Граббе допрашивали по делу декабристов. Чернышев, бывший тогда генералом от кавалерии и членом Следственного комитета, сразу невзлюбил Граббе за его вызывающе независимое поведение. Но Граббе считал себя невиновным. Он не отрицал, что вступил в тайный «Союз благоденствия» и участвовал в его съезде в 1821 году. Тогда все бредили отменой крепостничества и свободами, которые они видели в Европе. И не последние люди были его друзьями по обществу, взять хотя бы Михаила Орлова, генерала, принимавшего капитуляцию Парижа. Или Федора Глинку, тоже героя войны и поэта... Не говоря уже о самом Трубецком. Но тогда съезд объявил себя распущенным, и Граббе больше политикой не увлекался. Тем более, что тогда же и поплатился за недолгое участие в тайном обществе увольнением со службы и ссылкой в Ярославль на жительство под надзором. И не его вина, что Трубецкой, как оказалось, закрыл «Союз благоденствия» только для виду. Выяснилось, что руководители Общества желали избавиться от подозрительных членов и сбить со следа ищек. А уже на следующий день Трубецкой учредил с братьями Муравьевыми новое, еще более тайное общество, положив целью уничтожение самодержавия, освобождение крестьян и введение конституционного правления на европейский манер.

Однако Чернышев не верил оправданиям Граббе. Да и как мог верить бывший глава шпионской сети во Франции бывшему тайному агенту в Баварии? Но явных доказательств не было, а Граббе стоял на своем.

До самозабвения увлеченный разоблачениями известнейших в России лиц, Чернышев видел во всех, кто имел отношение к делу декабристов, опаснейших государственных преступников. И отлично понимал, что уничтожением влиятельных прежде соперников расчищает себе путь к сияющим вершинам власти. Так оно потом и случилось. А на следствии Чернышев не щадил ни себя, ни подследственных, грубя князьям, угрожая генералам и унижая всех без разбору.

Граббе терпел недолго. Природное упрямство сделало свое дело, и он дерзнул поставить Чернышеву на вид, что, пока он, полковник Граббе, не осужден, закон не позволяет с ним так обращаться. И что он не позволит кому бы то ни было оскорблять его, пользуясь своею безнаказанностью.

Чернышев пришел в бешенство. Граббе продолжал дерзить, решившись положить голову, но не спустить обидчику. Суд оправдал Граббе, не найдя достаточных улик. Но могущественный враг, которого нажил себе Граббе, не дремал. Не успев выйти из Главной гауптвахты, Граббе был вновь арестован и заключен в Динамюндскую крепость за дерзкие ответы, данные комиссии. Его выпустили только через четыре месяца.

Служебное рвение Чернышева сделало его близким к императору человеком, и он получил пост военного министра.

– Он преследует нас! – рыдала Екатерина Евстафьевна.

– Он хочет нашей крови!

– Делать нечего, душенька, – говорил Граббе.

– Надобно ехать.

Он стоял у окна и смотрел на игравших в саду детей, будто навсегда с ними прощаясь.

– Он тебе мстит! – продолжала причитать жена.

- Я поеду с тобой! Брошусь в ноги императрице.
- Поеду один, – сказал Граббе.
- Еще ничего не известно.
- Этот сатрап, этот нахальный выскочка, парвеню!..
- Довольно! – уже тверже сказал Граббе.
- Он как-никак военный министр. К тому же граф.
- Граф! – горько усмехнулась Екатерина Евстафьевна.
- Разве благородные люди так поступают?
- Да, мы повздорили, но это дело прошлое, – сказал Граббе.
- Я служил, и наградами меня не обходили.
- Другому дали бы больше, – гневилась жена.
- А знаешь ли ты, что этот пошлый Чернышев...
- Полноте, Катенька, – прервал ее Граббе.
- Люди услышат.
- Нет уж позволь... – упрячилась Екатерина Евстафьевна.
- Не хотела тебе говорить, но раз уж на то пошло...
- Так в чем дело? – насторожился Граббе.
- А в том, что военные министры у нас заняты не солдатским обмундированием, а дамскими юбками.
- В каком это смысле? – не понял Граббе.
- И супруга принялась излагать весьма пикантную историю.
- Супруга его, в девичестве графиня Зотова, по матери внучка князя Куракина, – начала издалека Екатерина Евстафьевна.
- А у того побочные семейства...
- Ну так что же? – торопил Граббе жену.
- Так вот одна девица, тоже внучка Куракина, жила у Чернышевых, – продолжала Екатерина Евстафьевна.
- И наш военный министр не замедлил ее соблазнить.
- «Ловко!» – подумал Граббе, но жене сказал:
- Это нонсенс!
- А потому, как нужно было сбыть опозоренную девицу с рук, – рассказывала Екатерина Евстафьевна с видом заговорщицы.
- Чернышев подыскал ей покладистого мужа.
- Кого же? – спросил Граббе, хотя его это мало интересовало. Он уже перебирал свои ордена, решая, какие надеть.
- Некого Траскина.
- Кто таков? – поморщился Граббе, впервые услышав это имя.
- Временщик, подстать Чернышеву, – сообщила Екатерина Евстафьевна.
- Известно только, что на лицо безобразен, тучен до уродливости и жаден неопишимо.
- Вот его и пустили по интендантской части.
- Увидев, чем занят супруг, она уткнулась ему в плечо и сказала:
- Надень все. Ты их кровью своей заслужил, ранениями.
- Но Граббе решил явить скромность и ограничиться Георгием 3-й степени, какой был и у Чернышева, и тот знал цену этому ордену. А что до остальных, то, во-первых, они не ценились так высоко, как Георгий, а во-вторых, Граббе слишком хорошо понимал, что никакие ордена, никакие заслуги не в силах заслонить тяжкое клеймо «прикосновенности к делу декабристов».
- Граббе надеялся, что с годами все забудется. Он уже и сам начал забывать былые неприятности. На все это он уже смотрел иначе. Он теперь сам начинал верить, что в тайное общество его завлекли обманом и что у него хватило ума вовремя покинуть логово заговорщиков.

Стране нужен был порядок, а эти масоны... Нет, убеждал себя Граббе, он им вовсе не сочувствовал, он просто изучал этих демонов в человеческом облиции. Он тогда еще понял, в какую гибельную бездну они толкали государство! Вроде той горы, что чуть не поглотила его во сне.

Граббе считал, что верной службой государю давно искупил свои недолгие заблуждения. Но всякий раз, когда открывались новые обстоятельства, Чернышев первым делом приказывал вызвать и допросить Граббе.

Вернулась Лиза. Она была переполнена впечатлениями и почти позабытыми чувствами, которые испытала от близкого общения с молодым мужчиной.

- Добрый вечер, – улыбнулась Лиза, виновата хлопая ресницами.
- Здравствуй, душенька, – сказала Екатерина Евстафьевна, беря себя в руки.
- Мое почтение, – кивнул Граббе, откладывая ордена.
- Лиза почувствовала царившее в доме напряжение.
- Здоровы ли вы, Павел Христофорович?
- Генерала экстренно приглашают в Петербург, – объяснила Екатерина Евстафьевна.
- Не сочти за труд, Лиза, вели подавать ужин.
- Конечно, сударыня, – засуетилась Лиза.

- В Петербург! Как это хорошо!
- Пришло именно повеление от самого императора! – добавила Екатерина Евстафьевна.
- Я знала! – хлопала в ладоши Лиза.
- Я всякий раз писала кузине, какой Павел Христофорович замечательный, благородный человек!
- Уж лучше бы не писала, – вздохнула Екатерина Евстафьевна.
- Отчего же? – удивилась Лиза.
- А вдруг император соблаговолит еще более возвысить вашего супруга?
- Дай-то Бог, – с надеждой перекрестилась Екатерина Евстафьевна.
- Когда же ехать?
- С утра.
- Вот и славно, – радостно улыбалась Лиза.
- Я распоряжусь об ужине, а после напишу кузине письмо. Уж больно задерживают насчет Михаила. Офицеру эполеты положены, а он все еще в солдатах!
- Лиза упорхнула, оставив супругов одних.
- Ты уж детей береги, – сказал Граббе, сдержанно обнимая жену.
- Ты бы себя поберег, – с грустью отвечала жена.
- А дети – что с ними станется? Растут, как грибы...

Глава 8

Отряд Шамиля переехал по мосту через небольшую реку, когда Юнус радостно воскликнул:

– Ашильта!

Погруженный в раздумья Шамиль поднял глаза.

Перед ними лежали развалины большого аула. Груды камней вперемежку с бревнами представляли собой странный живописный хаос, обвитый лозами винограда, на которых уже пробивались первые листья.

Уцелевших домов почти не осталось. Кое-где торчали останки цагуров – больших деревянных ларей, домашних кладовок, в которых горцы хранили муку и другие припасы.

Шамиль повернул коня и двинулся по крутой, мощенной речным булыжником улочке. Слегка пригнувшись, он протиснулся под низкой каменной аркой и выехал к дому своей матери. Было странно увидеть почти невредимую саклю, под крышей которой голуби свили гнезда и теперь кормили своих птенцов.

Многие мюриды сами были ашильтинцами, и каждый спешил увидеть, что стало с его домом.

В Ашильте Шамиль прожил три года, после того как перебрался сюда из Гимров, следуя примеру пророка, который покинул Мекку, не желавшую поначалу принимать его веру, и переселился в Медину, Сюда прибывали на совет известные ученые и народные предводители. Отсюда он начинал свои походы, назначал набов и рассылал воззвания, призывая народы к совместной борьбе за свободу.

Получив разрешение ашильтинцев, Шамиль принялся строить столицу Имамата на горе Ахульго, неподалеку от Ашильты. Вернее, это были две крутые горы, стоявшие так близко друг к другу, что между ними был перекинут мост. Их разделяло узкое ущелье, по которому текла речка Ашильтинка. Низвергаясь за аулом красивым водопадом, речка бежала между Старым и Новым Ахульго и вливалась в полноводную реку Андийское Койсу, которое огибало оба Ахульго двумя полукругами и образовывало гигантский каньон.

Вид у Ахульго был величественный и неприступный. Новое Ахульго соединялось с остальным миром узким перешейком, по которому едва можно было пройти. А Старое Ахульго ашильтинцы и вовсе называли «горой, на которую нет дороги». Обе горы, сверх того, были изрыты пещерами, которые издавна служили убежищами от врагов. В тяжелые времена здесь скрывались не только ашильтинцы, но и беженцы из далеких мест.

Лучшего места для столицы трудно было найти, и скоро здесь вырос новый аул с башнями, мечетями, школой и библиотекой. Ахульго уже становился полнокровной столицей Имамата, когда явился генерал Фезе со своими пушками.

Расположенный амфитеатром над речкой, аул Ашильта тоже был превращен жителями в крепость. Окна и двери они заложили бревнами, в стенах проделали бойницы, а узкие улицы завалили большими камнями.

Разгорелась упорная битва. Но силы оказались слишком неравными, а Шамиль, осажденный в Телетле, не в силах был помочь ашильтинцам.

После штурма и разрушения Ашильты Фезе приказал вырубить и богатые сады ашильтинцев, которые они взращивали веками. Затем генерал принялся за Ахульго, громя его из полевых орудий. Жители столицы и спасавшиеся там семьи ашильтинцев едва успели бежать в соседний аул Чирката. Там же теперь жил и Шамиль со своей семьей. Дом, построенный для него чиркатинцами, служил и резиденцией имама.

Превратив аул на Ахульго в развалины, Фезе велел придать оставшееся огню. Но чудесным образом дом самого Шамиля не сгорел. Как не пострадала и библиотека, укрытая в тайной пещере. Точно так же не сгорел дом Шамиля в Гимрах, когда пылали другие. Люди приписывали это Божьему провидению.

Шамилю больно было смотреть на следы ужасного погрома, он даже не оглядывался на Ахульго, вершины которого призывно смотрели на него из-за ущелья. Ахульго и означало – «Гора призыва» или «Набатная гора». На ней издавна загорались сигнальные костры, если поблизости появлялся неприятель, и с нее звали окрестные аулы на помощь.

Отряд уже покидал Ашильту, когда Шамиль заметил, что над несколькими домами поднимаются дымки. Кое-где на крышах стояли люди, приветственно махая руками. А в садах уже кипела работа. Люди прививали старые деревья и сажали новые. На виноградниках делали обрезку, удобряли землю, выкорчевывали погибшие лозы. В Ашильту возвращалась жизнь.

Завидев Шамиля и его мюридов, к ним отовсюду сбегались дети. Их поднимали на коней и разрешали немного покататься с уздечкой в руках. Кому-то доставалась сушеная курага, кому-то кусок сыру, кому-то горсть мелкой черной хурмы из походных запасов.

Шамиля окружали люди, каждый старался пожать имаму руку, и со всех сторон слышались обычные в горах приветствия:

- С приездом, Шамиль!
- Был ли удачен твой путь?
- Исполнились ли желания твоего сердца?
- Остались ли вы все невредимы?
- Прогнал ли ты своих врагов?

Шамиль старался для каждого найти доброе слово, отвечал, что благодаря Аллаху все хорошо. А затем спросил людей:

- Не рано ли вы принялись за работы?
- Мир ведь, – улыбались люди.
- И дни теплые. Кто тут все восстановит, если не мы?

Всадники потянулись к чиркатинской дороге, вившейся вдоль реки.

- Мир, – говорил про себя Шамиль.
- Надолго ли?

Дорогу перегородила большая овечья отара. Это возвращался с первых весенних пастбищ пожилой чабан со шрамом во всю щеку. Увидев Шамиля, он поспешил к нему навстречу, яростно расталкивая овец.

- Шамиль!

Имам узнал в чабане Курбана из Чиркаты – давнего своего приятеля, раненого при защите Ашильты от войск Фезе. Шамиль сошел с коня, обнял чабана и стал его расспрашивать о житье-бытье.

- Засиделся что-то, – молодецки встряхивал плечами Курбан.
- Взял бы ты меня в мюриды, я бы еще показал, как воевать надо.
- И так все видели, как ты работал саблей за двоих, – улыбался Шамиль.
- Она еще цела?
- Целее меня, – потряс ярлыгой Курбан, подтверждая, что крепка еще его сабля.

Сабля эта была знаменита. Добытая его предком в битве с Надир-шахом, сабля имела два клинка, которые расходились при взмахе. Звалась такая сабля «зулькарнай» – двурогая, и защищаться от нее было очень трудно.

– Теперь я зову ее Ахульго, – важно сообщил Курбан.

– Потому что двойная.

Он похлопал имама по плечу и пригласил в свой шалаш отдохнуть с дороги и отведать хинкал с курдюком.

Но Шамиль вежливо отказался, ссылаясь на то, что его ждут в Чиркате.

– Я тоже тебя ждал! – сказал Курбан.

– Сына хочу женить.

– Дай Аллах, дай Аллах, – кивал Шамиль.

– Хорошее дело. На чьей дочери женишь?

– Махмуда дочь, ашильтинца. Помнишь, в которого из пушки попали?

Шамиль погрузнел. Махмуд был смелым воином. И был отличным каменотесом. Он строил дом Шамиля на Ахульго. А когда полетели ядра, решился на ночную вылазку, чтобы опрокинуть пушку в пропасть. Они успели сбросить одну пушку, когда с другой батареи по смельчакам ударили картечью.

– Помню, да упокоится душа его в раю.

– Хорошо, что ты вернулся, – говорил Курбан.

– А то никак со свадьбой не выходит.

– Почему? – удивился Шамиль. —

Невеста не нравится?

– Нравится она ему! – уверял Курбан.

– Такая красавица – сам бы женился!

- В чем же тогда дело?
- Некогда, говорит. В мюриды хочет.
- Разве одно мешает другому?
- Вот и я ему говорю: у имама целых две жены!
- Если сын не слушает отца, как он будет мюридом имама?
- Слушает он, – оправдывался Курбан.
- Но если ты ему велишь – сразу женится! Он тебя знаешь, как уважает!
- Посмотрим, – улыбнулся имам.
- Пришли его ко мне.

Шамиль тронул коня, но Курбан шел рядом, продолжая говорить:

– Не гневись имам, но в Чиркате тебя дожидается столько важных людей! Начнутся хабары, дела, не до моего сына будет. Да и зачем отнимать время у великого имама? Ты скажи свое слово, а я ему передам.

– Тогда скажи, что женатый мюрид – хороший мюрид. А, братья? – обернулся он к своим спутникам.

- Правда, – улыбался Султанбек.
- Если мы не будем жениться, откуда возьмутся новые мюриды? – смеялся Юнус.
- Женатые дерутся лучше! – весело откликнулись остальные.
- И любят крепче, когда мужья долго дома не бывают!
- Когда жена рядом, даже пес злее кусается!
- Так и скажу, – радостно улыбался чабан.
- Имам велел жениться!
- Так и скажи, – кивнул Шамиль.
- А когда свадьбу играть? – спросил Юнус.
- Чем скорее, тем лучше.
- Имам сказал – значит, так и будет! – объявил Курбан.
- Все приходите!
- Нас слишком много, – покачал головой Шамиль.
- Вот и хорошо, – говорил Курбан, оглядываясь на мюридов.
- Баранов у меня хватит. Я же чабан как-никак.
- Придем, если будет на то воля Аллаха, – пообещал Шамиль.

Имам прищпорил коня и понесся вперед. Мюриды бросились его догонять.

А чабан принялся собирать отару, которая успела разбрестись по пригоркам.

– Ну-ка пошли домой! Котлы по вас плачут!

Глава 9

Уже вечерело, когда Шамиль увидел костры, расположенные в определенном порядке. Они горели неподалеку от моста через реку, за которой на нескольких уступах раскинулся аул Чирката, окруженный цветущими садами.

Вокруг костров отдыхало по несколько десятков мюридов, а неподалеку паслись их кони. Шамиль был рад видеть столь организованные отряды, что для горцев было весьма необычно.

Приближаясь к лагерю, имам узнавал знамена своих наибов. Вот зеленое, с красной каймой, двухконечное знамя наиба Магомеда Ахбердилава из Хунзаха. Ученый и храбрый, добрый и сдержанный, он был правой рукой Шамиля. Ахбердилав был соратником первых имамов, и Шамиль мог положиться на него в самых трудных делах. Славу Ахбердилаву принесли не только его удачные походы, но и мудрое терпение, с которым он разрешал споры между селами, склоняя их к добрососедству и побуждая к борьбе с общими для всех притеснителями. Это он чуть не бросился на генерала Клюгенау, когда тот уговаривал Шамиля явиться в Тифлис просить императора о помиловании, а затем отвел руку Шамиля, когда тот хотел пожать руку протянутую генералом. Клюгенау вспылал, и Шамилю едва удалось разнять разгневанных противников.

А вон там, справа, красное с зелеными углами у древка, двухконечное знамя Ташава-хаджи Эндиреевского. Наиб своим знаменем очень гордился, потому что унаследовал его от первого имама Гази-Магомед. Ташав тоже был весьма учен и титул хаджи носил по праву, совершив в молодости хадж в священную Мекку. Он дрался еще с Ермоловым, а затем и другими царскими генералами. Он был муллой древнего аула Эндирей, лежавшего на плоскости и подверженного опасностям куда больше, чем горные аулы. Тем не менее Ташав-хаджи вдохновенно утверждал шариат как лучший путь к спасению души каждого и всего народа. Действуя в Кумыкии и Чечне, он, когда возникала надобность, являлся к имаму со своим отрядом джигитов, собранных из разных народов. Неподалеку от Эндирея теперь стояла большая царская крепость Внезапная, Ташав был оттеснен в чеченские леса, но влияние его было по-прежнему велико.

Трепетало на ветру и двухконечное, украшенное цитатами из Корана, белое знамя наиба Сурхая из Коло. Он к тому же был кадием – шариатским судьей аула Ансалта. Сурхай умел воздвигать башни и строить крепости. Мюриды его явили чудеса храбрости, когда защищали Ашильту от Фезе. Так же, как и мюриды Али-бека Хунзахского, который был кадием в Ирганае.

Белое знамя Али-бека, тоже украшенное надписями, реяло неподалеку от знамени Сурхайя. Они всегда старались держаться вместе. И вместе атаковали отряд отступавшего Фезе.

Наибы собрались вместе и двинулись навстречу имаму. Один поторопил коня, другой стегнул своего. Они ехали быстрее и быстрее, увлеченные горской страстью к состязаниям, и вот уже скакали во весь опор, соревнуясь в молодецкой удали и показывая силу своих коней.

Шамиль сделал знак остановиться, чтобы его мюриды могли насладиться скачкой.

– Ахбердилав придет первым, – предположил Султанбек.

– Сурхай! – говорил Юнус.

– Смотри, как коня гонит.

– И Ташав не отстанет, – сказал Шамиль.

– У него отличный конь из ханской конюшни.

Наибы уже мчались во весь опор, под гиканье и присвисты мюридов, но раньше других успел позвать руку Шамилю Али-бек.

Разгоряченные наибы кружили вокруг Шамиля, поздравляя с возвращением и сообщая ему о своих походах.

Ахбердилав со смехом рассказывал, как прогнал людей Хаджи-Мурада, своего земляка, из двух аулов, которые те пытались вернуть в покорность хунзахскому хану.

Али-бек считал, что нужно спешно укрепить Ирганай, на который, как он слышал, собирается напасть Хаджи-Мурад, который обид не прощает и непременно захочет отомстить.

Ташав сообщил, что в крепости у Эндирея было большое беспокойство. Верные люди дали ему знать, что в Черкесии умер какой-то важный генерал, и гарнизон привели в осадное положение. Но теперь все успокоилось, и даже снова открылись базары.

Сурхай рассказывал о своем походе в дальние аулы, где ему пришлось заниматься тем же, чем занимался и Шамиль, утверждая шариат и наказывая нечестивцев. И о том, что отправил несколько человек учиться пушкарному делу, как имам и велел. Эти люди направились в Мекку, чтобы совершить хадж. Но затем должны были разойтись по разным тамошним странам, ища знаний и учась тому, чего горцы еще не умели. Артиллерия была главным врагом горцев, и им нечего было ей противопоставить. Безнаказанные обстрелы аулов наносили большой урон и выводили горцев из себя. Порой им удавалось отбить пушку, но для того, чтобы правильно пользоваться орудием, нужны были и особые снаряды, и знания. Горские умельцы пробовали изготавливать пушки сами. Но дальше опытов дело не шло: самодельные пушки разрушались от первого же выстрела.

Подъезжая к лагерю мюридов, Шамиль спросил:

– Почему ваши люди здесь, а не в Чиркате?

Наибы переглянулись.

– Не хотели стеснять людей, – ответил Ахбердилав.

– Ты говоришь не все, – сказал Шамиль, почувствовал в его ответе некоторую неуверенность.

Проезжая мимо костров, Шамиль заметил, что пустые котлы лежат рядом с кострами, а едой даже не пахнет.

– Кое-кто считает, что в Чиркате и так много гостей, – сказал Сурхай.

– Они отказали вам в крове?! – не поверил Шамиль.

– В каждом стаде находится паршивая овца, – сказал Али-бек.

– Не думаю, что это чиркатинцы, но какие-то люди кричали, что разрушат мост, если мы решим войти в аул.

– Знаю я этих мунапиков-отступников, – сказал Юнус.

– Они давно нам вредят.

– Может, боятся, что их мост обрушится под копытами наших коней? – предположил Ташав.

– Тут что-то не так, – сказал Шамиль.

– Чиркати́нцы – люди верные и надежные. Они приютили много людей и чтут законы гостеприимства.

Он гневно сжал губы и направился к мосту, велел наibaм не отставать. Султанбек и Юнус тоже последовали за имамом.

Чиркати́нский мост был построен из бревен, так же, как и другие мосты через горные реки. Мосты эти строились просто. Сначала в берега наклонно вбивалось по несколько бревен, сверху вбивался другой ряд, который выступал уже дальше первого, а на основание наваливались тяжелые камни. Затем на выступавшие части бревен накладывали в ряд другие, привязывая их к первым виноградными лозами или веревками. Потом клали следующие ряды, пока концы бревен не сходились над рекой в виде арки. Концы связывались тем же способом и покрывались настилом, а вдоль моста приделывались перила. Мосты получались достаточно прочными. А при необходимости их можно было быстро разрушить или сжечь.

За Чиркати́нским мостом стояло несколько человек, наблюдая за тем, что происходит в лагере мюридов. Завидев приближающегося Шамиля, они помчались в аул и укрылись в мечети.

Шамиль и его спутники миновали мост и начали подниматься к аулу, когда по нему уже разнеслась весть о прибытии имама.

– Шамиль вернулся! – летело от дома к дому.

Люди выходили навстречу имаму, поздравляя с благополучным прибытием. Но Шамиль был мрачен и холодно отвечал на приветствия.

Среди встречавших Шамиля были и его дети – семилетний Джамалуддин и трехлетний Гази-Магомед.

– Это наш отец! – гордо объяснял товарищам Гази-Магомед.

– Я тоже буду, как Шамиль, – обещали мальчишки.

– Это я буду Шамилем, – спорили другие.

– Я сильнее тебя!

– Куда тебе, – смеялись третьи.

– Ты еще Коран читать не умеешь!

– Умею!

– А зачем же учитель бил тебя палкой?

– Я в одном только месте ошибся, – спорил мальчишка.

– А у вас зато кинжала нет!

– Есть! – сердились его друзья.

– Просто мы еще не наточили как следует. А твоим тупым только собак пугать!

Шамиль слегка улыбнулся своим сыновьям, но продолжал двигаться вперед. Затем к нему подбежали его жены – Патимат и Джавгарат. Горянки взяли под уздцы коня своего мужа и повели его домой, как это было принято в горах. Но Шамиль одернул уздечку и сказал женам.

– Идите домой. У нас будут гости.

Жены забрали детей и поспешили домой.

У мечети Шамиль сошел с коня, отдал повод Юнусу и позвал:

– Эй, кади!

Дверь со скрипом отворилась, и на пороге появился красный от волнения кади.

– Салам алейкум, имам Шамиль, – произнес он, опуская глаза.

– Ва алейкум салам, – ответил Шамиль.

– Я слышал, здесь перестали уважать гостей?

– Кто тебе такое сказал? – развел руками кади.

– Те, кто находится за мостом, те, кто поклялся положить свои головы, чтобы горцы жили как братья и никто не смел посягать на нашу свободу. Так велит нам Аллах. И разве гость не посланник его?

– С этим никто не спорит, – говорил кади.

– Просто некоторым тут кажется, что когда гостей слишком много...

– Ответь мне, кади, бывает ли слишком много братьев?

– Люди, на которых ты гневаешься, ни сделали ничего дурного, Шамиль, – принялся оправдываться кади.

– Они всегда делали и теперь готовы делать все, в чем ты нуждаешься.

– Я нуждаюсь только в том, для чего меня избрал народ, – ответил Шамиль.

– И если человек не может прийти к своему имаму, значит, у него нет имама.

– Может, эти люди и не правы, но и мне кажется, что для Имамата нужна своя столица, – продолжал оправдываться кади.

– Аул переполнен. В мечети не хватает места. Сады – и те полны приезжих.

– Если кто-то из мюридов травил ваши посевы, ломал деревья или обидел хотя бы ребенка, я накажу его так, как велит шариат, – пообещал Шамиль.

– А те, кто на них клеветает, пусть выйдут сюда. Я хочу полюбоваться на их храбрость.

– Лучше пойдем в мечеть и обсудим это дело сами, – предложил кади.

– Ты – судья, – ответил Шамиль.

– И ты знаешь, что полагается за нарушение святых законов. А я не сойду с этого места, пока ты не осудишь преступников. И так будет с каждым, кто коснется моста чем либо, кроме ноги или копыта своего коня!

Кади покорно кивнул. Он собрался было вернуться в мечеть, но затем обернулся и показал глазами на окружение имама.

– Решить дело по шариату нетрудно. Но чтобы привести приговор в исполнение, мне понадобится помощь.

Все тут же сошли с коней, но Шамиль остановил наибова и кивнул на своих помощников.

– Они сами справятся.

Юнус и Султанбек привязали коней к столбу у мечети и вошли в нее вслед за кади.

Глава 10

Курбан, переполненный радостью от предстоящей женитьбы сына, старался гнать отару как можно быстрее. Но когда увидел расположившиеся у дороги мюридов, повернул отару в их сторону.

Мюриды времени не теряли. Кто чистил коней, кто смазывал ружья или точил сабли, кто читал Коран. Курбан поприветствовал воинов, и те отвечали ему с почтением к его сединам, а баранов его будто вовсе не замечали. Курбан знал, что на содержание мюридов выделялись деньги из имамской казны, но и сам решил пожертвовать несколько баранов. Накормить путников – дело богоугодное. Ведь и его сын скоро может оказаться среди них, и его кто-нибудь накормит в походе.

Он смотрел на этих парней и видел, что они из разных мест. Он различал особые черты салатавцев, андийцев, койсубулинцев, гумбетовцев, мехтулинцев, ауховцев, ичкерийцев, кумыков, людей из других обществ и народов. Но было у них всех и нечто общее, что отличает праведников от остальных людей. Шамилю было на кого положиться.

Курбан прикидывал, как бы выглядел его сын среди этих удальцов, а еще ему хотелось показать, что он и сам кое на что годится.

– Джигиты! – крикнул Курбан.

– Дарю барана тому, кто меня одолеет!

– А если одолеешь ты? – оглянулся на него стройный красавец, проверявший патроны в своих газырях.

– Тогда... – Курбан на мгновение задумался.

– Тогда вспомните меня в своих молитвах.

– Хочешь бороться, отец? – спросил широкоплечий парень, откладывая отточенный кинжал.

– Давай!

Курбан слез с коня, скинул чуху, снял кинжал с пояса и закатал рукава рубахи.

– Валла-билла, – приговаривал крепыш, поплевывал на руки.

– Только потом не обижайся.

– Давай, Сулейман! – поддерживали его друзья, мгновенно собравшиеся в круг.

– Давно не ели жирных баранов!

Сулейман не нападал, выжидая, пока борьбу начнет старший. Курбан сделал отвлекающий выпад, парень невольно отшатнулся, и Курбану хватило этого мгновения, чтобы обхватить Сулеймана за пояс. Удивленный такой ловкостью, Сулейман решил бороться всерьез, резко вывернулся, приподнял Курбана и хотел уже бросить его на землю. Но тот успел зацепить своей ногой ногу соперника, и они упали вместе.

- Все, все! – закричали зрители, беспокоившиеся за Курбана.
- Хватит!
- Ничья!

Соперники поднялись, но Курбан все еще порывался снова вступить в схватку.

- Ладно, отец, ты победил, – улыбался Сулейман, отирая со лба пот.
- Давай еще! – требовал Курбан.
- Я тебе покажу, как надо бороться!
- Видел бы меня отец – уши бы мне оборвал, – сказал Сулейман.
- А как тебя зовут?
- Курбан я, – сказал чабан, миролюбиво пожимая сопернику руку.
- Ты силач, Курбан! – говорили мюриды, тоже пожимая ему руку.
- А шрам такой у тебя откуда?

– Было дело! – кивнул Курбан, одеваясь и возвращая кинжал на место. Затем показал ярлыгой вдаль: – Вон, видите, верхушки торчат? Ахульго! Мы там неделю против пушек стояли, а потом на штыки бросились.

– У меня там брат погиб, – сказал Сулейман.

– Брат? – насторожился Курбан.

– Как его звали?

– Малик из Согратля.

– Не помню, – признался Курбан.

– Из Согратля много людей было.

– Они на подмогу пошли.

– Да будет им доволен всевышний, – сказал Курбан, а затем показал на отару.

– Пять баранов! Они ваши.

Мюриды бросились ловить баранов. Увидев среди пойманных белого барана с лихо закрученными рогами, Курбан сказал:

– Этого оставьте, – чабан подцепил ярлыгой за ногу большого черного барана и передал его мюридам вместо белого.

– Этот мой, а белый – соседа, без разрешения не могу. Да мой, сами видите, пожирнее будет.

На площади у мечети собирался народ. Плоские кровли домов были полны женщин и детей. Посмотреть на то, что станет с отступниками, выбрались даже сторбленные, будто окаменевшие старухи с орлиными носами. Они так много повидали на своем веку, что их уже трудно было чем-то удивить. Они давно перестали ждать добрых новостей, привыкнув к вестям печальным и горестным, но Шамиль был необычным человеком, которому удавалось то, что было невозможно для других. Из каждой беды он выходил еще более сильным. Посмотреть на такого имама было интересно даже старухам.

– Машаалла! – восторгались одни.

– Астауфирулла! – немели от страха другие.

– Иншаалла! – желали побед Шамилю третьи.

Девушек, успевших принарядиться, больше занимали молодые мюриды Шамиля. Девушки рассказывали про них удивительные истории и старались выяснить, все ли из них женаты. А если и женаты, то сколько у них жен? Две, как у Шамиля, или все четыре, как это разрешено по шариату?

– А какое богатое оружие!

– А какими орлами смотрят!

– Львы, а не люди!

Сам Шамиль давно уже стал для горцев живой легендой. Чудесным было само рождение Шамиля. Вернее, его перерождение. Имя его сначала было Али. Но когда младенец вдруг сильно заболел и оказался на грани смерти, родители прибегли к крайнему средству. В надежде сбить с пути ангелов смерти, когда те явятся за душой Али, ребенку дали другое имя – Шамиль. Мало кто верил, что это поможет, но мальчик стал быстро поправляться и с годами преобразился в юношу, с которым никто и ни в чем не мог соперничать. В руках его всегда были кинжал или Коран, а чаще – и то, и другое. Драться с ним на кинжалах, даже в шутку, мало кто решался, потому что Шамиль так упорно упражнялся, что владел левой рукой не хуже, чем правой, и мог драться обеими сразу. Он будто знал, что ему предстоят испытания, каких еще никто не переносил, и упрямо твердил своей матери, опасавшейся за его здоровье:

– Аллах дал мне это тело не для того, чтобы я жалел его сегодня, а за тем, чтобы оно спасло меня завтра.

Мальчишки рассказывали друг другу про то, как юный Шамиль усмирал самых строптивых коней, про огромную змею, которую он убил, и про многие другие его подвиги, пленяв-

шие воображение. Старики многое подтверждали, особенно то, как Шамиль отучил отца пить вино, поклявшись, что убьет себя на его глазах, но во многое и сами не могли поверить. Но и того, что было несомненной правдой, хватило бы на десяток великих героев. Чего стоила одна Гимринская башня, из которой Шамиль спасся, перепрыгнув через лес штыков, со сквозной раной в груди, которая другим принесла бы верную смерть. Люди верили, что Бог возродил его из мертвых, чтобы он спас живых.

Наконец, открылась дверь мечети, и из нее показались Юнус и Султанбек.

– Что вы там делали так долго? – спросил Шамиль.

– Молились, – сказал Юнус, хитро улыбаясь Султанбеку.

– Возмещали пропущенные в пути молитвы, – кивнул тот.

Вслед за ними, понурив головы, стали выходить те, кто угрожал разрушить мост, чтобы не пускать в аул новые сотни прибывших. Затем вышел и кади, читая на ходу судебную книгу.

– Какое решение ты принял? – спросил Шамиль.

– Они во всем раскаялись, – сообщил кади.

– И, если имам позволит, наказание может быть заменено штрафом.

Шамиль сурово взглянул на преступников и вскочил на коня.

– О люди! Почтенный джамаат! – воскликнул Шамиль, обращаясь ко всему народу.

– Вы дали мне кров, согрели мою семью и не раз явили свою отвагу! Но эти люди хотели бросить тень на славное имя вашего аула. Им не нравится, что мюридов становится все больше. Но разве не для вашей защиты люди становятся мюридами? Не для того ли, чтобы сохранить нашу свободу, они предают себя в руки всевышнего?

– Да, верно! – кричали люди.

– Накажи этих негодяев!

– Они заслуживают наказания, – соглашался Шамиль.

– Но это ваша земля и ваши люди. И на этот раз я решу так, как вы скажете.

– Будь к ним милостив, – попросил Курбан.

– Ради свадьбы моего сына.

– Так и быть, не буду омрачать праздник старому другу, – сказал имам, а затем указал на преступников.

– Я выберу им наказание помягче, чтобы они вспомнили, где живут и что происходит на нашей земле. Пусть каждый из них примет по десять мюридов и угощает как лучших друзей!

Народ одобрительно зашумел. Шамиль уже хотел взобраться на коня, когда Курбан подтолкнул к нему своего сына.

– Так это он? – улыбнулся Шамиль, пожимая парню руку.

– Как тебя зовут?

– Хабиб, – ответил парень.

– Он исполнит твою волю, – торопливо говорил Курбан, опасаясь, что Шамиль что-нибудь снова отвлечет.

– Но вот невеста...

– Кто может отказаться от такого жениха? – удивился Шамиль.

– И от такого мюрида?

– Невеста тоже согласна.

– Так в чем же дело? – не понимал Шамиль.

– Неудобно говорить... Этот кади... Он обещал заключить брак, но теперь мне и самому не хочется с ним связываться. У меня один сын, а кади... Кто теперь будет его уважать?

– Найди другого, – посоветовал Шамиль.

– Или попроси муллу.

– С ним у меня тоже нелады, – опустил голову Курбан.

– Волки его овцу загрызли, а я виноват...

– Выходит, препятствий много, – усмехнулся Шамиль.
– Только лучше жени сына, пока не поздно.
– А не мог бы ты?..
– несмело сказал Курбан.
– Тем более, что у невесты нет отца... А заодно будешь ее представителем, вакилем.
– У нее совсем никого нет, что ты меня об этом просишь? – спросил Шамиль.
– Мать только, – развел руками Курбан.
– Остальные на Ахульго погибли. Она сама меня попросила найти вакиля.
– Разве больше некому сделать доброе дело?
– Ну, это же быстро. А ты – всем ученым ученый. Не откажи, имам. Я на радостях твоим мюридам пять баранов отдал.

Шамиль улыбнулся и отдал уздечку Юнусу:

– Где мать невесты?
– Вон она, – указал Курбан на соседнюю крышу.
– Эй, Хадижат! Ты согласна?

И он принялся делать ей знаки, объясняя, что ее вакилем может стать Шамиль.

– Вай, Курбан! Конечно! Дай Аллах ему счастья и долгой жизни!
– Подойди, – велел Шамиль оробевшему от смущения парню.

Тот подошел.

– Дай руку.

Парень несмело протянул руку имаму. Шамиль взял ее и торжественно произнес:

– Бисмиллягы ррахИмани ррахИм, что означало «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного» и без чего не начиналась ни молитва, ни другое богоугодное дело.

Затем он соединил свою ладонь с ладонью парня и сложил большие пальцы так, чтобы палец жениха был чуть выше пальца представителя невесты, после чего накрыл их указательным пальцем своей левой руки и произнес:

– С помощью и с соизволения Аллаха и по пути, указанному пророком, отдаю невесту за... – Он повернулся к Курбану.

– За сколько отдают невесту?
– Договорились за пятьдесят серебряных монет.
– Много, – сказал Шамиль.

– Так у нас все холостыми останутся. Скажи ее матери, чтобы отдала за десять.

Курбан бросился к Хадижат, внимательно наблюдавшей за брачным сговором, и принялся горячо обсуждать с ней новые условия. Растерянная Хадижат только всплеснула руками и согласно закивала, испуганно поглядывая на Шамиля.

– Согласна, – сообщил Курбан, возвращаясь к важному делу.
– Отдает!

Шамиль повторил условия договора и спросил парня:

– Берешь ли ты ее в жены?
– Беру, – взволнованно ответил Хабиб.

Они повторили вопрос и согласие три раза. После чего Шамиль прочитал благословляющую молитву, объявил брак заключенным и снова взобрался на своего коня.

Счастливым отец похлопал сына по плечу:

– Ну, готовься к свадьбе.
– А когда играть будем? – растеряно спросил Хабиб.
– Чем скорее – тем лучше. Шамиль так сказал.

Хабиб приложил руку к сердцу и обратился к Шамилю, не смея смотреть имаму в глаза.
– Великий имам! Когда мне приходиться в мюриды?
– Через год, – улыбнулся Шамиль.

– Когда станешь отцом. Если не передумаешь. И если разрешит твой отец.

Глава 11

В доме Шамиля ждали гостей.

В просторной кунацкой стояла большая тахта, накрытая красивым войлоком и с небольшими подушками вдоль стены. Посреди комнаты – невысокий стол с треугольными стульями. Потолочные балки подпирали резной деревянный столб, на котором висело множества разного оружия и были вырезаны стихи из Корана. В стенных нишах лежали книги и четки. В углу были сложены коврики для намазов, и рядом стояло знамя Шамиля. Пол украшал палас, на стенах висели ковры, а окна были затянуты промасленной бумагой, едва пропускавшей свет.

В кунацкой всегда было прибрано. Но следовало еще много чего приготовить, потому что к Шамилю, как правило, приезжали непростые гости.

Еще очень молодая Джавгарат, на которой Шамиль женился совсем недавно, носилась по дому, доставала из холодного погреба масло, сыр, мясо, муку, наливала в пиалы мед. А еще нужно было сходить за водой, испечь хлеб и растопить самовар, то ли купленный на базаре в Шуре, то ли отбитый в какой-то стычке.

Все свое детство она слышала про необыкновенного гимринца Шамиля, а теперь сама стала женой имама. Чтобы Шамиль был ею доволен, Джавгарат старалась ладить с его первой женой Патимат. У той уже было два сына, и она по праву была в доме полновластной хозяйкой. Джавгарат слушалась ее, и это шло на пользу молодой жене. А если и случались между ними размолвки, то лишь по причине излишнего усердия Джавгарат.

Новая жена еще не совсем освоилась в доме имама, и всей ей было в диковинку. Но Джавгарат твердо усвоила, что Шамиль относится к ней тепло, и старалась угодить мужу как могла. Особенно хорошо у нее получалась каша из кураги с урбечем – густой подливой из молотых семян льна и косточек абрикоса, меда и масла. Готовить ее надо было уметь, и Джавгарат старалась, потому что Шамиль всегда хвалил ее блюдо, несмотря на свою воздержанность в еде.

В душе Джавгарат чувствовала, что Шамиль к ней не просто добр, но любит ее, хотя и старался сдерживать свои чувства. Джавгарат тоже молчала о своей тайной радости. Не рассказывать же об этом Патимат? У них и без того было о чем поговорить. И выходило, что две

жены – лучше, чем одна, когда глава семьи так редко бывает дома. Не так сушило душу одиночество, а скучать и вовсе было некогда. В доме имама всегда было полно хлопот.

Джавгарат помогала Патимат с детьми, уследить за которыми становилось все трудней. Вот и теперь Патимат варила хинкал на вделанном в стену очаге, а попутно умывала и наряжала детей, которые успели изодрать свою одежду в бесконечных странствиях по аулу. Как тут не помочь? Эти мальчишки давно стали ей как родные. Они были в своего отца. Вот и Шамиль, хоть и имам, а воюет порой, как обычный мюрид. И бешмет, и черкеска его после походов приходят в такой вид, что починить их нет никакой возможности. Приходится доставать новые. На этот раз Джавгарат сшила ему белую черкеску, такие Шамилю нравились больше других.

И только по ночам Джавгарат прислушивалась к себе – ей начинало казаться, что под ее сердцем уже бьется новая жизнь. Пусть это будет сын. У такого отца должно быть много

сыновей, славы на всех хватит. А ее сын и сам станет славным джигитом. И она будет им гордиться.

Патимат была замужем уже восемь лет. Но перенесла за эти годы столько, что другим хватило бы на всю жизнь. Не успела она стать женой Шамиля и родить сына, названного Джамалуддином в честь наставника Шамиля, как муж ее чуть не погиб в башне под Гимрами. Тогда она успела убежать с младенцем к своему отцу в Унцукуль. Туда же чудом добрался и полуживой Шамиль. Слава Аллаху, что отец ее Абдул-Азиз – искусный лекарь. Несколько месяцев Шамиль находился на грани жизни и смерти, отец выбивался из сил, добывал травы для особых снадобий, а она выхаживала мужа и молила всевышнего сохранить ему жизнь.

Шамиль выжил. И первым делом отправился помогать новому имаму Гамзат-беку. Снова началась беспокойная, полная волнений жизнь, когда, прощаясь с мужем, она не знала, вернется ли он обратно.

А когда погиб Гамзатбек и имамом избрали Шамиля, она и вовсе потеряла покой. У нее родился еще один сын, названный Гази-Магомедом в честь первого имама. Семья росла, а постоянного дома все еще не было. Приходилось часто переезжать из аула в аул, обустраиваться на новом месте и думать, куда придется перебираться в следующий раз, что брать с собой, а что оставить или раздать и куда девать корову? Битвы следовали за битвами, ханы подсылали убийц, звали на помощь царские войска, и конца этому ужасу не было видно.

Красота ее увядала от вечных переживаний. Забот прибавлялось с каждым днем. Раньше ей завидовали подруги, а теперь Патимат завидовала тем, чьи мужья занимались своими делами и в войну старались не ввязываться. Когда Шамиль женился во второй раз, Патимат стало немного легче. Она не видела в этой наивной Джавгарат соперницу. Она втайне жалела ее, не знавшую, как трудно быть женой имама, тем более такого, как Шамиль, который думает о чем угодно, кроме себя и своей семьи. И не понимает, что подарки, которые он им присылает, когда долго не может вернуться, эти красивые шали и украшения, ничто по сравнению с покоем и счастьем, которые бы обрели жены, будь он рядом с ними.

За окнами послышался цокот копыт и зафыркали кони.

– Отец едет! – закричал с террасы Джамалуддин.

Джавгарат бросилась к окну и увидела, что к дому подъезжает Шамиль с наибами и своими вечными спутниками – Юнусом и Султанбеком.

– Не забудь приготовить чай, – велела Патимат, накладывая на чеканный поднос угощения.

– Как только помолятся, все должно быть готово.

Джавгарат разожгла самовар, бросив в трубу угля из очага. Затем достала фабричный чайник и принялась накладывать заварку: обычный чай, немного шиповника, розовых лепестков, чабрец, листок мяты, чуть-чуть тмина. Такой чай был почти лекарством.

Джамалуддин слетел с террасы и принялся открывать ворота. Шамиль и гости спешили. Наибы следом за имамом вошли в дом и поднялись по лестнице на второй этаж. Обычно лестницами в саклях служили толстые бревна, на которых вырубались ступени, но для имама чиркатинцы сделали настоящую каменную лестницу, как у ханов. Да и кто были эти грешники по сравнению с имамом?

Мюриды сняли с коней седла и внесли их во двор. Затем Юнус повел коней на водопой, а Султанбек закрыл ворота и принялся насыпать овес в торбы для лошадей.

Когда приезжали гости, у Джамалуддина появлялись свои обязанности. Сначала он уважительно жал протянутые ему руки, коротко отвечал на приветствия, а затем брал небольшой кувшин с изогнутым носиком и лил воду, помогая гостям совершать омовение. Вот и в этот раз не успели гости войти, как с минарета запел будун, призывая правоверных на молитву.

Пока совершалось омовение, маленький Гази-Магомед, уже понимавший что к чему, расстелил коврики для намазов, один – впереди для отца, а остальные – за ним в ряд по числу гостей.

Шамиль встал на молитву, поднял к голове раскрытые ладони и произнес азан. Гости повторяли молитвы шепотом, а где полагалось подхватывали вслух, следуя за имамом по заведенному порядку.

Среди молитв, произносимых во время намаза, были две неперенные. Первая сура Корана «Аль-Фатиха» или «АльхІам» – «Открывающая» возвещала:

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Хвала Аллаху, господа миров, Милостивому, Милосердному, Царю в День Суда! Только Тебе мы поклоняемся и только Тебя просим о помощи! Веди нас по дороге прямой, По пути тех, которых Ты благодетельствовал, А не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

В сто двенадцатой суре «Аль-Ихляс» или «Къулгъу» – «Очищение» говорилось:

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Скажи: Он, Аллах – Един, Аллах – Вечный, Не родил и не был рожден И не был Ему равным ни один!

Позади старших успели стать и сыновья Шамиля. Джамалуддин уже все знал и умел, а Гази-Магомед старался повторять за братом и был горд, что хотя бы в молитве он такой же, как и взрослые.

Когда молитва закончилась, Шамиль сел на тахту, поджав под себя ноги. Ахбердилав с Ташавом-хаджи последовали его примеру. Сурхай и Али-бек сели на стулья, чтобы видеть лица свои друзей.

Жены Шамиля принесли угощения. Уходя, они хотели забрать мальчиков, но Шамиль сказал:

– Пусть расскажут, как у них дела. Все же Джамалуддин оставался старшим мужчиной в доме.

– Все хорошо, отец, – сказал Джамалуддин, почтительно опустив глаза.

– Доволен ли тобой учитель?

– Я стараюсь.

– Я слышал, он делает успехи, – похвалил Сурхай.

– Идите, – велел детям Шамиль, не считая правильным, что их хвалят при отце.

– Потом поговорим.

Дети убежали.

– Отпусти его со мной в Ирганай, я сделаю из него настоящего алима, – сказал Али-бек.

– Здесь тоже есть хорошие ученые, – сказал Шамиль.

– А кади пора сменить, – сказал Ахбердилав.

– У меня есть подходящий, – кивнул Ташав.

– Аул сожгли, теперь без дела в лесу сидит.

– Дела всем хватит, – улыбнулся Шамиль.

Затем произнес: «Бисмиллягъи ррахІмани ррахІим» – и положил на кончик языка несколько крупинок соли.

– Бисмилля... – повторили гости, принимаясь за еду.

Тем временем дети Шамиля испытывали силу Султанбека. Любимым их занятием было смотреть, как он поднимает тяжеленный каток, вытесанный из горного мрамора. Им утрамбовывали после дождя земляные крыши домов. А так как двор одного дома зачастую был крышей другого, то от этого выходила двойная польза.

Султанбек легко поднял каток и поставил его стоймя. Затем вынул саблю и чиркнул ею о каток, да так, что полетели искры.

Мальчишки заворожено наблюдали. Джамалуддин провел по катку своим кинжалом – и тоже полетели искры. Гази-Магомед ухватился за брата, требуя дать кинжал и ему. Заполучив кинжал, он принялся царапать им каток и смеялся от счастья.

Когда ужин был закончен, когда унесли самовар, Шамиль сказал:

– Алхамдуллиля.

И все прочитали благодарственную молитву, прося всевышнего уделить душам ушедших в мир иной долю из того, что они съели за этим столом.

Затем явился Гази-Магомед с кувшином, чашей для мытья рук и полотенцем. Покончив с трапезой, Шамиль перешел к делам, ради которых они собрались.

В горах не только просыпалась природа, гораздо важнее было, что обновлялась, очищалась вера. Люди, освобождавшиеся от невыносимых оков своих давних владетелей, начинали понимать, что счастье неразрывно связано со свободой, что Шамиль не стяжает богатства, а трудится для их блага. Позор хоть и неявного рабства все более тяготил зависимых горцев, когда другие, по соседству, давно жили по своей воле, а если приходилось – с оружием в руках отстаивали свою независимость.

– Ханы почуяли, что под ними зашаталась земля, – говорил Али-бек Хунзахский.

– Они боятся, – добавил Сурхай Колинский.

– Уже сами рады, что царь строит на их землях крепости, надеются отсидеться за высокими стенами.

– Наш враг – не русские, – говорил Шамиль.

– С ними можно поладить, когда имеешь дело с умными генералами. Царю от этой войны никакой пользы. Вся беда от своих, от знати, которая никак не хочет расстаться со своими правами. Вот эти алчные шайтаны и ищут от нас защиты.

– Будь поблизости турки или персы, они бы и за их армиями спрятались, – согласился Ахбердилав.

– Люди от них устали, – говорил Шамиль.

– Когда ханы боролись против иноземцев, народ был с ними. Но теперь они пошли против своего народа и против нашей веры. Когда я читал проповедь в одном ауле, люди сказали, что проповедь может быть и покороче, главное, чтобы сабли были подлиннее.

– Это верно, – кивнул молчавший до того Ташав-хаджи Эндиреевский.

– Но здесь, в Дагестане, воевать трудно.

– И нам трудно, и генералам нелегко, – не соглашался Сурхай.

– Нельзя оставлять Дагестан, – поддержал его Ахбердилав.

– Лучше очистим его от недругов.

– Тут каждый аул – крепость, – говорил Сурхай.

– И до них еще добраться надо.

– В Чечне – совсем другое дело, – убеждал Ташав.

– Леса! И укрыться легко, и до царских крепостей близко. Оттуда хоть каждый день нападай.

– Леса вырубить можно, – сказал Али-бек.

– А скалы никуда не денутся.

– Скалы тоже не железные, – сомневался Ташав.

– Русские пушки вон что с Ахульго сделали, весь аул разнесли.

– Не так надо было строить, – сказал Сурхай.

– Всегда так строили, – возразил Али-бек.

– Алаты тоже были всегда, зачем же мы их искореняем? – спросил Шамиль.

– Потому что шариат лучше, – согласился Али-бек.

– Как одна большая крепость вместо сотен башенок.

– Так как же теперь надо строить? – допытывался Шамиль у Сурхая, зная его инженерные способности.

– Я кое-что придумал, – ответил Сурхай.

– Но сначала надо испробовать.

– Они обкладывают нас со всех сторон, – сказал Ахбердилав.

– Так что ты, Сурхай, думай, но только поскорей.

– Нам нужна не просто крепость, – сказал Шамиль.

– Нам нужна неприступная столица Имамата. В Чиркате и в самом деле становится тесно.

– Мы построим такую крепость, какой еще не было! – пообещал Сурхай.

– Люди должны видеть, что мы никого не боимся, – говорил Шамиль.

– Должны знать, что мы всегда готовы придти на помощь, тогда и они нас не оставят, если придется трудно. Нужно выбрать такое место, откуда можно угрожать врагу и быть для него недоступным.

– Аргвани, – предложил Ахбердилав.

- Крепкий аул.
 - И расположен хорошо, – согласился Сурхай, – Но это аул. Его не переделаешь, как я задумал.
 - Может, лучше уйти в Чечню? – напомнил Ташав.
 - Их леса не так легко вырубить.
 - Твои укрепления нам еще пригодятся, – сказал ему Шамиль.
 - Но я думаю об Ахульго.
 - Ахульго? – удивился Ахбердилав.
 - Генералы уже знают туда дорогу, – сказал Али-бек.
 - Они ее забудут, – пообещал Сурхай.
 - Увидите, во что я превращу Ахульго!
- Чтобы положить конец сомнениям, Шамиль твердо сказал:
- Лучшего места нам не найти.

Они еще долго обсуждали положение, сложившееся в Дагестане. Все менялось в пользу Шамиля. Но ясно было и другое: ханы и их защитники-генералы недолго будут терпеть эту горскую вольницу и всеми силами попытаются ее задушить.

Вопрос был в том, насколько окрепнет Имамат до того, как за него всерьез примутся генералы.

Затем перешли к другим делам. Решили, в каких аулах построят пороховые заводы, и освободили от военных походов жителей аулов, доставлявших серу. Договорились, как обеспечить всем необходимым ружейных мастеров. Поручили Али-беку открыть новые школы для детей мухаджиров, прибывающих в Имамат из других мест. Условились о ценах, по которым будут платить за продовольствие. И решили еще множество насущных дел.

Секретарь Шамиля Амирхан Чиркеевский лежал раненый, и его пока заменял старший сын Шамиля Джамалуддин, писавший красивым почерком.

Но сначала, чтобы немного развлечь гостей, Шамиль позвал младшего сына Гази-Магомеда и велел ему принести все, что нужно для письма. Тот понятно кивнул и через минуту притащил старый дедовский кинжал. Гости похвалили древнее оружие, а Шамиль с деланной строгостью велел сыну все же принести бумагу, калам и чернила. Тот снова убежал и вернулся с пистолетом, саблей и ружьем, которые волок по полу с радостным усердием. Гости одобрительно улыбались.

– Вот видите, – сказал Шамиль.

– Даже этот ребенок знает, что законы в горах пишутся не чернилами, а кинжалами.

Затем он сделал знак Джамалуддину, который унес оружие, принес то, что было нужно, и приготовился писать.

– От повелителя правоверных Шамиля его братьям, – начал диктовать Шамиль.

– Мир вам. А затем...

Наутро, когда разъезжались найбы, аул был охвачен праздничной суетой. Женщины шли в дом невесты, чтобы помочь и поглядеть на приданное. Принарядившаяся молодежь гарцевала на конях, а празднично одетые девушки спешили стайками к роднику. У реки резали баранов и чистили песком большие котлы. На площади разводили костры.

Весь день Шамиль принимал посетителей, которые прибывали из разных аулов к верховному правителю за помощью, за советом, за разрешением трудных споров или с жалобами.

Имам выслушивал людей, принимал решения, а затем писал письма наибам, кадиям, джамаатам аулов и обществам. Среди посетителей попадались и клеветники, которых Шамиль сразу распознавал по их мерзким повадкам. Таким он отвечал:

– Твой наиб потому сделан наибом, что он умный, честный и ученый человек; к тому же он разбирает твое дело и знает его лучше меня. Стало быть, оно решено по справедливости. Ступай себе с Богом.

А следом слал письмо самому наibu: «О благородный брат, никогда не думай, что я помышляю относительно тебя, поверив словам доносчиков, клеветующих на тебя. Я испытал на себе деяния людей с давних пор и понял, что многие из них поступают, как собаки, волки, лисы и дьявол-искуситель. Приободришься. Распоряжайся в своем вилайете, руководствуясь высокочтимым шариатом. Запрещай им неприличные дурные поступки и распутство. Избавь себя и семью свою от того, что ненавистно твоему господу, и люди будут довольны тобой».

Курбан не стал откладывать свадьбу сына. К вечеру запела зурна, застучали барабаны и затрещали выстрелы. Это свита жениха направлялась за невестой. Заводилой процессии был шут – голосистый и бойкий парень, который за словом в карман не лез и назывался «ишаком». Следом шли аксакалы, женщины и дети. Была здесь и жена Шамиля Джавгарат, которой было интересно увидеть, похож ли этот свадебный обряд на то, как проходят свадьбы в ее родных Гимрах. И ей казалось, что ее выдавали замуж куда скромнее, а тут веселье било через край. Сын пастуха женился куда шумнее, чем имам.

Невесту выдавали не из ее дома, а из дома соседей, как было принято. Предводитель процессии попросил разрешения войти в дом и, получив его от матери невесты, перешагнул порог, приветствуя окружение новобрачной в самых почтительных выражениях. Следом вошли остальные. Гостей пригласили за стол, угостили как следует и вдоволь посмеялись над шутками-прибаутками шута-заводилы. Но когда друг жениха попросил разрешения отпустить новобрачную к мужу, ему для начала отказали. Лишь когда он повторил просьбу несколько раз, уверяя, что супруг ее не вынесет долгого ожидания, появилась, наконец, и невеста, закрытая платком, украшенная монистами, кольцами, браслетами и в старинном серебряном поясе, который обхватывал ее стройный стан.

Невесту провожали песнями, благословляя на счастливую жизнь, желая ей доброго мужа и много сыновей. Лица женщин сияли радостью, и только мать роняла слезы, как и ее дочь, покидавшая отчий дом.

До мужнего дома было недалеко, но сопровождавшая новобрачную процессия, состоявшая из ликующей свиты жениха, женщин, несших на головах подарки, и лошадей, нагруженных сундуками с приданным, шла долго. Свадебное шествие часто останавливали мальчишки, преграждая путь и требуя выкуп. Мелкие монеты и сладости постепенно расчищали путь, и, наконец, суженая добралась до своего нового дома.

Мать Курбана встретила невестку у входа, помазала ей губы медом, чтобы жизнь ее была сладкой, и повела в дом под величальную песню, которую пели собравшиеся вокруг женщины. Но невеста остановилась у порога и не переступила его, пока к ней не вывели корову и не надрезали ухо в знак того, что корова поступает в распоряжение новобрачной.

Когда невеста вошла в дом своего жениха, снова затрещали выстрелы, заиграла музыка, и молодежь пустилась в яростную лезгинку. Родственники новобрачного принялись осыпать невесту деньгами и зерном в знак будущего благополучия, а дети бросились собирать монеты.

Тем временем новобрачную усадили в особый угол, занавешенный тонким ковром, а гостей усадили за свадебный стол и принялись угощать всевозможными яствами. За отдельным столом сидел новоиспеченный муж, над которым неустанно подшучивали его приятели.

Новобрачному полагалось помалкивать, а отвечал за него друг, которому приходилось отдуваться за пребывающего в счастливой эйфории приятеля.

Приходили все новые гости со своими подарками. Пришла, наконец, и Патимат. Она поздравила невесту и подарила ей красивые серьги, с которыми рассталась не без сожаления.

Звали на свадьбу и Шамиля, но сначала он был занят посетителями, а потом и сам не спешил идти. Шумное веселье казалось ему неуместным, когда в горах было так беспокойно. Праздные развлечения с музыкой и танцами сделались большой редкостью, исключение делалось только для свадеб. Но не оказать уважение старому другу Шамиль не мог и пришел поздравить молодоженов.

Веселье продолжалось до полуночи, когда новобрачных проводили в отведенную им комнату, а друг жениха занял пост у дверей, чтобы молодых никто не посмел потревожить.

Глава 12

Пока кони мчали Павла Христофоровича Граббе через необъятные просторы, отделявшие Кавказ от Петербурга, у него было время поразмыслить.

От Чернышева он ожидал всего. Этот царедворец достиг такого могущества, что дерзить ему снова у Граббе не хватало духу. Тогда, после расследования дела декабристов, император остался так доволен Чернышевым, что в день своей коронации, 22 августа, возвел его в графское достоинство.

То, что вызов в Петербург – затея Чернышева, Граббе не сомневался. Но что могло теперь вызвать неудовольствие военного министра? Неужели Граббе был неосторожен в высказываниях? Или жена сболтнула лишнего после его ночных исповедей? Или злосчастный Анреп снова выставил его на посмешище?

Граббе терялся в догадках, и оттого еще более холодела кровь, еще глубже натягивал он генеральскую шляпу с плюмажем и туже запахивал неудобную шинель, под которой топорщились генеральские эполеты.

Как ни гордился Граббе своими подвигами, а должен был признать, что и Чернышев был вояка не из последних. Аустерлиц, Наполеоновские кампании, взятие в плен французского генерала Риго и отбитие у врага двух русских генералов – Нарышкина и Винценгероде – это чего-то стоило. Граббе довелось отвезить письмо Александра к Наполеону, и он этим весьма гордился. Однако Чернышев превзошел его и на этом поприще, несколько лет прослужив обоим императорам доверенным курьером. И до того расположил к себе Наполеона, что тот был несказанно рад, когда Чернышева сделали постоянным представителем России при французском императоре. А уж там Чернышев столько шпионов наплодил, что после его возвращения в Россию их еще долго ловили и отправляли на гильотину, как Мишеля из Военного министерства.

Заслуг у Чернышева хватало, приходилось это признать, но высокомерного к себе отношения Граббе простить ему не мог. И ему казалось странным, что неоспоримая храбрость может соседствовать в столь высокопоставленном вельможе с хамством и банальным волокитством. Конечно, если молва не врет насчет любовницы Чернышева и несчастного Траскина, которому пришлось на ней жениться. Впрочем, военный министр в его прощении не нуждался. А что он задумал на этот раз, Граббе не мог и предположить. От мрачных предчувствий Граббе лишился сна. Вместо этого он впадал в некое оцепенение, проваливаясь в какую-то гудящую тьму. И там ему снова являлась ужасная гора, жаждущая его раздавить.

Вот уже начался Петербург, где Граббе все было знакомо. Нависли мрачные здания, засверкали золоченые шпили, замелькали на улицах бледные лица петербуржцев. А кони несли смятенного Граббе туда, ко дворцу, в лицемерные объятия смертельного врага.

Экипаж остановился у Зимнего дворца. Граббе ступил на Дворцовую площадь и замер от изумления. Зимний дворец, гнездо императоров, был сожжен. Только теперь Граббе начал вспоминать, сколько шуму наделал этот пожар 1837 года, когда по неосторожности прислуги сгорел великолепный дворец. Едва успели спасти гвардейские знамена и портреты из Фельдмаршальской залы да образа и святые мощи из дворцовой церкви. Огонь пощадил Эрмитаж, примыкавший к Зимнему, зато уничтожил парадные залы и покои императора.

Зимний все еще стоял без крыши, с пустыми обгорелыми глазницами окон. Граббе приехал не туда. Он решил, что это дурной знак, но ничего не оставалось, как ехать в Военное министерство.

Оно располагалось неподалеку, на Адмиралтейском проспекте, в бывшем доме князя Лобанова-Ростовского. Совет, две канцелярии и семь департаментов трудились здесь не покладая рук, зная тяжелый нрав своего начальника.

Встретивший Граббе дежурный адъютант сообщил, что князь теперь в Петергофе, у императора, куда и ему велено было ехать по прибытии в Петербург.

Измученный тревожной неизвестностью, которой он желал положить конец, Граббе бросился в Петергоф. И эти последние без малого тридцать верст вдоль Финского залива показались ему чуть ли не длиннее тех тысяч, которые он уже проехал.

Чтобы успокоиться и взять себя в руки, Граббе решил взойти ко дворцу через Аллею фонтанов и Большой каскад. Великолепие Петергофа наполнило душу Граббе благодатью. Посреди этого грандиозного величия, казалось Граббе, не могло существовать ничего, кроме царственного милосердия. Титаническая фигура золоченого Самсона, раздирающего пасть «шведского» льва, казалась восторженному Граббе олицетворением самого императора, наказующего клевету и лицемерие.

Переведя дух и перекрестившись, Граббе вошел в Большой дворец. Дежурные офицеры отдали ему честь, лакей принял шинель. Граббе подошел к стоявшему у стены большому зеркалу в затейливой раме и оглядел себя с головы до ног. При полной парадной форме, в треугольной шляпе с плюмажем он смотрелся внушительно.

Во дворце было суетно. Бегали вестовые, что-то возбужденно обсуждали сановники, торопились по срочным делам адъютанты. И никому не было дела до Граббе, который велел доложить о себе и прогуливался по дворцу, любуясь его убранством.

Император Николай I принял его в Аудиенц-зале, слепящая роскошь которого повергла Граббе в необыкновенное для него смирение.

Николай спросил Граббе о здоровье, о семье, но так, будто самого Граббе здесь не было. Император считал его доблестным генералом, но плохим подданным.

Граббе отвечал коротко, с глубоким почтением и ждал, когда будет произнесено главное, то, для чего его вытребовали из далекого Пятигорска. Но император уже смотрел в окно, как если бы вовсе позабыл про Граббе. Павел Христофорович вопросительно поглядывал то на генерал-адъютанта Адлерберга, то на дежурного генерала, но и те смотрели куда-то мимо. Все это повергало Граббе в трепет. Но тут вдруг император начал говорить:

– Милостивый государь, известно ли вам, что горцы упорствуют?

– Так точно, ваше императорское величество, – с готовностью ответил Граббе.

Но государю такой ответ не понравился. Он вообще не ждал от Граббе ответа. Он говорил сам с собой.

– Эти бунтовщики не поспешили воспользоваться нашей милостью. Шамиль не вышел. А я был там, в Тифлисе, и кавказские начальники докладывали, что он покорился.

Граббе только кивал, не смея перебивать императора и все еще не понимая своей связи с Шамилем.

– Горцы шалят, – продолжал император.

– Это более не может быть терпимо. Вся Европа у моих ног, а эти абреки мнят из себя революционеров. Те же гибельные идеалы! Те же эфемерные иллюзии!

Свобода! Независимость! И где? Не в просвещенной Европе даже, а в дикой горной стране, где и понятия не имеют о том, что есть демократия! Зачем же лезть на штыки из одного лишь ложного понятия о свободе? Не потерплю!

Граббе собрался было изложить свое мнение, но император обернулся к Граббе и с некоторым удивлением посмотрел на его бакенбарды, как в зеркало. Вместо ответа Граббе опустил голову еще ниже, почувствовав, что переусердствовал в своем стремлении походить на императора хотя бы внешне.

Николай вспоминал свою поездку и находил все больше поводов для неудовольствия. Каждый новый командующий брался усмирить горцев в два счета, а эта «малая», «внутренняя» война длится уже двадцать лет. Кавказская война представлялась ему чем-то неприятным, но необходимым, как докторское кровопускание. Только вот генералы были плохие доктора, они умели пустить кровь, но остановить ее были не в состоянии.

Фельдмаршал Паскевич со своим «проектом двадцати отрядов» потерпел фиаско, хотя ему были даны все средства. Генерал Розен, протеже Чернышева, тоже мало чего добился. Ему даже Шамиль не поверил, когда тот звал его на аудиенцию к самому императору. Зять его, командир Эриванского гренадерского полка флигель-адъютант Дадиани, проворовался. Император самолично сорвал с него эполеты и сослал в Бобруйск охранять арестантов. Хорошо, у Розена ума хватило самому подать в отставку. Вместо него командиром Отдельного Кавказского корпуса Николай назначил генерала Головина. Но все осталось по-прежнему. Противоречия друг другу, генералы слали удивительные реляции: если собрать их вместе, выходило, что на Кавказе и горцев уже не осталось, и горы с землей сровнены. Тогда с кем они там еще воюют? Шеф корпуса жандармов Бенкендорф докладывал, что в армии брожение умов, кругом обман и предательство, казнокрадство превысило все мыслимые размеры, а на дорогах разбои. Уже сами войска стреляют и грабят проезжих.

На Черном море настроили укрепления, но это мало помогало усмирению черкесов. Крепости, города и вся Военно-Грузинская дорога постоянно находились на осадном положении. В Дагестане как будто все спокойно, но Николай подозревал в этом спокойствии зреющую бурю. Император снова оглянулся на Граббе и холодно спросил:

– Доколе?

Граббе начал догадываться, зачем его позвали.

Вдруг застучали каблуки, и в залу торопливо вошел Чернышев. В руках у него была красная папка с золоченым вензелем.

– Ваше императорское величество! – говорил Чернышев, не обращая внимания на Граббе.

– Во исполнение высочайшего повеления составлены проекты о новых назначениях.

– Дайте, – Николай требовательно протянул руку.

Чернышев достал из папки бумагу и с поклоном подал императору. Император уже не доверял ему, как раньше. Особенно после поездки на Кавказ. Протеже Чернышева привели дела края в совершенный хаос и мало что сделали для умиротворения горцев. Их кинжалы ставили под сомнение репутацию Николая как монарха всесильной державы. К тому же казна – не скатерть-самобранка, чтобы реки денег всякий раз исчезали в глухих ущельях Кавказа.

Император наскоро проглядел бумагу и несколько разочарованно отдал ее своему флигель-адъютанту.

– Извольте одобрить? – просил Чернышев.

– Возможно.

– Николай многозначительно взглянул на Чернышева и удалился со своей усыпанной орденами свитой, хотя сам, как и Граббе, носил только орден Святого Георгия, но выше классом.

Наконец, военный министр обратил внимание и на генерал-лейтенанта.

– Павел Христофорович! – расцвел он, обнимая Граббе.

– Несказанно рад вас видеть.

– Я тоже, граф, – пожал Граббе протянутую руку.

– Как добрались? Как драгоценная ваша супруга? Детки радуют?

– Благодарю, ваше сиятельство, – отвечал Граббе, не ожидавший такого участия.

– Все в полном здравии.

– Очень радс, очень радс, – сладко улыбался Чернышев.

– А то, знаете ли, Кавказ...

Александр Иванович Чернышев, генерал от кавалерии, был еще молодцеват. Он был бы совсем орел, если бы не предательские мешки под глазами – следствие дворцовых интриг и ночных походов.

– Государь разгневан, – перешел к делу Чернышев.

– А монарший гнев – событие государственное, я бы даже сказал – политическое.

– Я, собственно, не совсем понимаю, – сказал Граббе.

– Верно, – согласился Чернышев.

– Не все могут понимать нашего государя. Но я объясню. Велено покончить с Шамилем, если не покорится.

– Давно пора, – кивнул Граббе.

– Шалит, как изволили выразиться их императорское величество.

– Дерзит! – поднял палец Чернышев.

– Так вот и нам дерзкий человек надобен, – со значением сказал Чернышев.

– Вы, Павел Христофорович.

– Я?

– Больше некому. Заступите на место Вельяминова... Достойное поприще, не правда ли?

В дружеское расположение к нему Чернышева Граббе не верил. Но воля императора – совсем иное дело. Он лихорадочно соображал, как ему теперь следует себя поставить, но Чернышев не давал ему сосредоточиться.

– Знали бы вы, любезный Павел Христофорович, каких трудов мне стоило убедить императора забыть прежние недоразумения...

Чернышев с большим удовольствием засадил бы Граббе на гауптвахту. Стоило лишь перетряхнуть дело декабристов, в котором всегда отыщется новый предлог. Но фрейлина наплела что-то императрице про письмо своей кузины, что-де Граббе мечется, как лев в клетке, и с прискорбием взирает на неумелые действия кавказских начальников. Император к супруге прислушался.

Чернышев пытался убедить императора, что Граббе – не та фигура: слишком прямолинеен. Но императору, вернувшемуся из поездки на Кавказ в дурном расположении духа, именно эта прямота Граббе и показалась необходимой для дела. Именно такой генерал, упрямый, с апломбом и непризнанием авторитетов, желанием выслужиться, был надобен против Шамиля. Перемены, произведенные императором на Кавказе, замены начальников и неудовольствие, выраженное им Генеральному штабу, дела не поправили. И, когда неожиданно скончался Вельяминов, император вспомнил о Граббе.

Это было очень некстати. У Чернышева был свой, преданный ему человек, которого он прочил на место Вельяминова. Но теперь было поздно. Нужно было исполнять высочайшее повеление. Только Чернышев был далеко не так прост, чтобы облагодетельствовать своего врага, не связав его сначала по рукам и ногам.

– Таким образом, осталось лишь дожидаться высочайшего приказа о назначении вашем командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории. Надеюсь, император с этим не замедлит.

– Вы во мне не ошибетесь, граф, – сказал Граббе, окрыленный неожиданной милостью императора.

– А по прибытии на Кавказ, по вхождении в дела вверенной вам области не замедлите представить соображения к скорейшему приведению горцев в покорность.

– Всенепременно, – кивнул Граббе.

– А пока извольте полюбопытствовать.

– Чернышев достал из папки бумагу.

– Плоды трудов отважного генерала Фезе, выпустившего Шамиля, когда он был почти у него в руках.

Граббе взял бумагу. Это был перевод письма Шамиля к Фезе после заключения с ним договора.

– Читайте, читайте, – настаивал Чернышев.

– По письму выходит, что генерал взял на себя смелость признать Шамиля равным его величеству императору, а его Имамат – особым государством!

В письме говорилось:

«Мы заключили мир с Российским государством, которого никто из нас не нарушит, с тем, однако, условием, чтобы ни с какой стороны не было оказано ни малейшей обиды против другой. Если же какая-либо сторона нарушит данное ею обещание, то она будет считаться изменницей, а изменник почтется проклятым перед Богом и перед народом. Сие наше письмо объяснит всю точность и справедливость наших намерений».

– Как же теперь быть с Шамилем? – растерялся Граббе.

– В смысле политическом?

– Как с бунтовщиком, – объяснил Чернышев.

– Государь велел усмирить или истребить. По обстоятельствам. С подданными договоров не заключают!

– В порошок сотру! – пообещал Граббе.

– Да, вот еще что... – Чернышев взял Граббе под руку и повел по залу.

– Дело вам предстоит многотрудное. Опять же штаб надобно будет перетряхнуть... Так вот я прикомандирую к вам поручика Милютина. Способный малый, из Генерального штаба. Обучался в Императорской Военной академии. Он мне тут такие карты рисовал – шедевры, а не карты. Весьма сведущ в военных науках. В журналах статьи публикует. И мечтает теории свои применить к практике. Или, напротив, практику обратить в наставления для войск. А Кавказ для этого благодатное поприще. Под вашим-то началом.

– Чрезвычайно вам благодарен, – согласился Граббе.

– Новые взгляды всегда на пользу отечеству.

Чернышев внимательно посмотрел на Граббе, размышляя, что имел в виду под «новыми взглядами» господин, имевший прикосновенность к делу декабристов.

– Тем более, когда рядом будут опытные люди, коих на Кавказе множество, – продолжал Граббе, все более увлекаясь чарующими перспективами.

Чернышев немного успокоился и продолжал:

– Война – дело дорогое, но все же вот вам совет: куда штыком не дотянетесь, туда деньгами проникнуть пробуйте. Не знаю, как в Дагестане, а в иных местах золото – первое средство поселить между племенами раздор. Так что просите побольше. И войск, и денег. Чтобы наверняка. А уж я позабочусь, чтобы ни в чем не было отказа. И не спешите. Горцев наскоком не возьмешь.

У Граббе голова шла кругом.

Отчего бы такая необыкновенная щедрость? – размышлял про себя генерал. Или Шамиль стал так опасен, что уже ничего не жалко, только бы добыть его голову?

Но Чернышеву нужны были громкие победы, а не окончание войны. И причины его неслыханной щедрости скоро объяснились, когда он сообщил Граббе об еще одном, более важном назначении:

– Начальником штаба у вас будет флигель-адъютант полковник Генерального штаба Траскин. Очень рекомендую! Александр Семенович – дельный человек, я сам имел случай в этом убедиться.

Тот самый Траскин! – припомнил Граббе сплетню о том, как Чернышев пристраивал замуж своих любовниц.

– При ваших стратегических занятиях кому-то нужно и остальные дела вершить, – убеждал Чернышев.

– Особенно по части хозяйственной. Подряды, расходы, продовольствие, обмундирование... Одним словом, болото! Не генеральское это дело.

Дьявол! – чертыхался про себя Граббе, сохраняя, тем не менее, учтивое выражение на лице. Приставил ко мне шпиона, да и вора, похоже, изрядного. Ну да ничего, там видно будет, чья возьмет.

– Вот и договорились, – улыбался Чернышев, пожимая Граббе руку.

– А ежели превзойдете Фезе, за монаршей милостью дело не станет.

– Не извольте сомневаться, – заверил Граббе.

– Нус, не смею более задерживать.

Обратно Граббе летел как на крыльях. Теперь он снова в силе, да еще в какой! Фезе дело провалил, и посрамить его – это Граббе считал делом чести. У него не уйдешь. Хватка у Граббе еще крепкая. Попляшут теперь мюриды. А Шамиль еще сам о пощаде запросит. И всякие там Анрепы со своими глупыми дуэлями будут у него по струнке ходить!

Граббе не терпелось выехать к месту назначения и безотлагательно приступить к соображениям о радикальных действиях против Шамиля. А там, глядишь, и для скорейшего и окончательного покорения Кавказа.

Ожидая в Петербурге высочайшего повеления, Граббе узнал от знакомых, что история насчет Траскина и любовницы Чернышева – правда. Но выяснилось важное обстоятельство. Жена Траскина умерла при родах. Мнимый муж был теперь Чернышеву не нужен в Петербурге, зато мог с пользой служить ему на Кавказе, приглядывая за Граббе и распоряжаясь гигантскими суммами так, как повелит его покровитель.

Наконец, высочайший приказ был получен. Из щедрого жалования, полученного на три месяца вперед, Граббе купил новый экипаж и немедленно отправился в путь.

Глава 13

В Чиркату потянулись землекопы и каменщики, которых присылали наибы. Их встречали, хорошо кормили и отправляли на Ахульго, где они поступали в распоряжение Сурхая. Горский инженер просил Шамиля не приезжать, пока не будут готовы первые сооружения. Но Шамилю давно хотелось взглянуть на то, что там происходит. Узнав, что от Сурхая прибыли люди, чтобы забрать порох, необходимый для работ, Шамиль отправился с ними поговорить.

Пороховой завод был построен на окраине аула. Недалеко от Чиркаты издавна разрабатывалось месторождение серы. В отвесном склоне были проделаны длинные штольни, где добывали богатую руду, из которой затем и выплавляли серу. За этот важный труд Шамиль освободил мастеров от воинской обязанности, а кроме того, еще платил по пятидесяти копеек за пуд. На таком же положении были и те горцы, которые производили селитру, необходимую для получения пороха. Древесный уголь – третью составную часть пороха – доставляли по реке андийцы.

На чиркатинском заводе были установлены четыре каменные ступы, в которых смесь серы, селитры и угля тщательно крошилась и перетиралась. Делалось это с помощью больших пестов, которые приводились в движение хитроумным механизмом, связанным с водяной мельницей на реке. Полученный порошок sprыскивали водой и снова перемешивали. Затем это подобие теста перекладывали в бурдюк из бараньей шкуры, долго мяли, поколачивали и встряхивали, пока тесто не превращалось в зерна. Это и был порох, который оставалось как следует просушить и разложить по мешкам.

Порох получался достаточно хороший. Порох, который делали в других аулах, несколько отличался от чиркатинского. Все дело было в пропорциях, которые каждый мастер устанавливал на свой вкус. Но никакой горский порох не шел в сравнение с русским, который иногда удавалось купить в крепостях. Вот и вчера Джамал, старшина аула Чиркей, прислал два бочонка отличного фабричного пороха.

Джамал был человек известный и влиятельный. За ум и ловкость, с которой он устраивал самые деликатные дела, его уважали даже царские власти. Само положение Чиркея, этого большого и богатого аула поблизости от царских крепостей, вынуждало Джамала вести тонкую дипломатическую игру. А его сын даже завел приятелей среди русских начальников.

Чиркей считался мирным, но с условием, чтобы в него не вступали ничьи войска. В результате аул сделался важным посредником между непокорными горами и равниной, находившейся под контролем царских войск. Торговля с обществами, приверженными Шамилю, была запрещена, но через посредничество Чиркея они получали соль и другие необходимые товары. Особенно важным было то, что овечьи стада горных аулов паслись зимой на равнинах под видом чиркеевских.

– Чиркей Шамилю не слуга, – заверял Джамал, но при этом помогал имаму чем только мог.

Когда Шамиль в сопровождении Юнуса и Султанбека подъезжал к пороховому заводу, раздался взрыв. Все вокруг заволкло едким дымом. Потом из сизого тумана выбежали три лошади, за которыми гнались их хозяева. В ауле заголосили женщины, а к заводу начали сбегаться люди.

Дым постепенно рассеивался. Двинувшиеся вперед всадники увидели, что механизмы исправно делали свое дело, в ступах растирались составные части пороха, а в дальнем углу вокруг груды искореженного металла стояли обескураженные горцы.

– Имам! – растерянно сказал Мухтар, заведовавший пороховыми делами.

– Скажи этому сумасшедшему, чтобы оставил нас в покое!

Он показывал на седобородого старика, колдовавшего над дымящимся железом. Магомед был неутомимым изобретателем, мечтавшим сделать настоящую пушку. Меди, чтобы отлить ее, у него не было. Тогда Магомед придумал выковывать пушки кузнечным способом из железных полос, а затем обшивать их буйволиной кожей и стягивать обручами. Шамиль запретил ему эти опасные опыты, но он надеялся убедить имама этим последним испытанием. И конструкция снова не выдержала.

– Магомед! – позвал его Шамиль.

– Разве не просил я тебя оставить свои выдумки?

– У меня почти получилось! – оправдывался перепачканный копотью Магомед.

– Говорил я ему, чтобы не клал так много пороха, – говорил Мухтар.

– Хотя пушка, правду сказать, была красивая.

– Без хорошего заряда ядро не полетит, – спорил Магомед.

– Просто у тебя порох неправильный. Дыму много, а толку мало. Вот и разорвало пушку.

– На мой порох еще никто не жаловался, – не соглашался Мухтар.

– Серы мало кладете, – гнул свое Магомед.

– Достаточно, – кипел Мухтар.

– А пушка испортилась потому, что ствол плохо сварили!

Шамиль решил положить конец этой перепалке и вернулся к неудачному испытанию. Ему не хотелось обижать старика. В конце концов он рисковал жизнью ради общего дела. Но Шамиль все же сказал:

– Оставь это, ради Аллаха. И жизнь свою сохранишь, и русские не будут над нами смеяться.

– Лучше отруби мне голову, – ответил Магомед.

– Зачем мне голова, которая не может придумать несчастную пушку?

– Лучше вместе попробуйте сделать наш порох лучше фабричного, – посоветовал Шамиль.

– Порох пусть они сами делают, – упрямылся Магомед.

– А у меня будет пушка, имам!

Он омыл лицо водой, сделал пару глотков и, махнув рукой, пошел со двора.

– Не обижайся, отец! – добродушно крикнул ему вслед Шамиль.

– Я не вернусь, – ответил Магомед.

– Без пушки не вернусь!

Шамиль желал иметь орудия не меньше Магомеда. Вот и людей отправили учиться этому ремеслу. А пока оставалось надеяться, что удастся отбить пушки в боях.

Люди, убедившись, что никто не погиб, начали расходиться, толкуя об опасностях военных ремесел и рассуждая о том, не слишком ли близко от села поставили пороховой завод. Да еще этот неугомонный Магомед лезет со своими кожаными пушками.

Тем временем лошади были пойманы и возвращены.

– Берите скорее, – указал Мухтар мюридам на мешки с готовым порохом, – пока другие не забрали.

Мюриды, а это были люди, присланные с Ахульго, принялись навьючивать лошадей.

– Как идут дела? – спросил их Шамиль.

– Не так быстро, как хочет Сурхай, и не так медленно, как бы хотелось нашим врагам, – ответил мюрид.

– Что уже построили?

– Сурхай не велел говорить, – ответил мюрид.

– Даже мне? – удивился Шамиль.

– Тут есть и другие люди, – сказал мюрид.

– Я поеду с вами, – объявил Шамиль.

– Воля твоя, – кивнул мюрид, снимая с себя ответственность.

– А я делаю, как наиб велел.

– Правильно делаешь, – согласился Шамиль.

– Тайное должно оставаться тайным.

Мюриды тяжело навьючили лошадей, добавили к вьюкам плетеную корзину с яблоками, которую им дал Мухтар, и тронулись в путь.

– И эти возьмите, – Шамиль показал на стоявшие отдельно бочонки с фабричным порохом, присланные Джамалом.

– Хоть один оставьте, – просил Мухтар.

– Для сравнения.

– Сурхаю они нужнее, – возразил мюрид.

– А тебе Джамал еще пришлет, – сказал Шамиль.

– Он слово держит.

Они двигались вдоль реки. Шамиль разглядывал надвигавшиеся громады Ахульго, но не замечал никаких перемен. Разве что развалины прежнего аула будто и вовсе исчезли. Могло показаться, что Сурхай не строил новое, а разрушал старое. Отправив мюридов с порохом наверх, Шамиль не торопясь объехал Ахульго, разглядывая гору со всех сторон. И опять ничего не заметил.

Только увидел пещеру, в которой он побывал в далеком детстве, когда еще был учеником. Тогда, прослышав о необычайной смелости Шамиля, местные мальчишки решили его испытать. На Ахульго было много пещер, но эта считалась самой страшной.

Одни говорили, что в пещере обитают злые духи, которые губят всех, кто в нее входит. Другие рассказывали про огромную змею, живущую в бесконечной пещере, что она утаскивает туда целых быков. Третьи клялись, что по ночам из пещеры вылетает кровожадный дракон аждаха, и горе тому, кто его потревожит. Но Шамиль только смеялся над этими суевериями. Он поспорил, что разгонит злых духов, если они там есть, завяжет в узел змею, если она там прячется, и оседлает аждаху, только бы он ему попался.

И они отправились к пещере, которая открывала свою темную пасть над Койсу. Мальчишки вооружились кинжалами и ружьями на случай битвы с чудовищами. А Шамиль взял с собой, кроме факела, только длинную веревку, чтобы не заблудиться, если пещера и на самом деле окажется такой глубокой, как говорили, или начнет разветвляться. В доказательство того,

что он дойдет до конца, Шамиль снял с одного из мальчишек шапку. Он сказал, что оставит ее в конце пещеры, и если они ему не поверят – пусть потом сходят и заберут ее.

Пещера находилась не очень высоко, но добраться до нее можно было лишь по едва заметной козьей тропке, тянувшейся вдоль отвесной стены Ахульго. Для горских мальчишек такие дороги были привычным делом. У входа в пещеру Шамиль зажег факел и шагнул в пугающую неизвестность.

По высоким неровным сводам забегали блики от факела. Но впереди была гулкая темнота, и края пещеры видно не было. Шамиль шел, натываясь на камни и кости животных, и пещера, то сужаясь, то снова расширяясь, делая поворот за поворотом, уходила в чрево горы.

Факел высвечивал то висящих вниз головой летучих мышей, которые смотрели на Шамиля немигающими горящими глазками, то выступавшие из темноты разноцветные колонны, торчавшие клыками дракона. Иногда под ногами что-то шуршало, и Шамиль видел ускользающих змей. Но это были обычные змеи, каких можно встретить где угодно.

Пещера нырнула вглубь. Чтобы спуститься, пришлось привязать веревку к большому камню. Шамиль, зажав факел зубами, полез вниз. На его счастье, дно оказалось недалеко. Здесь пещера заканчивалась, а еще дальше уходила узкая щель, из которой сочилась вода. Пролететь в эту щель было невозможно. Шамиль сунул туда факел, чтобы посмотреть, что там, но мрак поглотил слабый свет, а затем факел и вовсе погас.

Шамиль оказался к абсолютной тьме. Только слышен был странный гул. То ли от несущейся неподалеку реки, то ли это был голос тишины, какой не бывает на поверхности. Но Шамилю начало казаться, что это бьется сердце горы Ахульго, а сочившаяся вода как будто была ее кровью.

Найдя в темноте веревку, Шамиль выбрался в верхнюю галерею, положил на краю шапку своего приятеля и начал на ощупь пробираться к выходу.

Его приятели так переволновались, что ожидали чего угодно, только не появления целого и невредимого Шамиля. Он спустился вниз, сел у дерева и не сразу пришел в себя. Мальчишки тормозили его, изнывая от любопытства. Наконец, Шамиль все им рассказал. Ему не поверили. Но теперь настал их черед проверить, правду ли говорит Шамиль. Они уже жалели, что Шамиль оставил шапку в пещере, и теперь приходится за ней идти. Но желание испытать и свою смелость превозмогало страх. Они взобрались наверх, зажгли факелы и, призывая на помощь Аллаха, двинулись внутрь пещеры.

Шамиль успел искупаться в реке, помолиться и теперь отдыхал на теплом камне, когда мальчишки вернулись. С круглыми от ужаса глазами они показывали Шамилю шапку и убеждали его, что ели унесли ноги от огромной змеи. И сколько ни убеждал их Шамиль, что это, наверное, была веревка, забытая им в пещере, они стояли на своем. Немного успокоившись, они вернулись в аул, весьма гордые своим подвигом и втайне завидуя Шамилю, который совершил его первым.

Глава 14

Когда Шамиль и его спутники поднялись к узкому перешейку, который вел на Новое Ахульго, они опять ничего не увидели, кроме знамени Сурхая, стоявшего на самой высокой точке горы.

Шамиль тронул коня и двинулся по острому гребню.

– Яблоки! – показал Юнус.

Вдоль перешейка, будто указывая путь, цепочкой лежали яблоки. Но стоило спутникам двинуться дальше, как раздался выстрел. Ближайшее к ним яблоко разлетелось на куски. Шамиль выхватил саблю. Юнус с Султанбеком сдернули со спин ружья и бросились вперед, защищая Шамиля. Но яблоки продолжали разлетаться, а откуда стреляли было непонятно.

Когда они миновали перешеек и выбрались на Новое Ахульго, перед ними будто из-под земли выросли мюриды. А затем показался и сияющий от произведенного эффекта Сурхай. Султанбек двинулся на него, пылая негодованием.

– Салам алейкум, имам! – крикнул Сурхай, хватая коня Султанбека под уздцы.

– Ва алейкум салам, – ответил

Шамиль, сходя с коня.

– Хорошо же ты встречаешь гостей.

– Так мы будем встречать врагов, – сказал Сурхай.

– Ты видел, откуда стреляли?

– Из-под земли? – догадался Шамиль, сходя с коня.

– Спрятались, как кроты, – сердился Юнус.

– Где же твои постройки? – спросил Шамиль.

– Приглядитесь, – показал Сурхай в сторону небольшого холма.

– Вон там, видите?

Теперь и Шамиль увидел узкие щели, которые расходились в обе стороны от тропинки и были едва заметны.

– Подземные бойницы? – удивился Шамиль.

– Подземная крепость, – гордо сообщил Сурхай и подал знак своему мюриду.

Тот свистнул, и повсюду начали подниматься люди с кирками и лопатами в руках.

После погрома, учиненного Фезе, Сурхай решил спрятать крепость в самой горе.

Он показал Шамилю свои чертежи, по которым предполагалось устроить несколько линий укреплений, а передовые – в несколько ярусов. Между ними должны были проходить скрытые траншеи и подземные ходы. В дальней части горы, обращенной к реке и более безопасной, Сурхай собирался построить оружейную мастерскую, пороховой склад, хранилище для воды и многое другое. И все это тоже зарывалось в землю. На Ахульго создавалась мощная крепость, рассчитанная на долгую оборону.

– Никакие пушки нас не возьмут, – уверял Сурхай, направляясь к скрытому в камнях входу.

Они спустились в просторную каменную галерею и пошли осматривать фортификационные работы.

Сурхаю помогали мастера, прибывшие из Дагестана и Чечни. Они хорошо знали свое дело, а когда встречались препятствия, быстро находили способ их устранить. Одни пробили штольни в каменном теле горы, другие укрепляли подземные ходы, третьи проделывали бойницы, четвертые оборудовали главные пункты обороны. Каменные глыбы, которые невозможно было разбить, взрывали. К пещерам, которых на Ахульго было немало, прокладывались пути по отвесным склонам. В некоторые удавалось попасть, пробив свод сверху.

Из переднего ряда скрытых бойниц простреливались все подступы. Юнус прицелился из винтовки по уцелевшему яблоку и выстрелил. Яблоко подлетело в воздух и покатилося по отвесной стене в пропасть.

- Машаалла! – удивлялся Юнус.
- Да продлит Аллах твои дни, Сурхай.
- А если в рукопашную? – интересовался Султанбек.
- Если пули кончатся? Тогда как?
- Как всегда, – пожал плечами Юнус.
- Вылезает и дерешься.
- Но можно выйти и там, где не ждут, – сказал Сурхай.
- Или пропустить, а потом напасть сзади.
- Машаалла! – качал головой Юнус.
- Если что – и могила готова.

Когда они выбрались на поверхность горы, то смотрели вокруг уже другими глазами. Сурхай старался использовать каждый бугорок, каждую расщелину горы, чтобы сделать ее еще более неприступной. А любой выступ, который мог бы помочь осаждающим, безжалостно сби-вался. Камни и бревна, оставшиеся от разрушенных Фезе домов, обломки взорванных скал, не пошедшие в дело, – все это собирали на опасных участках, чтобы обрушить на противника, если он рискнет брать Ахульго штурмом. Узкий перешеек, соединявший Ахульго с остальным миром, предполагалось глубоко перекопать в нескольких местах.

Шамиль был доволен увиденным, а его помощники, не переставая, цокали языками от изумления.

План Сурхая был необычен, но его подсказывала сама природа. Горький опыт пошел горцам на пользу, и они учились быть предусмотрительными.

- А где будут жить наши семьи? – спросил Шамиль.
- Я думал, здесь будут одни мужчины, – растерялся Сурхай.
- Что тут делать семьям?
- Нельзя же вечно воевать, – сказал Шамиль.
- Я ведь говорил, что Ахульго будет не только крепостью, но и нашей столицей. В Чир-кате, действительно, становится слишком много людей.
- Можно и дома построить, – согласился Сурхай.
- И мечеть, – напомнил Шамиль.
- Большую, для всего джамаата.
- Да, имам, но где взять столько строителей?
- Люди будут, – пообещал Шамиль.
- Мы создадим такую столицу, какой еще никогда не было. Даст Аллах, никто не посмеет нас тут тревожить.
- А если посмеет? – сомневался Сурхай.
- Тогда это будет долгая битва, – размышлял Шамиль.
- И, чтобы лучше к ней подготовиться, нам необходимо выиграть время.
- Год нужен, – сказал Сурхай и постучал кулаком о камень.
- Гора слишком крепкая.
- Осенью они на нас не пойдут, – сказал Шамиль.
- Сил не хватит. Зимой они в горах не воюют. А к весне... К весне надо все закончить.
- Мои люди трудятся не покладая рук, – сказал Сурхай.
- Все трудятся, – сказал Шамиль.

Он вскочил на коня и двинулся обратно. Когда открылась узкая теснина между двумя Ахульго, Шамиль увидел старый деревянный мост, перекинутый между горами высоко над рекой.

– Надо бы его укрепить, – подумал Шамиль, полагая, что не следует ограничиваться работами на Новом Ахульго.

Изучение всех бумаг, которыми снабдили Граббе, могло занять столько времени, что он успел бы обогнуть земной шар. А потому он сосредоточился на тех, которые считал более важными. Но и они ему скоро наскучили. Куда интереснее было читать цветастые донесения Николая Раевского-младшего, того самого, который при Бородино шел за отцом со знаменем. Граббе давно его знал. Раевский был сибарит и мало походил на военного, скорее напоминая английского денди и в одежде, и в манерах. Он участвовал еще в нескольких войнах, но походы Раевского на Кавказе были известны не столько важными результатами, сколько непечатного содержания частушками, которые распевали его солдаты на радость своему командиру.

Однако реляции генерал-майора были позанятнее повестей Марлинского и касались не столько военных действий, сколько кавказских начальников, которых Раевский цинично высмеивал. Сверх того, Раевский регулярно подавал самые фантастические проекты. И он даже не писал их, а просто диктовал, причем по-французски, так как был не в ладах с русской словесностью. А на бумагу их перекладывал не кто иной, как Лев Пушкин – брат русского гения, тоже не лишенный некоторого дарования. Переводчик чертыхался, когда рассказывал об этом на Водах. Он говорил Раевскому, что его реляции выходят из всякого правдоподобия, но тот его успокаивал:

– Любезный Лев Сергеевич, вы глупы и ничего не понимаете: чем больше вранья представлять в Петербург, тем более его восхищаешь!

Пушкин клялся, что это невозможный сумбур самого дурацкого пошиба, но Раевский стоял на своем:

– Мудрецы Петербурга, гиганты в невежестве и дурости, всякому верят, когда умеешь изложить.

Граббе читал и невольно посмеивался, особенно над искусно вставленными остротами. Читал он с пристрастием, но не потому, что его слишком интересовали дела в Черномории, а совсем по другой причине. Очаровательная наглость сочинений Раевского, полных безудержного бахвальства и таинственных предсказаний, бесила Чернышева, но приводила в восторг императора. Николай понимал, что эти репортажи далеки от действительности, но милостиво относился к герою Бородино и ни в чем ему не отказывал. А писания его давал читать сначала императрице для развлечения, а уж потом – военному министру.

Граббе прикидывал, как будет писать свои репортажи и что в них важнее – правда или ловкий вымысел, приправленный сарказмом. Смешить начальство он все же не предполагал, но считал, что слегка приукрасить действительность никогда не помешает. Впрочем, Граббе был уверен, что подвиги его на новом поприще превзойдут самые изощренные вымыслы Раевского.

Местопробыванием начальника Черноморской линии была Керчь, но Граббе не стал заворачивать к своему подчиненному, с него было достаточно его фантазий. Миновал Ростов,

Павел Христофорович оказался в Екатеринодаре – центре Черноморского казачьего войска, которое было теперь подведомственно Граббе. Казаки прокричали новому начальнику «Любо!» и отправили с ним сотню почетного эскорта. Уже начинался настоящий Кавказ, и это было отнюдь не лишне.

Добравшись до Новороссийска, Граббе двинулся вдоль Черноморской береговой линии. Одни укрепления уже стояли, другие строились, третьи восстанавливались после нападений черкесов. Оттесненные в горы со своих насиженных мест, они держали Линию в постоянном напряжении, и дороги между крепостями были небезопасны. Лихорадка и прочие южные болезни косили гарнизоны, а неурожаи и голод в горах вынуждали горцев искать добычу в непрерывных набегах.

Форты и укрепления строились большей частью у бухт и в устьях рек. Раньше в них укрывались юркие турецкие фелюги, за которыми не поспевали русские корабли. Турки доставляли черкесам оружие, порох и привозили польских легионеров, желавших воевать против царских войск после поражений у себя на родине. Не брезговали контрабандисты и живым товаром, похищая славившихся своей красотой черкешенок и продавая их в гаремы турецких вельмож.

Блокаду рисковали прорывать и сами горцы на небольших лодках. Для борьбы с ними были пущены весельные баркасы с азовскими казаками, вооруженными небольшими пушками.

Содержание линии стоило больших денег и жертв, но Раевского это мало заботило. Его больше увлекали эксперименты по внедрению цивилизованных методов управления и поощрение торговли с черкесами как залога будущего умиротворения.

Вокруг все цвело и обильно плодоносило. Если бы не крепости и военные корабли, сновавшие вдоль берега, этот край можно было принять за рай земной. Война была здесь непрошеной гостьей.

Через Геленджик Граббе добрался до Адлера, где погиб в десанте обожаемый кавказскими офицерами Бестужев-Марлинский. Декабрист, сосланный на Кавказ драться, решил вдруг брататься с горцами, выводя их романтическими героями и поселив в обществе моду на все кавказское. Он возмечтал отличиться в десанте, чтобы быть представленным государю императору, посетившему тогда Кавказ. Популярный литератор и храбрый воин, Бестужев надеялся убедить Николая, поклонника своего таланта, кончить дело миром, но исчез в абхазских дебрях. Потом ходило много слухов, что он то ли ушел к Шамилю, то ли он сам и есть Шамиль, но никто Марлинского больше не видел.

Царь и сам желал конца этой войны, но Фезе не сумел ни взять Шамиля, ни договориться с ним. Шамиль после этого чрезвычайно возвысился, и война снова пошла своим чередом. Оставалось надеяться на новых кавказских начальников. Наполеона одолели, пора бы и с имамом справиться.

Граббе проехал Сухум, свернул в горы, к Кутаису, а там уже и до самого Тифлиса было рукой подать.

В столице Грузии располагалось управление Отдельного Кавказского корпуса. Его новым командиром, а вместе с тем главноуправляющим гражданской частью Кавказа был генерал-лейтенант Евгений Головин. Ему следовало представиться первым делом, так как он считался непосредственным начальником Граббе.

Тифлис встретил Граббе невыносимой жарой, которую тифлисцы будто и не замечали. Восточная живость и сладкая нега в тени узких улочек и резных деревянных балконов мирно сосуществовали в этом древнем городе. Раскинувшись на крутых склонах гор вдоль Куры, Тифлис являл собой изящное переплетение грузинской, армянской и персидской культур, которые затмевали собой островки особой жизни немецких колонистов и русских переселенцев. Христианские храмы, соборы и церкви соседствовали с мечетями и цитаделями разных эпох. Базар пленял умопомрачительными ароматами, изумлял щедрым разнообразием товаров, которые привозили сюда на осликах, мулах, лошадях, быках и верблюдах. Неутомимые водоносы таскали от реки тяжелые кувшины. Под особыми навесами, поджав ноги, сидели мирзы – писцы и нотариусы одновременно. Повсюду пекли лаваш и жарили шашлыки, а из всевозможных бурдюков, от бычьих до небольших козлиных, лилось нескончаемое вино.

Много раз сожженный и не единожды разоренный, Тифлис всякий раз возрождался в новом облики, но сохранял и свое прежнее лицо города изобилия, торговли и веселья.

С присоединением Грузии к России опустошительные набеги беспокойных соседей прекратились, а рядом со старым Тифлисом начал расти новый город с прямыми улицами и домами в европейском стиле. Здесь-то и находился построенный при Ермолове штаб Кавказской армии.

Головина в Тифлисе не оказалось. Дежурный штаб-офицер сообщил, что корпусной командир отбыл в тенистый Боржом отдохнуть от жары и попользоваться тамошними целебными водами.

Граббе поселили неподалеку, в новомодной гостинице. Вечером он был приглашен на ужин к начальнику штаба, где присутствовали также обер-квартирмейстер и другие штабные офицеры. Среди прочих Граббе представили молоденького корнета князя Виктора Васильчикова. Этот юноша благообразной наружности и с небольшими усиками только что окончил Пажеский корпус и явился на Кавказ за подвигами и славой. Места князь еще не получил, зато успел изучить самые темные закоулки Тифлиса.

На том же ужине Граббе познакомился с весьма приятным человеком – Тадж-Эддином Мустафиным, ученым эфенди из казанских татар, назначенным на Кавказ в роли посредника между властями и мусульманским населением. Эфенди со своим семейством уже два года жил в Тифлисе, получал в канцелярии Головина жалование и успел заслужить признательность местного начальства, проповедуя умиротворение и почтение к властям.

Мусульмане здесь были покладистые, большей частью – торговый люд, не меньше Головина желавший покоя и порядка. Недоразумения происходили в основном из-за незнания пришлыми мусульманами часто менявшихся порядков. Лучшие бурки, которые ценились и в жару, и в холод, выделывались в дагестанском селении Анди. На них всегда был спрос, но торговлю бурками из немирных гор то разрешали, то запрещали, конфискуя товар. Разоренные торговцы бросались к эфенди, и тот отправлялся ходатаем к начальству, обещая помочь единоверцам. Однако из этого редко что выходило.

О том, что творилось в недрах дагестанских гор, воспламененных Шамилем, Мустафин говорил весьма неопределенно, повторяя лишь, что от всей этой смуты проистекает много беспокойств. Было видно, что он многого не договаривает. Узнав, что Граббе направляется в Дагестан, эфенди тяжело вздохнул и посоветовал быть там поосторожнее.

В ожидании главного кавказского начальника Граббе взял Васильчикова в проводники и принялся осматривать местные достопримечательности. Среди прочих его особенно впечатлила могила Грибоедова в почти висящем над городом монастыре Святого Давида. Граббе полагал, что у него с Грибоедовым было много общего, особенно насчет «прикосновенности

к делу декабристов». Предупрежденный Ермоловым, поэт едва успел уничтожить компрометирующие бумаги и тоже легко отделался. Правда, судьба уготовила ему еще более ужасную участь – пасть жертвой разгневанной толпы в Тегеране, где Грибоедов отважно стоял на страже российских интересов.

Прах Грибоедова покоился в гроте с северной стороны храма. На пьедестале из черного камня стоял крест, к которому припадала безутешная бронзовая женщина. Эпитафию под портретом поэта дополняла краткая надпись: «Незабвенному его Нина». Но монастырь был более известен ручьем, проистекавшим из его основания. Считалось, что вода его помогает зачинать бесплодным женщинам.

После российских прохлад Тифлис казался Граббе невозможным пеклом, и затянувшееся ожидание выводило его из себя. Днем он спасался в садах, где под музыку и песни отдыхали тифлисцы всех сословий. А вечером посещал старые персидские бани на майдане, которые знал по описаниям Пушкина, но которые на деле оказались куда интереснее. Особенно его впечатлил старый персиянин, который его усердно мыл, тер подушками с пеной миндального мыла и окатывал серными водами. Граббе казалось, что он от этого молодеет. Он был не против скинуть несколько лет, особенно последних, которые состарили его в вынужденном бездействии.

Наконец, прибыл фельдъегерь с письмом от Головина. Корпусной командир поздравлял Граббе с назначением, извинялся, что обстоятельства не позволяют ему лично засвидетельствовать генералу свое почтение, и предписывал безотлагательно отправляться в назначенное ему место службы. Вместе с тем Головин сообщил, что утверждение на Черноморском побережье считает делом куда более важным, чем «внутренние» дагестанские неурядицы, но до представления императору плана окончательного покорения горцев велел Граббе составить свой проект.

Граббе невысоко ставил воинские таланты Головина, не желал признавать себя его подчиненным, а свой проект намерен был направить сразу в Петербург, лишь уведомив об этом Головина. Да и как можно было полагать, что Дагестан – дело второстепенное? Как хорошо натасканная гончая, Граббе чуял, что не будет покоя на всем Кавказе, пока Шамиль правит в своих горах. В душе Граббе соглашался с Ермоловым, считавшим, что Головин – столько же военный человек, сколько он, Ермолов, митрополит.

Понравившегося ему своей расторопностью и учтивостью князя Васильчикова Граббе решил взять себе в адъютанты. Корнет несказанно обрадовался, помчался к начальнику штаба и в тот же день получил его соизволение.

Глава 16

Ехать дальше нужно было по Военно-Грузинской дороге. Казаков с их пиками сменила дружина грузинской милиции, состоявшая из вооруженных до зубов отпрысков знатных семейств.

Дорога, проложенная русскими войсками через Главный Кавказский хребет, была дорогой только по названию. Впрочем, для милиционеров она была достаточно просторна, чего нельзя было сказать о карете Граббе. Пока они ехали долиной реки Арагвы, дорога еще была терпимой, но когда ее серпантинны начали подниматься к возвышавшемуся над остальными горами Казбеку, все изменилось. Нырря в туманы и скользя по утренним гололедицам, дорога становилась все более опасной. Граббе не раз приходилось выходить из кареты и пересаживаться на коня, чтобы не подвергать себя смертельному риску.

Преодолевая слякоть и расчищая путь от обвалов, кавалькада добралась до Рокского перевала. Путь вниз, к ущельям Терека, был не менее труден. Однако грандиозная панорама Дарьяльской теснины, этих «Ворот Кавказа», непрерывно сменяющиеся живописные виды и веселый нрав грузинских милиционеров, распевавших песни на все голоса, придавали путешествию некоторое очарование. Повсюду на скалистых уступах были видны башни, иногда заключавшие в себе целые аулы. Их грозный вид напоминал о том, что здесь начинается другая страна, полная настоящих опасностей и не прощающая слабости.

Начальник милиционеров пичкал Граббе местными преданиями, толковал про амазонок, показывал гору, к которой якобы был прикован Прометей, называя ее то Эльбрусом, то Ялбузом. Ко всякой легенде он добавлял свое умозаключение, сводившееся к тому, что горцы уважают только силу, а церемониться с абреками – пустое дело.

Показал он и башню Тамары, стоящую на величественном утесе. Чтобы получше ее рассмотреть, Граббе достал свою подзорную трубу, но ничего особенного не увидел. Зато у подножья утеса, под легендарной башней, Граббе разглядел вполне действующую Дарьяльскую крепость с зубцами по стенам, дозорными на башнях и часовыми у ворот.

Граббе чувствовал себя Ганнибалом, явившимся с боевыми слонами в Италию, перейдя Альпы. Теперь все это принадлежало ему. Он был тут главным начальником и мог все. Разве что не мог приказать горам снять снежные папахи и поклониться генерал-лейтенанту Граббе. Но они все равно ему нравились, они его вдохновляли, не то что та ужасная гора, которая являлась ему в беспокойных снах.

Первую большую остановку они сделали в крепости Владикавказ. Но с виду это было уютное поселение с черепичными крышами домов, окруженных аккуратными садами, и мощеными речным гольшом улицами, вдоль которых стояли пирамидальные тополя. Построенный еще Потемкиным как форпост Военно-Грузинской дороги, Владикавказ обрел важное значение при Ермолове, но теперь снова обратился в провинцию с некоторыми учреждениями, разнообразным населением и хорошей торговлей.

Немного передохнув, Граббе отправился дальше, в Ставрополь, где располагалось управление командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории.

Ставрополь разительно отличался от Владикавказа своей неустроенностью. Прошедший недавно дождь превратил улицы в слякотные реки, миновать которые способны были лишь всадники. Однако непролазная грязь не мешала щеголеватым «фазанам» – волонтерам и авантюристам – вовремя явиться в штаб в надежде получить выгодное место.

Искатели наград и чинов поспешили в Ставрополь, как только на Водах узнали о назначении на линию нового командующего. В ожидании Граббе они обхаживали начальника штаба Траскина. Тот давно уже явился в Ставрополь, где принялся наводить свои порядки. Его непомерная тучность никого не смущала, напротив, она вселяла надежду. Такой большой во всех смыслах человек должен был иметь большие потребности. А удовлетворить их могли благодарные протеже. Кому место, кому награду, кому подряд – глядишь, и капиталец сам собой образуется.

С непонятливыми чиновниками Траскин не миндальничал. У него был особый нюх на вороватых интендантов, за которыми он быстро обнаружил ворох злоупотреблений. Траскин пригрозил найти и более серьезные беззакония, но интенданты вовремя сообразили, с кем имеют дело, и тут же исправились в прибыльном для Траскина смысле.

Обер-квартирмейстер и дежурный штаб– офицер показались Траскину людьми исполнительными и остались при своих должностях. Неудобные исчезали – кто за штат, кто на лечение, а кто и сам просился в отставку.

Ставрополь заметно ожил и повеселел. Теперь каждый вечер закатывались невиданные пиры с музыкой и цыганами в честь их высокоблагородия начальника штаба полковника Траскина. Некоторые специально являлись посмотреть, сколько может выпить и съесть эта живая гора. За столом Траскин мог переплюнуть пятерых, а там, где пахло деньгами, ему и вовсе не было равных. Перечить ему никто не решался, зная, что покровительствует Траскину сам военный министр Чернышев. Нашлись и игривые красавицы, сумевшие утешить несчастного вдовца. Такая война с горцами Траскину была по душе. Однако скорое появление Граббе нарушило его благоденствие.

У въезда в город карета Граббе увязла в грязи, но ее быстро вытащили местные казаки, выехавшие встречать командующего во главе со своим атаманом. Затем, желая поздравить Граббе с прибытием, казаки гарцевали на лошадях, палили в воздух и носились по городку со смоляными факелами.

Граббе взялся за дела рьяно.

Для начала перетряхнул состав штаба, сообщил Траскину, что адъютант у него уже есть, вот он, князь Васильчиков, прошу любить и жаловать. А прикомандированный Милютин должен вскорости явиться. У Траскина были свои кандидаты, но им пришлось подыскать другие места. В хозяйственные дела Граббе решил не вдаваться, и Траскин расценил это как заклю-

чение негласного договора о разделе вотчин. В своем распоряжении Граббе оставил лишь некоторые финансовые статьи, включая экстраординарные суммы на содержание лазутчиков, организацию секретных диверсий, на подкуп и награды за ценные сведения. Но в случае необходимости ими мог распорядиться и Траскин как начальник штаба.

Затем Граббе сделал выговор атаману за то, что его казаки слишком вольно себя ведут. Атаман не вполне понял претензии педантичного генерала, но для отвода глаз пообещал перепороть виновных нагайками.

На следующий день прибыл и Милютин – энергичный поручик с серыми, всегда удивленными глазами и пышными бакенбардами. Милютина сопровождало несколько больших чемоданов – багаж не свойственный молодым офицерам. Кроме книг и походных принадлежностей, при нем был целый набор инструментов для составления карт.

После беглого ознакомления со штабными делами Граббе велел Траскину озаботиться надлежащим обеспечением войск и глубже вникнуть в дела управления краем, а сам в компании с молодыми офицерами, с охраной из казаков двинулся в путь по Моздокской линии через Георгиевск.

Граббе направлялся в Дагестан, на главный театр военных действий. План компании против Шамиля у него уже созрел и был гениально прост: «Разбить и разогнать все скопища, а Шамиля пленить». Но чтобы представить проект на высочайшее благоусмотрение, необходима была пышная рама, как для живописного полотна. На самом полотне следовало явить знание предмета и связать его с положением вещей в Дагестане, показать распорядительность по части передислокации застоявшихся войск, продемонстрировать строгость к местным владельцам, не умеющим управлять народом, и суровость к нерадивым чиновникам. Словом, напустить дыму и фейерверков, а внизу, на табличке, чтобы огнем горело: «Граббе».

В карете он чувствовал себя неуютно. Насчет Васильчикова Граббе был спокоен, но этот Милютин из Генерального штаба казался ему тенью Чернышева. Однако молодой гвардейский поручик вел себя весьма учтиво и на вопросы отвечал прямо. Оказалось, что Милютин, как когда-то и сам Граббе, начинал службу в артиллерии. Происходил Милютин из знатного дворянского рода, окончил Благородный пансион Московского университета и на военную службу определился по своему желанию. Но его больше увлекали науки, почему он и поступил в Императорскую Военную академию. Несмотря на свои молодые годы, а Милютину исполнилось лишь двадцать два года, он уже публиковал статьи по военной истории и увлекался картографией, успев составить и издать «Руководство к съемке планов». Это и послужило поводом к тому, что Милютина причислили к Генеральному штабу. Граббе окончательно успокоился, лишь узнав, что Милютина прикомандировали к нему в надежде, что успехи его в науке дадут замечательные плоды, укоренившись в военной практике.

По части теории Милютин был молодец. Если Васильчиков в тонкостях узнал грузинские нравы и тайны Тифлиса, то Милютин имел множество энциклопедических сведений насчет здешнего Кавказа. И они регулярно находили подтверждение. К примеру, он сообщил, что в Моздоке построен первый в России нефтяной завод. И он действительно там оказался и среди прочего делал керосин.

После Моздока они ехали вдоль Терека. На левой стороне реки стояли казачьи станицы с белеными хатами, с расписными ставнями, двойными плетнями в виде бастионов и сторожевыми вышками. Между станицами устроены были посты, над которыми торчали сигнальные шесты со смоляными бочонками, которые поджигались в случае тревоги. Еще чаще встречались пикеты с часовыми, и вдоль всей этой цепи курсировали казачьи разъезды.

На другом берегу, на фоне недалеких Черных гор, виднелись аулы горцев. Они имели куда более суровый вид и грозно поглядывали на бывшие свои земли.

И те, и другие утопали в садах, на изобильных покосах стояли стога сена, в сочных высоких травах паслись тучные стада. И тем, и другим щедро светило солнце.

Вскоре свернули к крепости Грозной, стоявшей у излучины реки Сунжи и сторожившей выход на равнину из Ханкальского ущелья.

Для военного теоретика эта крепость представляла особый интерес. Ермолов основал ее в 1818 году, оттеснив чеченцев со среднего течения Терека за Сунжу.

Но Граббе торопился, и в крепости остановился, только чтобы перекусить. Однако дело этим не кончилось. Граббе усмотрел в гарнизоне неурядки, распек солдат за дурную выправку, за незастегнутые пуговицы, за неумение ходить строевым шагом по всей форме и полный хаос в вооружении, среди которого было много кавказского. Нагнал на командиров страху и велел посадить провинившихся на гауптвахту.

Пока Граббе наводил в крепости надлежащий порядок, Милютин с Васильчиковым отправились изучать ее устройство. Все здесь было для них ново, и они жадно впитывали реалии Кавказской войны.

Крепость представляла собой правильный шестиугольник, из концов которого выдавались бастионы, очень похожие на бастионы Петропавловской крепости в Петербурге. Размеры крепостей не шли ни в какое сравнение, зато военное значение Грозной теперь было едва ли не большим, чем Петропавловской.

На бастионах стояли крепостные пушки. А на правую сторону Сунжи был перекинут мост, защищенный орудийным редутом.

В самой крепости располагались дома для офицеров, отдельный дом коменданта, казармы, лазарет, кухня и прочие здания, включая помещение для пленных и аманатов-заложников. К крепости примыкал подземный пороховой погреб, а недалеко от моста располагался инженерный двор. Но оказалось, что, несмотря на свой устрашающий вид, крепость не раз подвергалась нападениям.

Милютин уже начал добираться до подробностей, когда Граббе велел собираться в дорогу. Его больше интересовала другая крепость, располагавшаяся в пятидесяти верстах восточнее этой, в Дагестане.

Глава 17

Ставропольских казаков сменили терские. С виду это были чистые горцы, если бы не вихры, торчавшие из-под папах.

Миром здесь давно не пахло, но близкое соседство все равно давало о себе знать, и куначество между горцами и казаками были привычным делом.

Но еще больше Граббе удивляло другое: если в России крестьяне кланялись ему чуть ли не до земли, то тут никто не думал даже шапку снять перед барином, а господином величали только из вынужденной вежливости. Впрочем, баре сюда никогда и не заглядывали, в этих вольных местах им бы пришлось несладко.

Через несколько часов пути они оказались в Дагестане. Граббе спешил в крепость Внезапную, где предполагал устроить главную базу своих будущих походов.

Желая поскорее проникнуться кавказским духом, Милютин с Васильчиковым ехали верхом. Веселый урядник, унтер-офицер казачьих войск, охотно рассказывал им о местных обычаях, между делом упоминая о страшных историях, которые якобы случались тут на каждом шагу.

– А вот давеча сунулись чечены в ночное, коней наших уводить, а казаки в секрете поджидали.

– И как же вышло? – с замиранием сердца спрашивал Васильчиков.

– Да так и вышло, – говорил урядник.

– Баш на баш.

– То есть как это? – не понимал Милютин.

– Мы – ихнего, они – нашего.

– Насмерть? – округлил глаза Васильчиков.

– А то как же. Мы им не спускаем, – сказал урядник.

– А кони? – спросил Милютин.

– А что кони? Кони свое место знают. Сами вернулись.

– Откуда вернулись? – допытывался Васильчиков.

– Из-за реки. Один уводил, а другой отстреливался. А как подмога в другом месте реку перешла, так этот коней и бросил, чтобы товарища унести, раненого.

– Так он ранен был только?

– Царапнуло малость.

– А казак что же – убит?

– Его разве убьешь? Тот еще кабан. Кинжалом только полоснули, – разъяснил урядник.

– А вот когда мы за их баранами полезли, тут другое было...

– Что же? – спрашивал Васильчиков.

– Резня.

– М-да, – протянул Васильчиков, начиная жалеть, что покинул тихий Тифлис. Пил бы теперь кахетинское после персидской бани да шашлыками лакомился.

– И кто кого? – спросил Милютин.

– Чечены двоих зарезали, – сказал урядник и, насладившись произведенным эффектом, продолжил: – Баранов!

– Как – баранов? – не понимал Васильчиков.

– А очень просто. Кунаки оказались.

– Так это вы шутить изволите? – негодовал Васильчиков.

– Война – дело нешуточное, – сказал урядник.

– Веселись, пока жив.

Затем вдруг стегнул нагайкой свою лошадь и бросился вперед.

– Митрий! – кричал урядник молодому казаку, который остановился и встал на седло, чтобы сорвать яблоко с нависшего над дорогой дерева.

– Зелены ишо! Давай ходу!

Встречать Граббе выехал полковник Пулло, управляющий Сунженской линией, и командир Куринского егерского полка. Сын командира Керченского адмиралтейства, Александр Павлович Пулло был завзятым служакой. Выше всего он ставил волю начальства, которую умел ловко применить к своим личным интересам. Чаяния местного населения были для него пустым звуком, что и возбуждало кругом ропот. Но Пулло полагался только на силу, убеждал начальство, что горцев следует держать в постоянном страхе, и регулярно отправлялся в экспедиции, когда был уверен, что не встретит сильного сопротивления, а добыча сулит оказаться немалой.

Ко всему этому теперь прибавилась жажда отомстить за то, что в приезд императора народные представители, вместо принесения безусловной покорности, посмели представить императору истинное положение вещей и пожаловаться на безобразия и лихоимства, творящиеся на линии.

Граббе внимал Пулло благосклонно, видя в нем средство обезопасить себя от восстаний в тылу, когда генерал примется за самого Шамиля. Пулло совершенно его заверил в водворении на Линии строгого порядка и полного повиновения. Наиба Шамиля Ташава-хаджи, не дававшего Пулло покоя, он представил заядлым бунтовщиком, которого он, Пулло, загнал в глухие леса. О том, что наиб сам не раз прогонял Пулло за Терек и в народе весьма уважаем, полковник предпочел не упоминать.

Крепость Внезапная была расположена у реки Акташ, чуть выше древнего кумыкского села Эндирей. Форма крепости была не столь правильная, как у Грозной, зато вполне соответствовала местности. Ермолов заложил Внезапную как стратегический пункт у подножья дагестанских гор, с одной стороны, и для контроля над приморскими равнинами – с другой.

Соседство крепости с большим аулом, где мало что делалось без разрешения наиба Шамиля Ташава, имело, тем не менее, и свои преимущества. Отсюда шли наезженные дороги в разные концы края, собирались большие базары и хватало простора для учебных маневров. Войска и обозы, присылаемые на Кавказ из России, имели тут отдых и перевалочные пункты. Здесь же перед большими походами собирались туземные милиции.

По некоторой отдаленности от самих гор нападения мюридов были редки, хотя и чувствительны. Имам Гази-Магомед едва не взял Внезапную после правильной осады, отбивая вылазки и подбираясь шанцами к самим стенам. Гарнизон спас подоспевший генерал Эммануэль, которого имам разбил затем в Ауховских лесах.

Во Внезапной, приняв надлежащие доклады и отобедав, Граббе вышел прогуляться. Гарнизон стоял в торжественном построении, ожидая смотра.

У Пулло был замечен порядок. И, хотя роты напоминали дикие ватаги, ружейные приемы исполнялись хорошо. Упражнения в стрельбе Граббе тоже одобрил, увидев, как мишень превратилась в решето после первых же залпов.

В дальнем углу, в скрытом от глаз сарае, Милютин и Васильчиков обнаружили местных жителей, закованных в кандалы. Они мрачно поглядывали на молодых офицеров, без слов объясняя, что с ними будет, встретить они их на горной дороге.

– Кто такие? – уставился на горцев Граббе.

– Абреки, ваше превосходительство, – объяснил Пулло.

– Подстрекатели. От Шамиля засланы.

– Сидят мирно? – спросил Граббе часовых.

– Никак нет, вашество! – взяли под козырьки часовые.

– Буянят! Начальство требуют!

– Ну, я начальство, – улыбнулся горцам Граббе.

– Что имеете заявить?

Горцы переглянулись и начали говорить:

– Я на базар ходил, зачем взяли?

– Мы – мирные.

– Знаю я вас, чертей! – усмеялся Пулло.

– Разбойники да конокрады!

– Зачем врешь? – говорили горцы.

– Но-но, – прикрикнул на горца Пулло.

– Поговори у меня!

– Баранов тоже отняли, – сообщали горцы.

Граббе оглянулся на Пулло.

– Конфисковали, ваше превосходительство, – развел руками Пулло.

– Другой раз поостерегутся бунтовать!

– Мы не мюриды, – уверяли горцы.

– Чем докажешь? – не верил Пулло.

– Если бы мюрид, вы бы меня не взяли, – осклабился горец.

– Мюриды в плен не ходят.

Граббе хмыкнул, резко развернулся и двинулся дальше, бросив через плечо:

– В каторгу негодяев.

– А как же суд? – не понимал Милютин.

– По закону надлежит сначала судить.

– Судить? – удивился Пулло.

– Этких-то башибузуков?

– Но когда вина еще не доказана, – поддержал приятеля Васильчиков, – разве можно наказывать?

– Господа хорошие, – снова развел руками Пулло с совершенно невинным видом.

– Убивать, значит, можно, а наказывать нельзя?

– И убивать без приговора не положено, – стоял на своем Милютин.

– Так на войне каждый день убивают, – напомнил Пулло.

– Без всяких резолюций. Не то, пока будете разбирать правых и виноватых, сами голов лишитесь.

Оставив офицеров недоумевать, Пулло поспешил за Граббе.

– Неугомонный народ, ваше благородие, – объяснял часовой.

– Толкуешь им: не спорь с начальством, а они опять за свое. Не признают новых порядков, бестии, хоть на кол сажай.

Милютин и Васильчиков были подавлены увиденным. Но Граббе, напротив, Внезапная пришлась по душе. Пулло свое дело знал.

– Вы насчет беглых солдат говорили, – напомнил Граббе.

– Много ли таковых дезертиров?

– Раньше мало было, – отводил глаза Пулло.

– От долгов бежали, от расправ да муштры. Сапоги пропъет, вахлак этакий, и поминай как звали. А как стал Шамиль власть забирать, так не поймешь, с чего и бегут, особенно поляки.

– Известные смутьяны, – поморщился Граббе.

– Совершенно справедливо, – заметил Пулло.

– И чего их на Кавказ шлют? Слали бы в Сибирь остудиться.

Граббе хотел было высказать свое особое мнение насчет Чернышева и его военного управления, но сдержался.

– Кого куда посылать – на то есть Военное министерство, – поднял палец Граббе.

- А наше дело службу нести.
- Рады стараться, – кивал Пулло.
- Не щадя живота своего...
- Беглыхто ловите? – с надеждой в голосе спросил Граббе.
- Как поймаем – так расстрел по новому положению, чтобы неповадно было.
- А которые в плену у горцев, с ними как?
- Выкупаем, если солдат хороший, – объяснял Пулло.
- Или на соль меняем.
- По крайности – на ихних же пленных или аманатов.
- Тех, что на цепи сидят?
- На них, разбойников. Вы бы, ваше превосходительство, распорядились, чтобы не всех в Сибирь. Они и тут пригодятся, для вымена.
- Там видно будет, – ответил Граббе, задумчиво покручивая ус.
- Да, вот еще что. Известите здешних владельцев, чтобы явились ко мне для совещания.
- Сюда вызвать мошенников? – спросил Пулло.
- Ханов, – строго поправил его Граббе.
- Пусть явятся в Шуру, я намерен отправиться туда в ближайшее время.
- Будет исполнено, – кивнул Пулло.
- Да уж извольте распорядиться, – велел Граббе.

Глава 18

Первой на Ахульго перебралась семья Шамиля. Тем самым имам дал всем понять, что обосновался здесь надолго. Следом потянулись семьи наибов и многих мюридов.

Поначалу всем было неуютно в ауле, задуманном как орудие войны. Люди привыкли к другим аулам, где хоть и учитывалась необходимость отражать неприятелей, но все же солнечный свет и радость жизни были весомее. Потому и строились аулы на склонах, обращенных к солнцу. Однако, попривыкнув на Ахульго, люди ощутили спокойствие, которого давно не чувствовали в своих аулах.

Жить в подземных катакомбах было непросто. Ночью бывало прохладно, зато днем не мучила жара. Освещались помещения бронзовыми масляными светильниками. Чтобы в жилища проникал дневной свет, Сурхай устроил специальные отверстия, которые можно было в случае необходимости закладывать камнями. Через них же поступал и свежий воздух. Для вделанных в стены очагов, которыми обогревали дома и в которых готовили еду, были устроены отдельные трубы.

Для скота были отведены загоны на краю горы, так, что со стороны Ашильты их не было видно.

Детям на новом месте нравилось. Они весело носились по подземным лабиринтам, играли с друзьями в прятки, ходили в гости и в школу при мечети, куда тоже можно было попасть подземными ходами. Взрослые предпочитали чаще бывать на поверхности, тем более что дел еще было много.

Временная резиденция Шамиля находилась в мечети – самом большом помещении на Ахульго и единственном, которое не было полностью под землей. И с его невысокого минарета уже пели муэдзины, призывая правоверных на молитвы.

Дом Шамиля был немногим больше тех, что предназначались для других семей, но привычная ко всему Патимат старалась создать уют и в этом жилище. На полу и стенах красовались ковры, а на полках в несколько рядов помещались всевозможная посуда, медные луженые кувшины, чеканные подносы, здесь же на стене висел учалтан – разукрашенный поставец для деревянных ложек, вилок и соли. У стены стоял большой деревянный ларь – цагур, покрытый

нехитрой резьбой. Его Патимат привезла с собой из Чиркаты. В нескольких его отделениях хранились мука, кукуруза, бобы, орехи, сушеная курага и прочие запасы. Под потолком висели курдюки, сушеная баранина, вяленая колбаса. В специальной нише, в противоположной от очага стене, за деревянной дверцей, стояли глиняные кувшины с сыром, маслом и медом.

У жен были и свои отдельные помещения, которые трудно было назвать комнатами, потому что в них не было окон. Зато в каждой был сундук, в котором хранилась одежда, а сверху громоздились сложенные ковры, одеяла и подушки. А на стенах висело по зеркалу.

Они обустроивались здесь уже вторую неделю, но Патимат почти все приходилось делать самой. Джавгарат должна была вот-вот родить. Поначалу хотели перенести переезд, но обстоятельства звали Шамиля в очередной поход, и Джавгарат решила ехать, чтобы ждать возвращения мужа уже на новом месте. Ее везли на арбе, пока позволяла дорога, затем пересадили на ослика, а на само Ахульго она уже взбиралась сама, поддерживаемая Патимат.

Когда они взошли на вершину горы, ее ребенок, который прежде вел себя тихо, вдруг заколотил ножками, будто чувствовал что-то недоброе. Джавгарат мысленно успокаивала его, уговаривала, называла ласковыми именами, но ребенок противился этому месту, пока не затих от усталости.

– Вот, поешь, – сказала Патимат, держа перед лежащей Джавгарат тарелку с блюдом для рожениц. Это была каша из разваренной муки, политая медом и маслом.

– Что-то не хочется, – отказывалась Джавгарат.

– Тебе не хочется, а ребенку надо, – настаивала Патимат.

Джавгарат через силу съела несколько ложек.

– А это больно? – спросила Джавгарат, проводя рукой по своему животу.

– Лучше подумай о том, как обрадуется Шамиль, когда ты родишь ему сына.

– А если будет дочь? – улыбнулась Джавгарат.

– Будет сестра для братьев, – сказала Патимат.

– Я хочу сына, – сказала Джавгарат.

– Если у всех будут одни сыновья, где мы возьмем им невест? – улыбалась Патимат.

– Мне кажется, это – сын, – прислушивалась к своему ребенку Джавгарат.

– Так сильно шевелится.

Патимат погладила встревоженную Джавгарат по голове и сказала:

– Аллах лучше знает. А твое дело – не переживать понапрасну. Главное, чтобы младенец родился здоровым. Береги силы, сестра.

Патимат заботилась о Джавгарат так, как не заботились о ней самой, когда ждала первого ребенка. Но в душе ей было немного грустно. Она чувствовала, что родится мальчик, знала, как будет рад Шамиль, хотя и постарается не показывать своего счастья. И понимала, что теперь главной в доме станет Джавгарат, хотя и не надолго, но по праву матери, родившей сына Шамилю.

– Иди, – сказала ей Джавгарат.

– Мне ничего не надо. Мне хорошо.

– Так и быть, схожу посмотрю, где мои сорванцы, – заторопилась Патимат.

– Тут кругом пропасти, а дети такие непоседливые.

Джавгарат осталась одна. Она смотрела в мрачный каменный потолок, на котором остались следы от кирки, и плакала. Она так хотела родить сына. И ей было так обидно, что родится он не в светлом доме, окруженном цветущим садом, как в родных Гимрах, а в подземелье, больше похожем на могилу, чем на дом.

Навещавшие ее женщины говорили, что ребенок должен был родиться несколько дней назад, еще до возвращения Шамиля. Но младенец как будто не хотел появляться на свет.

Шамилю об этом не говорили, но он знал, что ребенок вот-вот родится. В ожидании приятного известия он обходил Новое Ахульго, проверяя, как идут дела. Затем по бревенчатому мосту перешел на Старое Ахульго, где Сурхай тоже развернул большое строительство.

Каждый день приходили мастера и простые горцы, присланные наибами в помощь Сурхаю. И каждый день на Ахульго перебирались семьи ашильтинцев, приходили люди из других аулов и даже из мест, над которыми Шамиль не имел власти.

Они оставили свои дома и многие земные блага ради общего дела, из искреннего желания оставаться свободными и бороться за независимость всех остальных. Глядя на этих людей, Шамиль вспоминал те аулы, в которых недавно побывал. Люди там были разные. Одни звали его, чтобы избавиться от владычества ханов, другие желали влиться в Имамат, третьи признавали его власть, но не хотели признавать его законы. Иногда Шамилю казалось, что легче воевать с отступниками, чем приучать к порядку тех, кто и так был на его стороне. Еще много было в горах своевольных людей, которым законы шариата казались слишком обременительными.

– Имам, – окликнул его Юнус, сопровождавший Шамиля вместе с Султанбеком.

– Посмотри туда.

Шамиль взгляделся в ту сторону, куда указывал Юнус, и увидел, что к Ахульго приближается отряд горцев, сопровождаемый отарой овец.

– Судя по одежде, они с юга, – сказал Султанбек.

– Да это же Ага-бек! – обрадовался Шамиль.

– Ага-бек Рутульский! Отважный воин и умный человек!

Ага-бек был народным вождем Южного Дагестана. Его отряды не давали покоя царским властям от Дербента до реки Самур и даже дальше, за Кавказским хребтом, в Кубинском и Шекинском ханствах. В погоне за ним войска бросались то в одну сторону, то в другую, но Ага-бек отражал нападения и успевал поднять восстание в других местах. Волнения вспыхивали одно за другим, то в Табасаране, то в Кайтаге, то под самим Дербентом. Постоянное рассредоточение войск не давало Розену, а теперь и Головину собрать силы для решительного удара по Шамилю. Отряды Ага-бека все более усиливались, и он направлял их действия из своей ставки в Ахтах.

Шамиль вскочил на коня и выехал навстречу своему старому другу, с которым они познакомились, когда еще были учениками-муталимами. Завидев имама, соратники Ага-бека принялись гарцевать на конях. Тепло поздоровавшись с другом, Шамиль повел Ага-бека на Ахульго.

– Мне бы такую крепость, – восхищался Ага-бек, вникая в инженерные замыслы Сурхая.

– А мне бы твои густые леса, – улыбался Шамиль, польщенный тем, что гостю нравилась столица Имамата.

Они вошли в мечеть, совершили общую молитву, а затем расположились в углу на подушках.

– Я получил твое письмо, имам, – сказал Ага-бек.

– Но сразу приехать не смог. Зато поручение твое выполнил. У тебя теперь тысячи сторонников, которые передают тебе салам и молятся за твое благополучие.

– Я знал, что ты придешь, как только сможешь, – кивнул Шамиль.

– Удивляюсь, как тебе удалось пройти пол Дагестана вместе с отарой.

– Овец я приобрел по дороге, – сказал Ага-бек.

– Не все аулы, через которые мы проходили, любят твой шариат.

– Это верно, – согласился Шамиль.

– У нас тоже таких хватает.

– Вот я и решил их проучить, – усмехнулся Ага-бек.

– Не сами, так пусть хотя бы их бараны послужат святому делу.

– Ты отнял у них отару? – удивился Шамиль.

- Ну, я же не разбойник, – покачал головой Ага-бек.
 - Мы посчитали их стада и отделили положенный по шариату налог на общие нужды. Царским властям они отдадут во много раз больше.
 - Да будет тобой доволен Аллах, как я тобой доволен, – сказал Шамиль.
 - Будешь доволен ты, будет доволен и Аллах, – сказал Ага-бек.
 - Чистые люди почитают тебя как пророка, да благословит его Аллах и приветствует.
 - Не говори так, – покачал головой Шамиль.
 - Пророк у нас один, а мы лишь стараемся идти по его пути.
 - Вот что, Шамиль, – сказал Ага-бек.
 - Мы с тобой старые друзья, и дело у нас общее. Но теперь наступают времена, когда нельзя, чтобы каждый вел свою войну.
 - Затем я тебя и позвал, – согласился Шамиль.
 - Если мы не сплотимся, мы будем побеждены.
 - Царские войска усиливаются, – говорил Ага-бек.
 - А чтобы поднять на борьбу больше людей, нужно, чтобы они шли за мной, как за тобой.
- Думаю, ты меня понимаешь.
- Брат мой, – сказал Шамиль.
 - Если ты согласишься принять на себя звание наиба, ты окажешь мне честь и как имаму, и как твоему другу.
 - Благодарю, Шамиль, – кивнул гость.
 - Наиб Ага-бек не уронит своего звания.
- В дверях мечети появился Юнус.
- Извините, что прерываю вашу беседу.
 - Говори, – разрешил Шамиль, знавший, что Юнус не стал бы понапрасну их тревожить.
 - Прибыл посланец от Ташава-хаджи. У него важные новости.
 - Я пойду полюбуюсь на твою крепость, – поднялся Ага-бек, желая оставить Шамиля наедине с новым гостем.
 - Останься, – удержал его Шамиль.
 - От тебя у меня секретов нет.
 - Затем сказал Юнусу: – Пусть войдет.
- Посланцем Ташава оказался юноша, который ездил по аулам как странствующий дервиш. В кувшине для омовения, который он возил с собой, было двойное дно. Оттуда он и достал письмо наиба.
- Ташав сообщал, что в крепость у Эндирея прибыл большой начальник, генерал, который заменил умершего Вельяминова, того самого, который обстреливал из пушек башню в Гимрах, когда погиб первый имам. Что этот новый, которого зовут Граббе, наводит свои порядки, и вызвал в Шуру местных князей для важного совещания.
- Отпустив посланца, Шамиль сказал:
- Я знал, что они снова пойдут на нас.
 - А я слышал, что ты заключил с ними мир, – сказал Ага-бек.
 - Заключил, когда генералу Фезе некуда было деваться, – горько усмехнулся Шамиль.
 - И он первый его нарушит, если почувствует свою силу.
 - Посмотрим, – сказал Ага-бек.
- Вдруг неподалеку раздались выстрелы. Сначала один, а затем целая канонада.
- Что это? – удивился Ага-бек, хватаясь за кинжал.
 - Не беспокойся, – улыбнулся Шамиль.
 - Думаю, это хорошая стрельба.
- В дверях появился сияющий Юнус.
- Поздравляю, имам! У тебя родился еще один наследник!

- Спасибо, Юнус, – ответил имам, снимая со стены свой пистолет и вручая его мюриду.
- Это тебе за радостную весть.

Когда Шамиль и Ага-бек вышли из мечети, к дому Шамиля уже спешили женщины. Завидев имама, они бросали на ходу:

- Пусть сын твой будет счастлив!
- Да порадует он отца!
- Пусть жизнь его будет долгой!

У дома Шамиля уже собрались мюриды и остальные жители Ахульго, и все поздравляли имама и пожимали ему руку по горскому обычаю.

В доме Шамиля собрались его родственницы. Одни готовили еду, а другие наряжали детскую кроватку. Это была деревянная колыбель с полукруглыми ножками, на которых она раскачивалась. Таким же округлым был и верх колыбели с продольной перекладиной. Колыбели передавались по наследству. В этой качала своих детей жена Шамиля Патимат, и могло оказаться, что и сам Шамиль когда-то лежал в ней младенцем.

Когда вошли Шамиль и Ага-бек, женщины встали, приветствуя мужчин, а из комнаты Джавгарат вышла старшая сестра Шамиля Патимат с плачущим младенцем на руках. Шамиль осторожно пожал крошечную руку сына. Младенец посмотрел на Шамиля и затих.

- На отца похож, – сказала Патимат.
- Похож? – улыбался Шамиль, теребя свою бороду.
- Когда родился, ты был точно таким.
- Пусть сын будет таким же сильным и благочестивым, как его отец, – сказал Ага-бек, снимая свой дорогой кинжал и кладя его на руки Патимат рядом с младенцем.

- Пусть будет лучше меня, – сказал Шамиль.
- Как себя чувствует его мать?
- Помучилась немного, – опустила глаза Патимат.
- Устала бедняжка, но теперь все хорошо.
- Присмотрите за ней, – попросил Шамиль и улыбнулся своему сыну, который не отрывал от отца своих серо-голубых глаз.

Когда они вернулись наверх, неподалеку уже резали жертвенных баранов.

– Это от меня! – помахал окровавленным ножом ашильтинский чабан Курбан.

– Даст Аллах, скоро и у моего сына появится наследник!

– Дай Аллах, дай Аллах, – кивал Шамиль.

– Когда у тебя родится внук, бараны будут мои.

Шамиль немного успокоился. Мир теперь казался ему прекрасным, как эти горы, окружающие Ахульго. И трудно было представить, что есть на свете что-то, что могло бы нарушить эту чудесную гармонию мироздания.

Вдруг раздался взрыв, от которого слегка задрожала земля. Это Сурхай на Старом Ахульго строил для людей подземные убежища. Осколки развороченной горы собирали, чтобы строить из них укрепления и завалы.

Со стороны Ашилты поднимались ослы, которые волоком тащили по паре бревен. Эти были бревна из разрушенных Фезе ашильтинских домов.

Затем раздался еще один взрыв. К этому все давно привыкли, но Шамилю послышалось, будто новорожденный испуганно заплакал.

На мавлид – благодарственную молитву собрался весь ахульгинский джамаат. Честь наречения имени сыну имама была предоставлена Курбану. Он взял младенца на руки и произнес:

– Бисмиллягьи ррахИмани ррахИим!

Затем нашептал на уши младенцу особую молитву, читаемую в таких случаях, и воскликнул:

– Да будет он Саид!

Имя это означало почетный титул наследников пророка.

– Да будет он Саид! – подхватили остальные.

– Да благословит его Аллах!

Утром Шамиль провожал Ага-бека.

– Я оставлю у тебя несколько своих людей, – сказал наиб.

– Это хорошие строители, располагай ими, как сочтешь нужным. И еще я оставлю тебе голубей.

– Голубей? – удивился Шамиль.

– Они обучены приносить письма. Когда захочешь приказать мне что-то, они доставят письмо в тот же день, а затем вернутся обратно.

Глава 19

На рассвете ворота крепости Внезапной открылись, из них выехала сотня казаков, а следом появилась коляска, в которой ехал Граббе с помощниками. Замыкало колонну походное орудие, прыгавшее на ухабах. Пулло проводил гостей через мост, проехал с ними аул Эндирей, а затем повернул назад.

Конечной целью путешествия Граббе была Темир-Хан-Шура, считавшаяся столицей Дагестана. И именно там, в непосредственной близости от владений Шамиля, Граббе предполагал составить окончательный проект кампании против имама.

Граббе пребывал в отличном расположении духа. Но когда он видел на дороге горцев, нехотя уступавших дорогу экипажу с эскортом и мрачно поглядывавших вслед, на сердце у него скребли кошки. Его все больше начинало раздражать, что тут всякий, на коне или арбе, ехал рыцарем, не признающим авторитетов. И гарантией его достоинства служили неприменный кинжал, который он не замедлит пустить в ход по своему разумению. А встречались еще и с пистолетами. Казаки – другое дело, им по службе положено. А на что кинжалы этим бандитам?

– Необузданный народ, – размышлял Граббе уже вслух.

– Последний босьяк, и тот генералом смотрит.

Молодые офицеры только переглядывались, не смея противоречить генералу. Дух воинской удали, царствовавший на Кавказе, живо напомнил им повести Марлинского. Им самим уже хотелось ощутить себя частью этого живого, поэтичного и полного опасностей бытия. Атмосфера противоборства, которой здесь все было пропитано, будоражила кровь и заставляла чаще биться взволнованные сердца. Они лишь беспокоились о том, смогут ли стать вровень с этим новым миром, не признающим слабости и лелеющим человеческое достоинство.

– Разоружу разбойников, – пообещал Граббе.

– Вот только с Шамилем разделаюсь.

Кавалькада миновала Чир-юрт и начала подниматься на невысокий перевал, за которым лежала Темир-Хан-Шура. Туда, на встречу с новым начальником, должны были явиться и горские ханы, которые желали покончить с Шамилем не меньше, чем Граббе.

Ухабистый серпантин дороги утомил генерала, и он задремал, продолжая думать о будущих своих подвигах и следующей за ними славе покорителя Шамиля. Граббе представилось, как он с супругой и детьми входит в императорский театр и садится в собственную ложу. Как занимает соседнюю ложу семейство самого императора Николая I. Как оркестр играет торжественную увертюру, прежде чем занавес откроется и явит изумленной публике сюрприз, приготовленный генералом Граббе.

Шамиль в колодках и на цепи – это будет поважнее взятия Парижа!

Наконец, увертюра заканчивается, и вступает труба, знаменуя великое историческое событие. Вот открывается занавес... И зал приходит в ужас перед устрашающего вида горой, которая, разламывая узкую для нее рампу, надвигается на зрителей.

Граббе очнулся, и видение исчезло. Но труба продолжала звучать. Генерал не мог сообщить, что это за мелодия. Ему казалось, что он уже где-то ее слышал. Откинув занавеску, Граббе выглянул в окно.

Они подъезжали к крепости. Почти рядом с дорогой, на пригорке, сидел музыкант, самозабвенно выводя печальную мелодию на сияющей от яркого солнца трубе. Он был в форме унтер-офицера Апшеронского полка и так увлекся, что не замечал ничего вокруг.

Граббе велел остановиться. Только теперь музыкант увидел кавалькаду, перестал играть и вытянулся по струнке. Точно так же вытянулись и его сослуживцы, державшие в руках военные горны.

Желая окончательно избавиться от преследующего его видения, а заодно размять ноги, Граббе вышел из кареты и направился к музыкантам. К тому же он любил музыку, особенно военную. Увидев генерала, солдаты отдали честь и дружно прокричали:

– Здравия желаем, ваше превосходительство!

Граббе понравилось, как его приветствуют, лишь несколько смущал польский акцент трубача.

– Подходи, – велел ему Граббе.

Трубач, держа руку у козырька и выпятив грудь, отчеканил три шага.

– Апшеронского пехотного полка старший музыкант по вашему приказанию...

– Как звать? – перебил его Граббе.

– Стефан Развадовский, ваше превосходительство.

– Поляк? – спросил Граббе, хотя сомнений и без того уже не оставалось.

– Так точно, ваше превосходительство!

– Почему играешь не по уставу?

– Легкие разминал, ваше превосходительство! Доктора велели.

– И как же именуется их рецепт? – усмехнулся Граббе.

– Полонез. Композитора Огинского.

– А, бунтовщика! – вспомнил Граббе.

– Графа, ваше превосходительство, – уточнил унтер.

Граббе, не сносивший непочтительного отношения, тем более от каких-то унтеров, грозно уставился на поляка и приказал.

– Играй генерал-марш.

Поляк взял наизготовку трубу и заиграл так, что Граббе сменил гнев на милость, а затем повелел:

– И остальных выучи.

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – отдал честь унтер.

– Налево кругом, в свое место, – скомандовал генерал и вернулся к своей карете.

Перепуганные солдаты едва дождались, пока генерал уедет. Переведя дух, они накинулись на Стефана:

– Ты что же, унтер, под монастырь нас подвести хочешь?

– Дальше Кавказа не пошлют, ясные пане, – успокоил их Стефан.

– Сослать – не сошлют, а сквозь строй провести могут, хоть ты и пан, – сердились солдаты.

– Выпороли бы самого розгами, хоть разок, знал бы как с генералами разговаривать!

Унтер хоть и был младшим офицером, но солдаты с ним не церемонились, не признавая поляка настоящим начальником. От настоящих можно было получить зуботычину, а этот требовал только правильной игры, и остальное его не интересовало.

Стефан преспокойно открыл тетрадочку с нотами и положил ее перед трубачами:

– По нумерам играй.

Горнисты уставились в ноты и начали прилежно выдувать простые, но такие важные на войне сигналы.

Стефан снял фуражку, под которой обнаружилась рыжая шевелюра, отер выступивший от напряжения пот и бросил вслед Граббе:

– Пся крев, что означало по-польски «собачья кровь».

Полковые музыканты расположились здесь, потому что в Шуре их гоняли из казармы в казарму. Когда офицеры играли в карты, музыка им мешала. Другое дело – балы и представления, где Стефан с оркестром, который он умудрился создать из солдат, был непременным участником. Он потому и выбился из солдат в унтеры, что дамам нравилась его музыка, и они уговорили мужей поспособствовать повышению Стефана.

На Кавказ он был сослан шесть лет назад. Он не был участником Польского восстания, как большинство его здешних земляков. Не увлекался он и патриотическими мечтаниями или сочинением предосудительных песен. Он просто учился в консерватории, мечтая стать великим музыкантом. Но однажды, когда он навещал родителей в их имении, к ним нагрянули повстанцы. Отец дал им еды и денег, но принимать в доме отказался, опасаясь стоявших неподалеку полков Паскевича. Повстанцы укрылись в соседней роще, а ночью появились драгуны, которым кто-то донес, где прячутся бунтари. Увидев, как кавалерия окружает рощу, Стефан открыл окно отцовского дома и сыграл воинские сигналы, предупреждая повстанцев об опасности. Партизаны успели уйти, а Стефана схватили как сообщника бунтовщиков.

На Кавказе он участвовал в нескольких походах, но предпочитал играть, а не стрелять. Музыканты были в цене, и Стефана оставили при его нотах. Труба его всегда сияла, как отточенная шашка, но музыка облегчала душу. Да и другим в тяжелых походах хотелось забыться в музыке жизни, когда становилась невыносимой музыка смерти, исполняемая пулями и снарядами.

Он видел, как похожи судьбы Кавказа и Польши, знал, что поляки перебегают к горцам, желая бороться «За нашу и вашу свободу», и не раз подумывал последовать их примеру. Но мысли о семье его останавливали. Отец Стефана скончался от сердечного удара, когда арестовали сына и конфисковали имение. Для несчастной матери и двух его сестер Стефан был последней надеждой.

Не проявляя служебного рвения, Стефан втайне надеялся выбиться в старшие офицеры, когда он сможет сыграть прощальный марш и отправиться на обожаемую родину к матери и сестрам.

Встречать Граббе выехал командир Апшеронского полка полковник Попов, в пышной свите которого было и несколько беков из горской знати.

Торжественно представившись командующему, Попов почтительно поехал рядом с каретой.

– А что ваш музыкант? – спросил Граббе.

– Строптив не по чину?

Уразумев, что Граббе уже имел удовольствие с ним пообщаться, полковник сообщил:

– Более ничего предосудительного не замечено.

– Хорошо ли служит?

– Не нарадуемся, ваше превосходительство, – выгораживал подчиненного командир.

– У нас тут образовалось общество. Так если праздник какой или полковые учения – музыка выше всяких похвал.

– Я на тот предмет спрашиваю, – говорил Граббе, – что люблю искусство.

– Смею надеяться, что у нас вам скучать не придется, – уверял Попов.

– Бывало, корпусной командир нагрянет – сейчас же требует наших музыкантов.

– Музыка на войне – первое дело, – согласился Граббе.

– Или если поход – тоже все в лучшем виде, – хвалился Попов.

– Белиссимо, если позволите так выразиться. Стоит нашему полковому оркестру пустить в ход свои орудия, так, не поверите, горцы порой разбегаются.

– Это я одобряю, – кивнул Граббе.

– Им бы трубы Иерихонские, – мечтательно закатывал глаза Попов.

– Так и горы бы рушили.

Он надеялся, что поляк уже позабыт. В Шуре генерала ждали с хлебом-солью, и Попов старался произвести на новое начальство самое благоприятное впечатление. А там, глядишь, отбудет Граббе в свой Ставрополь, и в Дагестане опять наступит затишье. Попов устал от бесконечных походов, не приносящих никакой пользы. Он хотел лишь одного – дотянуть до

отставки, следуя старому кавказскому правилу: «Ни на что не напрашиваться, ни от чего не отказываться».

Глава 20

Слева от въезда в Шуру располагался артиллерийский парк. Вдоль крепостной стены стояли в ряд орудия, отливая на солнце темной медью. Артиллеристы дремали в палатках, а вдоль пушек разгуливал вихрастый ротный воспитанник Ефимка, одетый в белую солдатскую форму. За ним гуськом шли восхищенные местные мальчишки. Они были босы, но при кинжалах, а их стриженные головы украшали драные папахи.

Мальчишки принесли с собой корзину винограда и держали наготове спелые кисти, чтобы их сверстник-пушкарь вдруг не передумал и не прогнал их.

Ефимка состоял на довольствии артиллерийской роты. На самом деле, он ни в каких списках не значился, но канониры относились к нему как к родному сыну. Попал Ефимка на Кавказ необыкновенным образом. Однажды, когда через их деревню следовала конноартиллерийская рота, тяжелая повозка увязла глубоко в грязи, провалившись в невидимую яму. Ефимка возвращался с речки, где ловил карасей, и был поражен грозным видом орудий, стоявших вдоль дороги.

Пока мужики волокли бревна и извлекали повозку из ямы, Ефимка, сам не зная как, залез в зарядный ящик. Когда пушки двинулись дальше, на дороге остались удочка Ефимки и три тощих карася. Он долго сидел в ящике, боясь высунуться, чтобы его не прогнали. Ему было страшно, но еще страшнее было оставаться в деревне, где барин собирался обменять его на какую-то породистую собаку. Когда Ефимку нашли, артиллеристы не стали прогонять мальчишку и уговорили своего командира оставить его при роте. Так он и уехал с ними на Кавказ.

Ефимке дали фамилию Пушкарев и берегли, как родного. Он и был им родным, потому что свои семьи многие успели позабыть за долгую службу. А этот сорванец грел их простывшие души, напоминая о семье и детках.

Ефимка лакомился виноградом и со знанием дела толковал об орудиях.

– А это видали? – гладил он пушку с торчавшими сверху ручками, стоявшее на длинном хвостом лафете.

– Единорог! Гранаты бросает.

– Эдинрог, – повторяли мальчишки.

– А почему единорог? – важно спрашивал Ефимка.

– Не знаю, – пожимал плечами босой горец.

– Сюда глядите, – показывал Ефимка выбитого на стволе зверя, похожего на коня, но из лба которого торчал длинный прямой рог.

– Аждаха? – удивлялись ребята.

– Конь рогатый, – объяснял Ефимка.

– Князей Шуваловых герб!

– Киняз? – удивлялись ребята.

– У наш киняз такой нет.

– Толкуй с вами, татарва, – махнул рукой Ефимка и принялся за новую гроздь.

– Мы не татар, – объясняли ребята.

– Мы – кумык, а он, – они показали на самого маленького, – авар.

Но Ефимка уже демонстрировал другое орудие, похожее на бочонок.

– Мортира!

– Ваа-а... – тянули ребята.

Они со страхом трогали пузатую пушку и заглядывали в ее короткое жерло.

– Не тронь! – отогнал ребят Ефимка.

– Чисти потом после вас. И так руки отваливаются.

Ребята нехотя отошли от пушки.

– Это когда крепость или абреки на горе засядут, – просвещал Ефимка.

– А мы их навесным огнем! Ядра – что арбузы ваши, сунешь сюда, а он подскочит и накроет, хотя абреков и не видать.

– Абрек, да, – соглашались ребята.

– Он тебе секир башка будет делать.

– Руки короткие, – важно ответил Ефимка.

– А сунется – мы его картечью! Вона, двенадцатифунтовая, – показывал Ефимка следующее орудие.

– Раз только, и готово!

Затем Ефимка перешел к горной артиллерии.

– А эти – на Шамиля вашего в самый раз.

– Шамиль? – удивлялись ребята и недоверчиво цокали языками.

– Шамиль твоя пушка вниз бросит.

– Куда ему, – качал головой Ефимка.

– Она, знаешь, какая тяжелая. Четыре лошади еле волокут.

Затем Ефимка открыл зарядный ящик и показал ребятам ядра.

– Видали? Против наших снарядов никакая крепость не устоит.

Ребята со страхом смотрели на лоснящиеся, смазанные маслом ядра. Затем старший показал на стоявший у стены пушечный шомпол.

– Эта зачем?

– Банник, дурья твоя башка! – рассмеялся Ефимка.

– Батка твой, когда стреляет, ружье чистит?

– Да, – ответил паренек.

– Вот и пушки чистят. Я тоже умею!

Ефимка ухватил банник и собрался было сунуть его в жерло горной пушки, когда из палатки показался старый фельд фебель Михай с седой окладистой бородой.

– Фимка! – прохрипел он.

– Гони со двора лазутчиков!

– Кунаки мои, – гордо сообщил Ефимка, делая ребятам знаки, чтобы те уходили.

– Винограду вот принесли!

– Тогда и нам тащи, – сказал Михай, зевая и потягиваясь.

– А пущать никого не велено!

Ребята убежали вовремя, потому что к артиллерийскому парку приближалась большая кавалькада.

Уже подъезжая к воротам Шуриной крепости, Граббе заметил орудия, и пушечная душа его не выдержала искушения.

В парк влетел адъютант Попова и заорал:

– Выходи строиться! Неча на службе дремать!

Палатки зашевелились, из них высыпали солдаты, и через минуту орудийная прислуга уже стояла по своим местам.

– Здорово, молодцы! – крикнул Граббе, любуясь на выправку артиллеристов.

– Здравия желаем, вашество! – грянули пушкари.

– Каково служится?

– Рады стараться, вашество!

Граббе заметил Ефимку, который стоял позади своего расчета с приставленным к ноге, на манер ружья, банником.

– А это что за воин? – повернулся Граббе к Попову.
– Сирота, – доложил Попов.
– Пригрели по милосердию. Расторопный мальч.
Граббе подошел к Ефимке, зажмурившему от страха глаза, и одарил его гривенником.
– Благодарствуйте, ваше превосходительство! – заорал Ефимка, зажав монету в кулаке.
– Орел, – похвалил Граббе.
– Из таких генералы выходят.
Ефимка покраснел от удовольствия и сказал:
– Еще увидите, какой я солдат!
– Усердствуй, – кивнул Граббе, похлопал по единорогу и вдруг скомандовал: – Заряжай!
– Холостым прикажете? – осведомился Попов, когда вокруг забежала пушечная прислуга.
– Гранатой.
– Гранатой заряжай! – крикнул Попов.
Артиллеристы по заведенному порядку снарядили орудие.
– Куда прикажете целить? – спрашивал Попов, все еще надеясь, что это только проверка орудийного расчета.
Граббе прикрыл глаза от солнца и отыскал глазами пригорок, на котором упражнялись музыканты. Было слышно, что Стефан опять принялся за неуставные мелодии.

– Поляка видите?

– Так точно, ваше превосходительство, – отвечал Попов.

– Цельте выше.

Когда пушка была наведена, Граббе скомандовал:

– Пли!

Пушка громыхнула, выбросив вслед за гранатой язык пламени и сизое облако дыма. Граната пролетела над музыкантами и разорвалась среди деревьев, спугнув стаю ворон, которые представились Граббе разбегающимися мюридами.

Музыка на мгновение смолкла. Затем послышался еще неумелый сигнал горниста, выдывавшего «На караул!».

– То-то, – удовлетворенно сказал Граббе и пошел к карете.

– Музыка и пушки – это уже кое-что, – думал про себя генерал.

– Как тут в поход не сходить?

Глава 21

На Водах царило беспокойство. Неожиданное известие о назначении Граббе командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории наделало много шума.

- Тот самый Граббе! – волновалось общество.
- Вот как Планида распоряжается!
- Кто бы мог подумать?
- А ведь гуляли по одним улицам!
- И в ресторации имели честь беседовать. И вот на тебе!

Одни уверяли, что ему далеко до покойного Вельяминова. Другие полагали, что теперь дела поправятся, что горцы присмирят, и война скоро закончится. Упрямый и своенравный характер Граббе сделался теперь важным достоинством, каким не обладал Вельяминов. Поговаривали, что Граббе не станет читать в походах Вольтера, а примется учить горцев российским законам.

Бывшие декабристы приуныли. Одно дело было глумиться над почти отставленным в запас генералом, променявшим идеалы на карьеру, и совсем другое – служить под его начальством.

Засидевшиеся на Водах искатели воинских почестей ринулись в Ставрополь, в штаб, к Траскину, про которого шла молва как о человеке добром, который может и помочь с хорошим назначением. Но более честолюбивые бросились сразу в Дагестан, где предполагались главные события. Затем начали возвращаться в свои полки излечившиеся офицеры. Тех же, кто не особенно торопился, отыскивали жандармы и предъявляли суровые предписания, в которых предлагалось выехать немедленно в свое место службы. Офицеры расписывались на обороте предписаний в том, что их читали, и принимались за сборы. Но многим не хотелось менять веселую жизнь на Водах на беспокойные военные будни, и они бросались к докторам, чтобы добыть свидетельство о болезни. Счастливых помещали в госпитали, а так как мест там было немного, то их отпускали на квартиры.

Граббе слишком хорошо знал нравы, царившие на Водах, и требовал безотлагательно очистить их от симулянтов и бездельников. А болтунов отправлять в первую очередь.

Екатерина Евстафьевна Граббе, пребывавшая в страхе и потерявшая от волнений сон, облегченно вздохнула. Чего только она не передумала за время, пока не было известий от мужа, каких только ужасов себе не представляла, а дело обернулось совсем иначе.

Теперь она тоже волновалась, но уже совсем по другому поводу. Муж велел ей перебраться с семьей в Ставрополь, где будет дом Граббе, положенный ему по должности. Прибыли даже квартирмейстер с помощниками, чтобы перевезти семейство. Но Екатерина Евстафьевна, как ни старалась, все не могла собраться. Она отвыкла от походной жизни, да и дети подрастают, что им делать в Ставрополе? Она слышала, что городок этот неуютный, продуваемый всеми ветрами, а вся светская жизнь заключается в званных обедах. И что вместо вечерних оркестров на Пятигорском бульваре будет только тоскливая ночная переключка часовых: «Слу-у-шай!..».

Но делать было нечего, и день отъезда неумолимо приближался. Впрочем, расстройство Екатерина Евстафьевна тщательно скрывала, тем более что к ним теперь зачастили старые знакомые, которые прежде их сторонились. Власть притягивала людей, как жезл заезжего фокусника притягивал всевозможные предметы. Он называл это электрическими опытами. Екатерина Евстафьевна называла вспыхнувшее вокруг почтение завистью и лицемерием. Фокусник, лишившись публики, готов был гастролировать во фронтовых полках.

В эти дни Екатерину Евстафьевну постиг еще один удар. Лиза, к которой она привыкла, как к родной сестре, объявила, что ехать в Ставрополь не может.

Казалось бы, все устроилось. Мужа ее, Михаила, произвели в прапорщики. И даже каким-то чудом петербургская кузина Лизы, фрейлина императрицы, сумела получить и прислать ей эполеты для бывшего декабриста, выбившегося в офицеры. Эполеты, пусть и не золотые, как у Граббе, зато украшенные маленькой звездочкой, Лизе были дороже генеральских. Вместе с эполетами прислана была копия приказа о производстве Нерского в прапорщики. Но это-то и сыграло роковую роль. Теперь Лиза твердо решила сама отправиться в Дагестан, чтобы, наконец, встретиться с мужем и подарить ему его эполеты, ради которых она окропила горестными слезами столько писем к фрейлине императрицы. В чиновничью расторопность она уже не верила. Зато видела, что на Воды каждый день привозили раненых, и многие из них умирали.

Офицеру полагался отпуск. Но и Лизе пора было отдохнуть от стольких лет ожидания. А еще, она знала, офицер может подать в отставку. И Лиза тайно надеялась вовсе вырвать из беспощадных лап войны обожаемого супруга, с которым еще не провела ни одной ночи.

Женщина поплакала, попеняла на судьбу, и семейство Граббе отбыло в Ставрополь. Проводив карету, Лиза долго смотрела ей вслед. А затем подняла глаза на горы, за которыми томился ее несчастный супруг. Она ждала его уже двенадцать лет, она не видела его целую вечность. За эти годы многое переменилось, но воспитанные в ней понятия о супружеской верности и обязанностях благородных дам Лиза берегла, как святыню. Разве что с годами изменилась она сама. Зеркало было безжалостно, но Лиза оставалась тверда в своих убеждениях. И знала, что ее долг – спасти супруга.

Она перечитала его письма, расцеловала долгожданные эполеты и отправилась искать попутчика, которому могла бы довериться. На эту роль Лиза избрала смешного и горячего Аркадия.

Она опасалась, что он уже уехал, как другие волонтеры, спешившие за открывающимися возможностями, как бабочки на огонь.

Об Аркадии никто не говорил ничего определенного. Старых его приятелей как ветром сдуло. Почти отчаявшись найти Аркадия, Лиза зашла в магазин Челахова, где все что-то покупали в дорогу. Продавец долго морщил лоб, пока не припомнил, о ком идет речь.

- Здесь, – кивнул продавец.
- Намедни хотел кинжал вернуть за полцены.
- Отчего же – вернуть? – испугалась Лиза, которая теряла попутчика.
- Он ведь на войну собирался?
- Известное дело, – усмехнулся продавец.
- Небось, в карты продулся.

Он наговорил еще много нелепостей, которые никак не могли относиться к Аркадию, которого Лиза знала как человека порядочного и воздержанного, если не принимать во внимание его блажь насчет вызова на дуэль самого Шамиля. Хотя на Воды и не такие еще оригиналы заворачивали. Во всяком случае, было ясно, что Аркадий еще не уехал. А может, потому и не уехал, что находился в стесненных обстоятельствах.

Лиза лихорадочно размышляла, где еще можно искать Аркадия, и вдруг вспомнила: «Седьмой номер!». Кажется, туда он просил отнести свои покупки, когда они познакомились в магазине.

Ей было неловко идти в гостинцу, тем более одной. Но ноги сами несли ее к зданию, пользовавшемуся в городе сомнительной славой. Выждав, когда проедет экипаж, в котором ехали знакомые дамы, вдовы полковников, Лиза раскрыла веер и, стараясь быть неузнанной, вошла в гостиницу.

- Чем могу? – нахально уставился на нее лакей.
- Мне господина Синицына из седьмого номера, – взволнованно выдохнула Лиза.
- Напрасно стараетесь, дамочка, – ухмыльнулся лакей.

- Они нынче на мели. Вторую неделю за номер не платят.
- Веди, – велела Лиза, едва сдерживая негодование от оскорбительного лакейского обращения.
- Извольте.
- Лакей провел ее на второй этаж и бесцеремонно толкнул незапертую дверь.
- Пошел прочь! – раздалось из номера.
- Когда прикажете получить по счету? – полюбопытствовал в ответ лакей.
- Сколько вам причитается? – спросила Лиза, открывая сумочку.
- С обедами – сорок шесть рублей, – прикинул лакей.
- Лиза брезгливо сунула ему ассигнацию и закрыла за собой дверь. Лакей присвистнул от удивления, почесал затылок и убрался.
- Господин Синицын? – позвала Лиза, стоя у двери и еще не видя Аркадия.
- Чего еще? – снова послышался голос Аркадия.
- Затем он появился и сам, небритый, с кинжалом в руке и сильно старясь походить на свирепого черкеса. Аркадий был в легком подпитии, но, увидев Лизу, мгновенно протрезвел.
- Чему обязан, сударыня?
- Он спрятал кинжал в ножны и засуетился, приводя себя в порядок.
- Вы еще хотите вызвать Шамиля на дуэль? – спросила Лиза.
- А вам какое дело? – обиженно ответил Аркадий.
- Все уже уехали, – сказала Лиза.
- И если вы не передумали, я готова поехать с вами.
- Со мной? – сел от удивления Аркадий.
- И немедленно.
- Это невозможно, – покачал головой Аркадий.
- Отчего же невозможно? – огорчилась Лиза.
- Опомнившись, Аркадий вскочил с кресла и предложил его даме.
- Присаживайтесь, сударыня. Прошу прощения, я несколько не в том виде...
- Аркадию очень не хотелось рассказывать Лизе про сложные обстоятельства, приведшие его в такое положение, но он все же не выдержал.
- Все дело в пистолетах, – почти выкрикнул Аркадий.
- Они не в порядке? – не понимала Лиза.
- Напротив, они в отменном порядке. Я уже имел честь сообщать вам, что надежнее этих пистолетов не сыскать.
- Тогда я вас не совсем понимаю, – пожала плечами Лиза.
- Один мой приятель одолжил их на дуэль, – начал рассказывать Аркадий.
- Вы же знаете, тут все подряд стреляются от нечего делать... Судьбу испытывают... Или за карточные долги – один другому оскорбление сделает, а тот его к барьеру. Таким образом, выстроилась очередь, и получить мои пистолеты обратно не было никакой возможности.
- Боже мой! – всплеснула руками Лиза.
- Что же они на саблях не дерутся?
- Шик не тот. Им подавай французские пистолеты. Сначала клико, шампанское, тоже французское, а потом – стреляться.
- Да ведь это запрещено, – говорила Лиза.
- У нас много чего запрещено, а делается. Попы тоже говорят, мол, грех это, самоубийство. Ни отпевать не хотят, ни хоронить на кладбище. Так их за погостом, как скотину, закапывают. Сколько я их отговаривал – не слушают. Зелен, говорят, духу нашего не понимаешь. Это, брат, говорят, – Кавказ!
- А вы скажите, что вам и самому стреляться надо, – посоветовала Лиза.
- Пробовал, – сокрушался Аркадий.

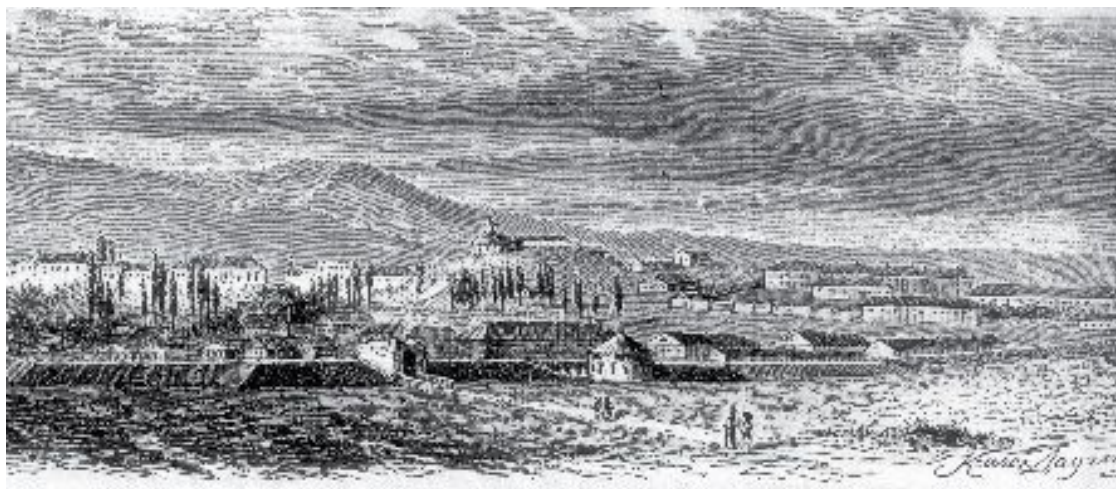
– Даже хотел вызвать одного капитана на дуэль. Шулер! Обобрал меня до нитки, а карты оказались крапленые. Послал к нему секундантов, а его и след простыл. В ту же ночь в полк свой отбыл. Авось, не моя, так черкесская пуля его отыщет.

– Как это неблагоприятно, – сказала Лиза.

– А остальные как сговорились, никто не хочет со мной стреляться, – разводил руками Аркадий.

– Тебя подстрелят, говорят, а нам потом с Шамилем войой. Уж лучше ты, говорят, сперва сам с ним сойдись, как мечтаешь. На двадцать шагов.

– И что же теперь? – пыталась добраться до главного препятствия Лиза.

– А теперь и того хуже. Последний, кто должен был стреляться, противника не дождался. Того полиция выслала к месту службы. А этот с горя заложил мои пистолеты ростовщику. А потом и самого в полк отозвали.

– Час от часу не легче, – вздохнула Лиза.

– Катастрофа! – соглашался Аркадий.

– Батюшка денег не шлет. Требуется, чтобы назад воротился. Хоть сам стреляйся, то есть вешайся. Застрелиться – и то нечем.

– Кажется, вашей беде можно помочь, – сказала Лиза.

– Нет, сударыня, все кончено!

– Мы выкупим ваши пистолеты, – пообещала Лиза.

– Что вы такое говорите! – воскликнул Аркадий.

– Мне за номер платить нечем.

– Не беда. Я сама выкуплю ваши пистолеты.

– Я не могу этого позволить.

– Аркадий сложил на груди руки.

– Я дворянин.

– Поедьте к ростовщику, пока не поздно, – просила Лиза.

– Я сам все поправлю, – упорствовал Аркадий.

– Пока кто другой не выкупил, – уговаривала его Лиза.

– Я найду средства, – стоял на своем Аркадий.

– А за достоинство свое не беспокойтесь, – утешала его Лиза. Затем подошла к Аркадию и, чуть коснувшись губами, поцеловала его в щеку.

– Лиза! – вспыхнул от смущения Аркадий.

– Проводите меня до Дагестана, – попросила Лиза.

– Мне к мужу надо. А взамен я подарю вам пистолеты.

– Не знаю, могу ли я так поступить, – усомнился Аркадий, хотя предложение ему показалось убедительным.

– Пистолеты мне ни к чему, – улыбнулась Лиза, вставая.

– А вам они еще могут понадобиться.

Пистолеты были выкуплены в тот же день.

Теперь нужно было найти способ доехать до Дагестана. Пролеток было много, но ни один кучер не соглашался ехать без охраны. Оставалось ждать оказию, которая бы направлялась в Дагестан с конвоем.

Глава 22

Крепость Темир-Хан-Шура была центром военного управления Дагестана. Здесь же располагалась штаб-квартира Апшеронского пехотного полка – неперемного участника всех батальонов с горами. Крепость располагалась у одноименного аула, получившего свое название от завоевателя Тимура, который некогда стоял здесь лагерь. Ермолов не считал необходимым менять столь значимое название.

Крепость страдала от недостатка хорошей воды и от пыли, которая после дождей обращалась в непролазную грязь. Однако стратегическое положение Шуры, считавшейся воротами в горный Дагестан, превосходило ее недостатки. Крепость была обнесена рвом, защищена батареями крепостных пушек, у трех ворот – Дербентских, Ишкартыньских и Кафыр-Кумухских – стояли часовые.

Отсюда был ясно виден хребет, отделявший владения Шамхала Тарковского, на земле которого располагалась Темир-Хан-Шура, от горной обители свободы.

Вокруг крепости стояли кавалерийские части, дозоры и сторожевые башни, между которыми сновали патрули. Но после перемирия, заключенного Шамилем с Фезе, плоскость никто не тревожил, и жизнь в Шуре стала напоминать жизнь губернского городка. Вдоль прямых улиц выросли каменные здания, появилась церковь, образовалось кое-какое общество, по тротуарам прогуливались офицерские жены с детьми. Вечерами давались представления, ночами кутили и играли в карты. Была даже небольшая библиотека, но офицеры читали мало и больше были заняты обсуждением штабных интриг, грезами о повышении в чинах, гипотезами о предстоящих военных действиях и следующих затем наградах.

В городке открывались магазины, торговцы, откупщики и подрядчики из разных народов быстро находили общий язык и заметно развивали свои предприятия. Ремесленники и портные удовлетворяли потребности все более взыскательного населения. По воскресеньям у крепости разливался большой базар.

Попов, получивший полк после гибели прежнего командира графа Ивелича под Ашильтой, во время похода Фезе, старался поддерживать на своем участке спокойствие. В том, что военные действия возобновятся, он не сомневался, но излишне горячим подчиненным твердил: «Не буди лиха, пока оно тихо».

Однако по всему было видно, что спокойствию приходит конец. Сначала в город слетелись «фазаны», взбудоражившие полусветскую жизнь Шуры столичным лоском. Затем начались лихорадочные инспекции, обнаружившие не только финансовые злоупотребления, но и значительную убыль в войсках, когда ни одна часть не могла похвастать полным комплектом, а порой не хватало и половины. И вот теперь пожаловал сам командующий Линией, генерал с богатой боевой биографией и не заглаженной виной перед государем.

– Этот наделает делов, – невесело размышлял Попов.

– Такому только дай.

Подъехавшего к штаб-квартире Граббе встретили хлебом-солью. Он откусал, надломив каравай и тронув им соль. Затем полковой священник осенил генерала иконой и пропел «Многая лета». Граббе был лютеранского вероисповедания, но православному обряду не противился и только радовался, видя, как воодушевленно крестятся тысячи его подчиненных.

Устроившись в гостевой квартире и отобедав, Граббе взялся за дела.

– А что господа местные владетели? – спрашивал он Попова.

– Все извещены, ваше превосходительство, – сообщил полковник.

– И где же они?

– Не сегодня-завтра будут, ваше превосходительство.

– Отчего задержка? – недовольно смотрел Граббе.

- Разве они не на службе его величества?
- Так точно, и жалование получают, – подтвердил Попов.
- И не малое, я полагаю.
- По две тысячи рублей серебром. И прочие также ассигнования. К примеру, на содержание милиции.
- Любопытно было бы взглянуть на отчетность в полученных деньгах, – с подозрением сказал Граббе.
- Боюсь, ваше превосходительство, что это будет затруднительно, – развел руками Попов.
- В каком это смысле? – возмутился Граббе.
- Прошу принять во внимание, что они понятия не имеют об установленных формах насчет денежного содержания, – объяснял Попов.
- Но это еще полбеды...
- Я самоуправства не допущу! – стукнул кулаком по столу Граббе.
- Я уже имел честь докладывать по начальству, – продолжал Попов.
- С ханами приходится иметь особое обхождение. Одним словом, если станем требовать от них отчета в законном употреблении сих денег, то вряд ли чего дождемся. А то, что мы не увидим их милиций, когда возникнет надобность, – это уж как Бог свят.
- Дас, – недовольно протянул Граббе.
- Так уж тут заведено. Податей предписанных – и тех не платят. И даже арбы для походных нужд присылают через раз, хотя арбяная повинность возложена по закону. А не заплатишь – такую арбу пришлют, что волы на ходу дохнут.
- Так явятся эти мошенники или нет? – вопрошал Граббе.
- Будут, – заверил Попов.
- Потому как Шамиль им уже поперек горла стал. Задержка проистекает лишь по удаленности их от Шуры.
- Изъяснитесь точнее, господин полковник.
- Во владениях у них беспокойно, – объяснял Попов.
- Агитаторы Шамиля подбивают жителей к неповиновению.
- А ханы что же? – вскинул брови Граббе.
- Приводят подданных своих в покорность, ваше превосходительство.
- Надеюсь, успешно?
- Отчасти, – кивнул Попов.
- Говорите, как есть, – велел Граббе, начиная терять терпение.
- По правде сказать, ваше превосходительство, – развел руками Попов, – ханы здешние – еще те правители.
- Пьяницы? – предположил Граббе.
- Пить – не пьют, вера не позволяет, – говорил Попов.
- Зато так распоясались, что народ готов их растерзать и без шамилевских проповедей.
- Что же, и закона на них нет? – недоумевал Граббе.
- Мы в их дела не вмешиваемся, – рассказывал Попов.
- А они под нашим крылом осмелели и принялись такими податями народ обкладывать, каких никогда и не было. Вот население и склоняется к Шамилю.
- Зачем же своими руками бунтарей плодить? Неужто нельзя этот произвол как-то пресечь?
- Стали мы к ним помощников наших назначать, офицеров, для ведения переписки и наблюдения за прочим.
- И что, присмирели?
- Куда там! – покачал головой Попов.
- Это же сущие деспоты! А уж про вольные общества в горах и говорить не приходится.

- То есть как – вольные? – не понял Граббе.
- Дагестан, изволите ли видеть, большой, – пустился объяснять Попов, раскладывая на столе карту.
- Почти все, что вдоль моря Каспийского, издавна в руках князей местных – шамхалов, уцмиев, ханов и прочих владетельных лиц.
- А то, что в горах?
- В горах тоже есть влиятельные дома, – показывал на карте Попов.
- К примеру, Кази-Кумухское ханство. Или вот ханство Хунзахское, которое теперь в Нагорном Дагестане, наш главный союзник. Остальное все по природной недоступности, или вовсе независимо ни от какой власти, как веками сложилось, или приняло сторону Шамиля.
- А сам-то он где засел? – разглядывал карту Граббе.
- Вот здесь его ставка, – показывал Попов.
- По полученным сведениям, имам новый замок опять на Ахульго возводит. Место, доложу вам, ужасное, головоломной крутизны.
- Господин поручик, – обернулся к Милютину Граббе.
- Полюбопытствуйте.
- Но Милютин, стоявший с Васильчиковым за спиной у Граббе, и без того уже рассмотрел карту.
- Осмелюсь доложить, карта никуда не годится, – заявил Милютин.
- В каком смысле? – запротестовал Попов.
- Я по ней с генералом Фезе на Ахульго... Вернее мы ее потом нарисовали, после похода.
- Оно и видно, – сердился Граббе.
- Где были, то и обозначили. Одну только дорогу и вижу, до Хунзаха. А если другим путем идти?
- Тут, ваше превосходительство, особенное дело... – замялся Попов.
- Бывает, известна дорога, а как сунешься – ее и нет.
- Как это нет? – не понял Граббе.
- Выходит, лазутчики ваши даром хлеб едят?
- Осмелюсь пояснить, ваше превосходительство, – оправдывался Попов.
- Дороги в здешних горах, что у нас тропинки, вот горцы их и портят нещадно. Или завалят, или и вовсе взорвут.
- А касательно перевалов, высот, рек, мостов, переправ? – допытывался Милютин.
- Где можно путь пробить, а где, я слышал, и пропасти невозможные?
- Тут всего хватает, – вздыхал Попов.
- А как в поход двинешься, там все и видно бывает. И проводники у ханов имеются.
- Проводники надежные? – сомневался Граббе.
- Когда как, – признался Попов.
- Могут так завести, что не выберешься. Все они тут заодно.
- С такой картой только по паркетам шаркать, – теребил ус Граббе.
- Одна бутафория.
- Других не имеется, – пожал плечами Попов.
- Да мы и без них ходили.
- Скажите лучше – бродили, – поправил Граббе.
- Двадцать лет уже, и безо всякой пользы.
- И масштаб неясен, – вглядывался в карту Милютин.
- Это не карта, а шарада какая-то, – заключил Граббе.
- Надобно же знать, куда день идти, а куда неделю.
- А это и вовсе невозможно, – объявил Попов.
- Зависит – встанут ли на пути мюриды.

- Господа, – обратился Граббе к Милютину с Васильчиковым.
- Потолкуйте с бывалыми людьми, может, что и выяснится.
- Слушаюсь, ваше превосходительство! – козырнул Милютин и принялся сворачивать карту.
- Спросите в штабе Жахпар-агу, – посоветовал Попов.
- Капитана дагестанской милиции. Он из Гимров, может, чего и укажет.
- Дождавшись, пока Милютин и Васильчиков выйдут, Граббе вперил тяжелый взгляд в Попова.
- А как, позвольте полюбопытствовать, у вас обстоит с лазутчиками?
- На сей счет полковник был достаточно осведомлен и тут же представил генералу полную картину этого щекотливого дела.
- Всех лазутчиков – двадцать пять, – докладывал Попов.
- Каково их содержание? – вникал Граббе.
- Двадцать рублей серебром в месяц.
- Всего-то? – удивился Граббе, знавший, как бывший тайный агент, цену важным сведениям.
- Они и того не выслуживают, – развел руками Попов.
- Да еще по десяти рублей накидываем, если важное что выведает.
- И много ли вывели?
- Знаем маленько. Кто-где, кто к Шамилю перекинулся, кто на нас надеется. Вообще теперь чрезвычайно трудно иметь полезные сведения. Даже и хорошие лазутчики не могут ничего верного узнать.
- Вы правы-с, – начинал сердиться Граббе.
- Грош цена таким лазутчикам.
- Где же других-то взять? – разводил руками Попов.
- И учат их наши жандармские, и карты рисуют, и в беглые записывают, а толку мало. Или без вести пропадают, или сведений приносят с гулькин нос.

- А нет ли у вас особенно надежного человека? – едва слышно спросил Граббе.
- На какой предмет? – насторожился Попов.
- Для дела экстренной важности, – сказал Граббе, многозначительно глядя на Попова.
- И чтобы смел был, и желание имел горячее...

Попов понятливо прищурился:

- Насчет чтобы самого Шамиля того?..
- Вы весьма догадливы, полковник.
- Пробовали, – сообщил Попов.

– Его превосходительство генерал Головин, корпусной командир, тоже надеялся, что среди преданных нам горцев найдутся отважные люди, которые за хорошую награду возьмутся доставить голову возмутителя.

- Выходит, не нашлись?
- Отчего же, нашлись, – нахмурился Попов.
- Испытать эту меру было возложено на вашего покорного слугу. Желающих тайно убить

Шамиля было несколько, причем людей, известных мне отважностью, преданностью и предприимчивостью. По тысяче рублей предлагал.

- Ну и?

– Вместо головы возмутителя прислана была голова нашего лучшего агента. В мешке, с записочкой: «Голова ваш, мешок наш».

– Скверно, – вздохнул Граббе, которому очень бы хотелось превзойти своих предшественников каким-нибудь необычайно быстрым и эффектным образом.

– А если за три тысячи?

– К Шамилю не подобраться, – покачал головой Попов.

– Там все свои. Нашего за версту чувят. Да и кто теперь возьмется? Разве что, прошу прощения, безумец какой-нибудь.

– А за пять? – в упор посмотрел Граббе на полковника.

– Даже за десять тысяч. Золотом!

Попов побледнел, приложил руку к козырьку и прошептал:

– Найдем!

Глава 23

Первым в Шуру явился шамхал Тарковский, генерал-майор, со своими нукерами. В честь знакомства с новым начальником, он подарил Граббе пистолет в искусной отделке и красивого коня.

Следом прибыл, тоже генерал-майор, Ахмед-хан Мехтулинский, управлявший заодно и Хунзахским ханством по малолетству законного наследника.

Затем подоспели и другие дагестанские владетели со своими свитами и подарками. Бурок, папах, кинжалов, сабель и прочего кавказского оружия собралось столько, что кое-что перепало даже Милютину с Васильчиковым, чему они были несказанно рады.

По прибытии всех приглашенных состоялся церемониальный марш под музыку полкового оркестра, а затем Граббе учинил смотр. Чтобы произвести благоприятное впечатление на своих ближайших союзников, Граббе проявлял милость в обращении и строгость в распоряжениях.

Взобравшись на дареного коня, с которым с трудом справлялся, Граббе двинулся вдоль парадного строя, сопровождаемый Поповым и ханами. Одним Граббе выражал легкое неудовольствие, другим делал суровые взыскания. Конным казакам велел исполнить «вольт направо», а когда те смешались, не понимая, чего от них требуют, Граббе объявил их есаулу выговор.

– Так служить нельзя! – гневался Граббе.

Тем, как пехота исполняла зарядку ружей на двенадцать темпов, Граббе остался доволен. Но маршировка никуда не годилась. Командиры выбивались из сил, но солдаты никак не могли взять в толк, как исполнять мудреные команды Граббе вроде «Четверть круга направо заходи!» В наказание Граббе велел всему батальону взять ружья на плечо и стоять так до особого распоряжения.

– Я от вас службы потребую! – грозно обещал генерал.

Солдаты, привыкшие воевать и давно отвыкшие от пустой муштры, с недоумением взирали на странного генерала, путавшего российские плац-парады с кавказской военной жизнью. Граббе требовал «мертвой» дисциплины, а бывалые солдаты этого не понимали. Они слыш-

ком хорошо знали, что успех в бою зависит не столько от приказов, сколько от их собственной храбрости и смекалки. Их командиры тоже были не в восторге от нового командующего. Они едва сдерживали усмешки, слыша мелочные придирки никогда не воевавшего на Кавказе Граббе. Утешало их только то, что генерал, судя по всему, не замедлит двинуться в поход.

Отправиться в поход офицеры желали больше всего. И не только из надежды на получение наград. Походы эти всегда были опасны, а награды не всегда следовали. Но долгое стояние без дела в скучной Шуре, когда уже не хотелось ни играть в карты, ни волочиться за дамами, ни кутить, доводила офицеров до сущих безумств.

Особым шиком считалось переодеться абреком и украсть ночью барана из какого-нибудь мирного аула. Или таким же образом угнать лошадь у своих же, невзирая на секреты, засады и часовых, которые открывали пальбу на каждый шорох. Случались и жертвы, но набеги продолжались, и даже заключались пари.

В конце смотра Граббе добрался до ханских нукеров, стоявших нестройными рядами. Это живописное зрелище его озадачило. Тут были и лощеные беки, и дикого вида верзилы, но все были обвешаны невероятным количеством оружия, представляя собой походный арсенал.

– Каковы же у Шамиля мюриды? – размышлял про себя Граббе.

– Если даже эти головорезы не могут их одолеть.

Ханам новый начальник понравился. Вид он имел величественный, был красноречив и строг. Осталось лишь убедить его не терять времени и броситься на мюридов.

Вечером был дан торжественный ужин, и горские владетели не преминули воспользоваться случаем. Ханы были люди умные и довольно искушенные. Они уже успели разузнать о Граббе у состоявших при них приставов и теперь возлагали на него серьезные надежды. Для начала они превознесли воинские доблести нового начальника и заверили в своем глубоком к нему почтении. Затем принялись пространно описывать свои старания по удержанию в крае спокойствия и повиновения правительству. Выходило, что для полного успеха не хватало только сильной руки, протянутой из Шуры самим Граббе.

– За этим дело не станет, будьте покойны, – заверял польщенный Граббе, которому и самому не терпелось явить чудеса мгновенного разрешения кавказских проблем.

Обрадованные владетели начали вводить Граббе в курс дела:

– Этот самозванец шариат проповедует.

– А шариат не признает ни нашу, ни вашу власть.

– Ничего, – успокаивал Граббе.

– Наши пушки его образумят.

– Торопиться надо, – настаивали ханы.

– Шамиль обещает всем свободу, равенство без разбору нации и веры, и через то вся чернь поголовно вооружается и переходит к нему.

– *Liberte, egalite, fraternite*, – сказал Граббе, а затем пояснил: – Знакомая история. Французы тоже обещали свободу, равенство и братство, когда революцию делали.

– Революцию? – встревожился Ахмед-хан.

– Я слышал, у них ничего не вышло, – сказал шамхал Тарковский.

– Это у нас не выш... – Граббе едва сдержался, чтобы не произнести слова, смертельно опасные для лица, «прикосновенного к декабристам».

Но было похоже, что никто не обратил на это никакого внимания. Милютин с Васильчиковым вместе с Поповым, ханскими нукерами и капитаном Жахпар-агой колдовали над картой, причем горцы ожесточенно между собой спорили. А горские князьки мало что смыслили в европейской политике, хотя и слушали Граббе с большим интересом.

– Так вот, – продолжал Граббе.

– Бунтари там захватили власть и сочинили манифест, в коем в первой же статье провозгласили: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах».

– И Шамиль то же проповедует, – помрачнел Ахмед-хан.

– А во второй, – продолжал Граббе, который изучал этот манифест, когда еще состоял в тайном «Союзе благоденствия», – записали: «Они имеют право на собственность, а также право на безопасность и на сопротивление угнетению».

– Куда же их царь смотрел? – сердился шамхал Тарковский.

– Короля они свергли, – сообщил Граббе.

Ханы тревожно переглянулись, не понимая, куда клонит Граббе.

– А потом и вовсе отрубили ему голову на гильотине.

Ханы мрачно уставились на Граббе, будто это он возвел французского короля на эшафот.

Насладившись произведенным эффектом, Граббе продолжил:

– И что в результате?

– Что? – вместе спросили ханы.

– Иллюзии скоро развеялись, – сказал Граббе.

– Начали со свободы, а кончили императором Наполеоном!

Ханы облегченно вздохнули.

– Это который на Москву ходил? – спросил шамхал.

– Он самый, – кивнул Граббе.

– И я не раз имел честь его видеть.

– А потом что было? – спросил Ахмед-хан.

– Потом мы взяли Париж, а Наполеон умер в ссылке, посреди океана, на острове Святой Елены. Так-то!

– Шамяля бы тоже туда, – мечтал шамхал.

– Со всеми его революционерами.

– Мюридами, – поправил Ахмед-хан.

– Франция – где, а они – тут. Сначала нас истребить хотят, господин генерал, а потом за вас возьмутся.

– Нет уж, – покровительственно улыбался Граббе.

– Прежде мы сами за них примемся.

– Мудрые слова, – похвалил шамхал.

– Давно пора, – кивал Ахмед-хан.

– В горах ни одного надежного аула не осталось. Каждый на законную власть кинжал точит. А у нас на всех сил не хватает.

– Надобно не столько числом воевать, сколько умением, – изрек Граббе.

– А главное – порядок во всем надобен. У меня не забалуешь.

– Очень правильно, – закивал Ахмед-хан.

– Когда сила есть, и порядок будет.

Ханы отбыли весьма удовлетворенные, пообещав содействовать Граббе чем только могут. Вопрос теперь стоял о жизни и смерти: или они – или Шамиль. Горы не могли долго терпеть разных правителей. Перед лицом общей опасности владетели решили действовать сообща и забыть бывшие между ними раздоры.

Понимая, как нелегко приходилось в горах Ахмед-хану, уже не имевшему сил, чтобы оградить свои владения от влияния Шамяля, шамхал Тарковский решил сделать благородный жест. Опасаясь, как бы последнего наследника Хунзахских ханов не постигла участь французского короля, шамхал пообещал вернуть во владение пятилетнего Султан-Ахмеда, который приходился ему племянником, аулы Урма, Параул и Дургели. Эти аулы располагались неподалеку и были защищены царскими войсками. В свое время они были отобраны Ермоловым у воевавшего против него Ахмед-хана Аварского и подарены шамхалу Тарковскому – покойному отцу нынешнего шамхала Абу-Муслима.

– Как думаешь, – прищурил глаз Ахмед-хан, – пойдет Граббе на Шамяля?

– Ему это нужно больше, чем нам, – ответил Абу-Муслим.

– А будет тянуть, скажу, что мюриды хотят захватить Хунзахскую крепость, – пообещал Ахмед-хан, которому царская крепость у него под боком тоже не нравилась, но делать было нечего, приходилось терпеть.

– А разве уже не хотят? – удивился шамхал Тарковский.

– Думаешь, Шамиль забыл, как в Хунзахе убили имама Гамзатбека? Он бы давно все горы к рукам прибрал, если бы не Хунзах с его крепостью. Я бы на твоём месте не ждал. Эти генералы ничего не понимают. Раз мы пустили их на свои земли, пусть воюют.

Ахмед-хан внял совету шамхала, как только прибыл в Хунзах. К тому же оказалось, что ещё несколько аулов перешли на сторону Шамиля и вернуть их в покорность не мог даже отчаянный храбрец Хаджи-Мурад. Брожения начались и среди самих хунзахцев, подозревавших, что царская крепость построена не столько для того, чтобы защитить их от мюридов, а затем, чтобы обратить в крестьян самих хунзахцев.

Комендант крепости всегда от них чего-то требовал, прибывавшие отряды становились лагерями вокруг крепости, вытаптывая луга и поля, лошади их превращали родники в грязное месиво, солдаты съедали целые отары овец. А теперь ещё велено было снабжать крепость дровами, которых было негде взять на Хунзахском плато. Когда последнее требование не было выполнено, солдаты принялись таскать бревна из пустых домов. Пустые не значило – ничьи. Но обиженных хозяев никто не слушал.

Власть Ахмед-хана становилась все более шаткой, а влияние Шамиля неудержимо росло. Даже теперь, когда он не предпринимал никаких серьезных действий и был занят строительством на Ахульго да исправлением нравов своих соплеменников.

Ахмед-хан, не долго думая, призвал своего мирзу, секретаря, и велел ему сочинить письмо о страшных бедствиях, которые постигнут Хунзахское ханство и весь Кавказ, если власти Шамиля не будет теперь же положен конец.

Мирза постарался так, что ему стало немного жаль расставаться со своим произведением. Это был истинный шедевр, украшенный представлениями горцев о Страшном суде. Прочитав письмо, Ахмед-хан удивленно почесал голову, а затем велел сделать ещё одну копию, чтобы отправить её в Тифлис, главному начальнику. Усердный мирза переписал письмо дважды, оставив одну копию и себе, для примера потомкам.

Глава 24

Наступала осень, ночи становились все холоднее. По вечерам над Ахульго курились дымки, исходившие из подземных жилищ. Кое-где горели костры и на самой горе, делая ее похожей на дремлющий вулкан, готовый взорваться в любое мгновение.

Сурхай все еще продолжал строить. Закончив с жилищами, он вновь укреплял оборонительные сооружения. Людей у него было немного, потому что большинство было отпущено по домам собирать урожай и готовиться к зиме.

Сурхай часто взбирался на скалу, возвышавшуюся над перешейком, который вел на Ахульго, а теперь был глубоко перекопан. Сурхай смотрел на результаты своих стараний отсюда, сверху, и ему хотелось верить, что Ахульго теперь неприступно. Беспокоила его только сама эта скала, с которой он обозревал Ахульго. Дорога из Ашильты шла как раз мимо нее. И если бы ему удалось превратить в крепость и саму эту скалу, то горцы смогли бы не только на ней обороняться, но и защищать подступы к Ахульго.

Сурхай решил так и сделать. Но сил на это уже не было, и ему пришлось отложить свой план до лучших времен, а пока поразмыслить над тем, какой именно должна быть эта крепость на высокой скале.

Имам уже отвык получать хорошие вести, но на днях случилось то, чего он давно ждал. Жены, дети, гости – все это было очень важно, но Шамиль не чувствовал себя на Ахульго вполне уютно, пока не привезли на нескольких лошадях его книги. Они уже были на Ахульго в доме Шамиля, когда сюда приходил Фезе. Генерал разрушил аул, но книги уцелели. Их спас благочестивый ашильтинец Магомед, укрывшись с ними в узкой пещере и завалив за собой вход. Его считали погибшим, но на третий день он сумел выбраться. Это сочли чудесным воскрешением, но сам он уверял, что его спасли книги, от которых исходила особая сила. Сурхай тоже любил книги и хорошо понимал, что они значат для Шамиля. Потому и построил отдельную келью для библиотеки имама.

Мечеть на Ахульго была не так велика, чтобы позволить Шамилю уединяться. В медресе при мечети было теперь много учеников, и занятия шли целыми днями с перерывами для общих молитв. Оставаться наедине со своими мыслями не удавалось и дома, где всегда хватало гостей и хлопот.

Наконец, все переменялось. Тюки с книгами были внесены в библиотеку, и Шамиль закрыл за собой дверь. Он хотел сам принять своих старых друзей, взять в руки каждую книгу и каждую положить на предназначенное для нее место.

Что бы ни происходило в жизни Шамиля, книги оставались единственным его богатством. Если бы у него не осталось ничего, кроме его книг, он и тогда бы чувствовал себя богаче великих владык.

Шамиль устроился около тюков и начал доставать из них свои сокровища. Вот первый переписанный им Коран. Тогда он был совсем юным муталимом. Они с Гази-Магомедом скитались по горам в поисках знаний, учились в разных медресе и зарабатывали на жизнь переписыванием книг. Тогда его друг и будущий первый имам был еще просто Магомедом из Гимров.

А этот Коран... Его хотел купить один добрый согражданин, но Шамиль не стал его отдавать. Для согражданина он переписал еще один. А этот всегда носил с собой. Он успел обтрепаться, страницы пожелтели, кожа на переплете обтерлась. Но когда Шамиль бережно открыл его и начал листать страницы, исписанные еще не очень уверенным почерком, рядом ним встала его юность. Он находил на полях Корана свои пометки, и ему казалось, что он сделал их только вчера. Тогда, когда Шамиль был уверен, что стоит лишь донести до людей откровения, дарованные всевышним своему благородному посланнику Мухаммеду, как мир вокруг изменится, исчезнет зло и восторжествует добро. Он вчитывался в великие строки, и ему ста-

новилося жаль людей, которые не могли или не желали увидеть в них путь к спасению в этом и будущем мире. Шамиль не переставал удивляться, что многие вовсе и не заботились о вечной жизни, тратя эту, брэнную, на поступки, унижительные для лучшего творения всевышнего. И поводырями этих отступников, слепо спешащих к адским мукам, была горская знать – существа испорченные, корыстолюбивые, коварные и жестокие. Тем не менее эти лицемеры считали себя правочерными мусульманами и вставали на молитву как праведники, лишь слышав призыв муэдзина. А ведь в нем ясно говорилось:

Аллах велик.

Я свидетельствую, что нет никакого божества, кроме Аллаха. Я свидетельствую, что, истинно, Мухаммад – Посланник Аллаха. Спешите на молитву. Спешите к спасению. Аллах велик. Нет никакого божества, кроме Аллаха.

Но отступники не беспокоились о спасении, у них были дела поважнее.

Шамиль доставал все новые книги, будто доставал из вечности крупицу своей жизни. Он вспоминал, как обрел каждую из этих книг, что она ему открыла, какую радость познания принесли с собой ее страницы.

Вот книга, которую Шамиль перечитывал множество раз. Это был сборник хадисов – преданий о поступках и изречениях пророка. Шамиль возвращался к ним снова и снова, когда ему было трудно, когда он начинал терять веру в себя, в возможность изменить мир и людей. Эта книга была для него прохладным родником в знойной пустыне. В ней он находил примеры, освещавшие ему путь даже во мраке отчаяния. А люди потом невольно сравнивали жизнь Шамиля с деяниями Мухаммеда.

Сегодня у Шамиля был счастливый день. Он бережно вынимал из тюков книгу за книгой. И воздух в библиотеке будто уплотнялся от множества воспоминаний. Ему казалось, что книги тоже помнят, как они встретились, знают, о чем думал Шамиль, когда читал их. Это были сокровенные размышления Шамиля, его радости, сомнения, несогласия... Но книги, с которыми он иногда спорил, понимали его лучше других. Они были его добрыми собеседниками и учителями. Они испытывали Шамиля, обличали его ошибки, радовались его успехам.

Вот «Начало праведного пути» Аль-Газали. Вот «Разъяснение тысячи смыслов», «Ключи от рая», «Великий источник равновесия и согласия», «Трудности следования по пути пророка», «Сад ищущих», «Дары Мекки», «Постижение знаний»...

Шамиль раскрывал очередную книгу и долго не мог оторваться. И многое понимал уже совсем иначе, чем прежде.

В книгах было столько хорошего, что чем больше он читал, тем больше ему хотелось читать. С ними можно было забыть обо всем. Он знал много людей, с которыми предпочел бы никогда больше не встречаться, но среди сотен этих книг не было ни одной, с которой он согласился бы расстаться.

Иногда Шамиль думал, что лучше бы он жил не теперь, а тогда, когда писались эти книги, или потом, когда бы все на земле устроилось и никто бы не мешал ему читать столько, сколько вмещали его душа и разум. Но сегодня он не мог себе позволить этого даже в подземной библиотеке. В дверь негромко, но настойчиво стучали. Это был Юнус, который принес тревожные вести. Разведчик Шамиля, служивший в Шуре, в штабе Апшеронского полка, сообщал об отряде, который двинулся в Хунзах. Отряд был куда больше, чем те, что обычно сопровождали транспорты. Вместе с ханской милицией он мог быть очень опасен.

– Мы ведь договорились не трогать друг друга, – сказал Шамиль.

– Наверное, они решили надежнее защитить Хунзах, – докладывал Юнус.

– К новому начальнику приезжали ханы и уговаривали его пойти на тебя.

– Пусть попробуют, – сказал Шамиль.

– Они уже пришли, – продолжал Юнус.

– Утром прибыл человек из верхних аулов. Говорит, что войска расположились на границе Хунзахского ханства. Они что-то замышляют.

Но еще тревожнее было то, что люди из верхних аулов, не спросив Шамиля, решили напасть на пришельцев.

– Я запретил нападать первыми, – говорил Шамиль, с сожалением откладывая книги и надевая оружие.

- У нас мир с русскими.
- Их мулла говорит, что мир – у тебя, а у них газават к тем, кто покушается на их землю.
- Собери людей, – велел Шамиль, закрывая библиотеку на ключ.
- Мы выступаем.

Вслед за тем были посланы приказы наибам, чтобы те явились с отрядами в указанное место. Сурхая Шамиль оставил защищать Ахульго на случай появления новых отрядов противника.

А в Южный Дагестан, к Ага-беку, полетел почтовый голубь, к лапке которого было привязано письмо имама.

- Лети, – сказал Шамиль, выпуская птицу.
- И не забудь вернуться.

К вечеру Шамиль со своими мюридами двинулся в горы.

Глава 25

Когда имам прибыл на место, то застал обескураженных горцев, потерпевших неудачу. Они возвращались в свое село, везя убитых и раненых.

Вдалеке, на холме, белели палатки пришельцев, горели костры и блестели металлом пушки.

Мулла, который перед стычкой воспламенял горцев проповедями, предстал перед Шамилем с опущенной головой.

– Где теперь твои призывы? – спросил его Шамиль.

– Разве я не запрещал вам выступать без моего приказа?

– Клянусь, у меня и в мыслях не было нарушать твою волю, – отвечал мулла.

– Люди сами бросились на гяуров, а я не мог их оставить.

– Если каждый начнет мерить опасность своей меркой, беда обрушится на всех, – сказал

Шамиль.

– Вы решили напасть на них, а теперь они придут на вас.

– Мы будем защищать аул! – выкрикнул мулла.

– А сначала выгоним отступников!

– Отступников? – переспросил Шамиль.

– Кое-кто, увидев большое войско, послал их начальнику приглашение занять аул.

– Лучше бы вы наказали предателей.

чем бросаться на пушки их друзей.

– Но ты же не разрешаешь казнить без суда, – оправдывался мулла.

– А пушки смотрели на нас целый день. Вот люди и не выдержали.

– Если вы не смогли справиться со своими предателями, я сам с ними поговорю, – пообещал Шамиль.

Жители аула спешно готовились к обороне. А отступники заперлись в доме бека, выжидая прихода Фезе.

Имам занял позицию на гребне горы, над селом, и выставил на видном месте свой флаг.

Генерал-майор Карл Фезе, командовавший отрядом, смотрел на противника в подзорную трубу.

– Взгляните-ка, – сказа Фезе, передавая трубу адъютанту.

– Вон там, не белом коне.

Адъютант навел трубу и воскликнул:

– Шамиль!

– Вы уверены?

– Да, ваше превосходительство. Все сходится. И шашка на правом боку! Так только

Шамиль носит!

– Имам! – обрадовался Фезе, прикикая к трубе.

– Сам пожаловал!

Это сулило удачу. Фезе затем и пришел в горы, чтобы спасти свою репутацию. После того, как он безуспешно осаждал Шамиля в Ашильте, не смог взять имама, а затем был вынужден подписать с ним мир, начальство к Фезе охладело. Этот швейцарский наемник лез из кожи вон, чтобы выслужиться, но его употребляли на второстепенные надобности. Он рыскал с отрядом по Южному Дагестану в тщетных попытках привести его в покорность и покарать повстанцев.

Когда в Шуру прибыл Граббе, Фезе поспешил к нему. Старые счеты с Шамилем не давали ему покоя, а Граббе жгучее желание Фезе поквитаться с имамом пришлось как нельзя кстати. Тем более что ханы слали панические письма, требуя остановить Шамиля, пока он не овладел форпостом царского владычества в горах – самой Хунзахской крепостью.

Фезе убеждал, что теперь-то Шамиля не упустит, что дороги знает, а в недра гор проникнет незаметно, под видом доставки транспортов с провиантом в Хунзах, и что следует поторопиться, пока Шамиль не превратил Ахульго в неприступную крепость.

Граббе и сам был готов ринуться в горы, но Головин считал такую экспедицию преждевременной, поскольку, как он писал: «Общества Нагорного Дагестана спокойны, и они не предпринимают противу нас никаких враждебных действий». И пока Шамиль его не беспокоил, Головин главное свое внимание обратил на Черноморскую линию.

Но Граббе не терпелось доказать, кто на Кавказе главный стратег. Тем более что представился случай сделать это руками обезумевшего от служебного рвения Фезе.

– Авось, и выйдет что-нибудь? – размышлял Граббе, которому неожиданные наскоки прежде не раз приносили успех.

– А если Фезе сломает себе шею, так пусть пеняет на себя.

На просьбы Фезе дать ему отряд побольше, чем он имел сам, Граббе отговаривался недостатком в войсках и предлагал присоединить к отряду гарнизон Хунзахской крепости. Но в надежде на ретивость Фезе Граббе дал ему несколько горных пушек.

Узнав о предстоящем выступлении, юный артиллерист Ефимка начал приставать к удивившему в дело Михею, чтобы взяли и его. Но бывалый фельдфебель знал, что на благоразумие Фезе полагаться не приходится, и оставил Ефимку до следующего раза, сказав, что в горах теперь будет холодно, а пушки берут лишь для видимости.

Многие офицеры-апшеронцы тоже просились в поход, но им было отказано. Зато надоевшие Граббе «фазаны», мечтавшие поскорее отличиться, такую возможность получили. Перекрестившись, они вписывали свои имена в список желающих участвовать в экспедиции, а затем отправлялись на базар покупать лошадей.

Командовать волонтерами Попов поручил бывшему декабристу Михаилу Нерскому. Полковник недолюбливал его не столько за прошлые бунтарские помыслы, сколько за острый язык, который стал еще острее, когда его произвели в прапорщики. Но утвержденные бумаги все не приходили, Нерский слышал вечное «ничего об вас еще нет» и ходил в офицерском мундире, хотя и без эполетов.

Строптивость и упрямое нежелание выполнять команды вроде «Шапки долой!» раздражали начальство, однако в бою Нерский был храбр, пулям не кланялся и офицерство выслушал кровью.

В молодости он учился на инженера, но слишком сильно увлекся идеями свержения самодержавия и установления республики, которая виделась ему идеалом равноправия и справедливости. Эти опасные идеи и привели князя сначала на каторгу, а затем и на Кавказ. За десять лет в солдатах Михаил много чего насмотрелся и много чему у солдат научился, но неистребимые аристократические манеры по-прежнему выдавали его благородное происхождение. Тем не менее солдаты его любили. Он был горд, но не спесив и никогда не отказывал, если солдаты просили его написать письмо их родным.

Постоянные унижения, исключения из списков отличившихся и неусыпный жандармский надзор за солдатом «из государственных преступников» посеребрили голову Нерского, но не сломили духа. Больше всего на свете Михаил хотел вернуться домой, к своей жене, которую не видел столько лет. Но он не мог удовлетвориться званием прапорщика и желал выйти в отставку хотя бы поручиком, если не капитаном, звание которого давало право на восстановление в дворянских правах. И, когда стало известно о готовящемся походе, Нерский вызвался в числе первых.

Попов с радостью откомандировал его в отряд Фезе. Присутствие Нерского в Шуре грозило Попову большими неприятностями. Сохранивший дворянскую привычку иметь обо всем свое мнение, Нерский в офицерской компании успел высказаться и насчет Граббе. Узнав, что тот назначен вместо Вельяминова командовать войсками на Кавказской линии, Нерский поднял тост за декабристов, из которых выходят такие славные генералы. Попов и сам знал о прошлом Граббе, как знал и о том, что теперь он декабристов недолюбливал. А потому назначил в отряд Фезе и всех остальных разжалованных за ту декабрьскую смуту.

Обложив село, Фезе ждал подхода хунзахской милиции во главе с Хаджи-Мурадом. Даже вместе с гарнизоном Хунзахской крепости, подошедшим вовремя, сил все равно было недостаточно, когда приходилось иметь дело с самим Шамилем. Но милиции все не было.

Хаджи-Мурад не спешил выполнять приказ Ахмед-хана, отношения с которым ухудшались у него день ото дня. Сославшись на рану, полученную в стычке с очередным аулом, отпавшим от ханства, Хаджи-Мурад объявил, что не может сейчас выступить. Рана была легкая, но прапорщик хотел, чтобы Ахмед-хан сам показал, как надо драться с мюридами, а не только попрекал Хаджи-Мурада за его неудачи. Рассерженный Ахмед-хан велел милиционерам выступать, но у одних оказались неоседланными лошади, у других не хватало пороха, у третьих затупились пашки... Без Хаджи-Мурада они воевать не хотели.

Не дождавшись хунзахской милиции, Фезе решил атаковать сам. Послышались сигналы горнов, дробь барабанов. Отряд начал строиться в боевые ряды. Пушки зарядили картечью и навели на аул. Все замерли в тревожном ожидании. Фезе уже готов был начать штурм, когда от имама прибыл парламентер. Это был Юнус, который привез послание Шамиля.

«Знайте, что я не намерен нарушать мир, заключенный с вами, и не желаю прослыть клятвопреступником, – писал Шамиль.

– Люди, которые напали на вас, сделали это по своей воле, как нападают на них по своей воле и люди Ахмед-хана. Если вы благоразумны, то подумайте, что будет впоследствии. Если же вы хотите сражаться, то знайте, что мы – мужчины, которые не отказываются от войны».

Фезе ответил демонстративным залпом из орудий.

Видя, что Фезе готовится наступать, Шамиль велел жителям покинуть аул. Женщины и дети уходили, нагрузив пожитками и люльками арбы и ослов.

Шамиль тем временем начал маневрировать, стараясь сбить генерала с толку. Небольшой отряд мюридов разбился на десятки и двинулся в разных направлениях. Одни делали вид, что хотят обойти Фезе с фланга, другие намеревались зайти в тыл.

Растерянный Фезе перестраивал отряд, менял направление готовящегося удара, приказывал разворачивать пушки. Он понимал, что Шамиль с ним играет, желая выиграть время. Но генерал и сам еще надеялся дождаться появления Хаджи-Мурада и его джигитов.

Так продолжалось целый день, пока со стороны Хунзаха не прибыл Ахмед-хан с небольшим отрядом. Ему с трудом удалось набрать тридцать милиционеров, не считая собственных нукеров.

- Почему не атакуете, генерал? – мрачно любопытствовал Ахмед-хан.
- Хотел спросить вашего ханского разрешения, – съязвил рассерженный Фезе.
- Может, вы еще у Шамиля разрешения спросите? – ответил Ахмед-хан.

Фезе хотел было указать хану на его нерасторопность, но взял себя в руки и приказал адъютанту:

- Снайпера ко мне!

Явился молодой егерь, имевший, в отличие от остальных, штуцер – винтовку с нарезным дулом последнего английского образца.

- Вон того, на белом коне, примечаешь?
- Вижу, ваше превосходительство!
- Сними-ка мне его.

– Рад стараться! – козырнул снайпер и бросился искать подходящее место для стрельбы. Когда он вполне устроился, всадника на коне уже не было видно. Снайпер стал водить мушкой, ища цель.

- Да где же он?

Вместо Шамиля он увидел новую партию мюридов, спускавшихся к аулу.

- Ваше превосходительство! – закричал снайпер, показывая куда-то вдаль.
- Еще горцы идут!

Фезе навел трубу и увидел то, чего втайне опасался. На помощь Шамилю прибыло подкрепление.

Первым наибом, пришедшим на помощь, был Али-бек Хунзахский с полусотней мюридов. Шамиль с наибом спустились к селу и вошли в него с разных сторон. Мюриды заняли передовые позиции, а Шамиль с Али-беком направились к дому, в котором засели отступники.

- Их там много, – предостерег мулла.

– Я делаю это для того, чтобы у вас не было кровной мести, – отвечал Шамиль, не обращая внимания на предостережения.

– Если они не раскаются, если не станут на верный путь, им лучше расстаться с жизнью с нашей помощью. Может, тогда Аллах простит их заблуждения.

Остановившись перед домом, Шамиль крикнул:

- Выходите.

В ответ послышалось:

- Убирайся из нашего аула, оборванец!

Не дожидаясь повеления имама, Султанбек схватил лежавший у дома каменный каток и швырнул его в ворота, за которыми укрылись отступники.

Створки ворот треснули и распахнулись. В образовавшийся проход бросились Юнус и еще несколько мюридов. Во дворе завязалась жаркая схватка. Отступников оказалось около дюжины. Одни рубились с мюридами, а другие, засев на втором этаже, целились в Шамиля из пистолетов.

Грянули выстрелы, но Шамиль и Али-бек успели укрыться за каменной стеной. Не дожидаясь, пока отступники снова зарядят пистолеты, они бросились во двор, взбежали по камен-

ной лестнице и бросились в шашки. Но отступники уже не могли сопротивляться, потому что Султанбек успел взобраться на крышу и, свесившись оттуда, уже держал обоих за бороды.

Разделавшись с остальными, мюриды взлетели на второй этаж и скрутили отступников.

– Что скажете? – спросил Шамиль, пряча шашку в ножны.

Но отступники только злобно скрипели зубами. Тот, что бы постарше, сплюнул кровью и отвернулся, не выдержав взгляда Шамиля.

– Мне можете не отвечать, но перед Аллахом отвечать придется, – сказал Шамиль и покинул дом отступников, оставив их в распоряжении Юнуса и Султанбека.

Глава 26

Хан вертелся на коне, торопя Фезе: – Надо на них напасть, пока Шамиль не ушел и пока другие не явились!

– Я того же мнения, – ответил Фезе.

Он выехал вперед и приказал:

– В атаку!

Забили барабаны, войско Фезе двинулось вперед, где на подступах к аулу разгоралась битва.

Фезе все еще надеялся взять Шамиля. Но жители защищали аул вместе с опытными и отлично вооруженными мюридами.

Несколько атак захлебнулось. Шамиль позволял убирать раненых и убитых, надеясь, что Фезе поймет тщетность своих усилий и отойдет. Но генерал жаждал реванша. Он отвел солдат, чтобы снова пустить в ход артиллерию.

На перевале, справа от села, появилась толпа конных и пеших горцев. Это прибыл Ахбердилав с мюридами и поднятыми по тревоге ополченцами. Не зная, как теперь поведет себя Шамиль, Фезе прекратил атаки, выстроил войска прямоугольником, в каре, и стал выжидать.

Увидев, как обстоят дела, Ахбердилав предложил Шамилю атаковать неприятеля.

– Пока нам лучше оставаться здесь, – сказал Шамиль.

Тут из рядов прибывших мюридов показался седобородый изобретатель Магомед.

– Но у них пушки!

– А нам их так не хватает, – с сожалением качал головой Ахбердилав.

– Мы их захватим! – убеждал Магомед.

– Ты хочешь, чтобы я отдал всех наших людей ради какой-то пушки? – осадил его Шамиль.

– Слишком дорогая цена.

Вдруг о стену рядом с Шамилем чиркнула пуля. Затем рядом просвистела еще одна.

Шамиль спешился, и тут над его головой пролетела третья пуля, выбив из стены осколки.

– Снайпер, – определил Юнус.

– Они узнали тебя по шашке на правом боку, – предположил Султанбек.

– Солдаты думают, что ты левша.

– Горе им, если я возьму шашку в правую руку, – усмехнулся Шамиль, перевешивая шашку на другой бок.

Противники простояли в том же положении еще один день. Вечером на плечо Юнуса сел голубь, вернувшийся от Ага-бека.

– Умная птица, – улыбнулся Шамиль.

– Накорми ее и спрячь в клетку.

Ночью в русский лагерь, переодевшись солдатами, пробрались Магомед и Султанбек. Они собирались похитить пушку. Орудия стояли на взгорке, готовые к движению и удерживаемые только подпорками. Пока Султанбек удерживал оглушенных солдат, Магомед вынул подпорки. Пушка сдвинулась с места, а затем покатила с горы, круша по пути костры и палатки. Пушка оказалась слишком тяжелой. Она не остановилась, как рассчитывал Магомед, на дороге под аулом, а пронеслась через все рытвины и полетела в пропасть. Магомед чуть не плакал от досады и готов был последовать за пушкой, если бы его не удержал Султанбек.

В лагере начался переполох, но никого поймать не удалось.

Ночью выпал снег, и утром на нем была ясно видна колея от колес пушечного лафета, которая вела прямо к пропасти. Потерю пушки списали на нерадивых пушкарей, плохо поставивших подпорки. В наказание Фезе приказал их расстрелять, потом заменил расстрел на

шпицрутены. Когда началась экзекуция, Фезе отменил и ее во избежание солдатского бунта. А преступных пушкарей поставил во главе колонны, коей предполагал начинать атаку на аул.

Наутро явился Хаджи-Мурад с остальной милицией. Он не смог усидеть в Хунзахе, когда неподалеку был знаменитый Шамиль, с которым Хаджи-Мураду давно хотелось помериться силой и храбростью.

Фезе снова открыл артиллерийский обстрел, а затем приготовился двинуться на штурм двумя колоннами. Первую колонну замыкала рота волонтеров, вооруженных чем попало. Впереди стоял Михаил с солдатским ружьем. Он примкнул штык, на который в таких делах полагался больше, чем на ружье, и обратился к волонтерам:

– Господа! Держаться вместе! Команды исполнять в точности! И не пытайтесь поймать горцев руками. Под пули не лезьте. Коли суждено, они сами вас найдут.

Затем Михаил достал из-под рубахи золотой медальон, в котором хранилось изображение его любимой супруги Елизаветы, поцеловал его и перекрестился.

Коннице Ахмед-хана велено было обойти аул с тыла. Но хан, поговорив с Хаджи-Мурадом, сказал, что его джигиты пойдут на аул в лоб, а колонны пусть окружают.

– Конница – в лоб? – удивился Фезе.

– На завалы? Это неправильно.

– Наше дело, – сказал Хаджи-Мурад и, свистом подав сигнал, бросился вперед.

Следом помчались его нукеры. Колонны были еще далеко, когда Хаджи-Мурад уже ворвался в аул. Его джигиты носились по узким улочкам, нигде не встречая сопротивления, но все еще ожидая засады.

– Ушел, – сообщил Хаджи-Мурад, когда начали подходить колонны.

– Шамиль ушел? – не верил Фезе.

– Весь аул.

Услышав, что аул пуст, солдаты закричали «Ура!», а волонтеры бросились за трофеями, чтобы иметь доказательства участия в славном деле.

Они успели возмужать, когда увидели кровь во время первой атаки. И у многих пропало желание идти в следующую. Но выглядеть трусом никто не хотел. И, когда все так благополучно разрешилось, они резвились, как дети, штурмуя пустые дома. Кому-то везло, он находил брошенную папаху, сломанный кинжал или разбитое ружье.

Юнкер Стрелецкий счел, что ему повезло больше других, когда в доме на окраине аула он обнаружил настоящего горца, хотя и очень старого. Старик сидел в накинутой на плечи овчинной шубе с длинными, ушитыми на концах рукавами. Сидел, прислонившись к каменной стене и беззвучно шевелил губами, будто читая молитву. Старик не захотел покидать свой аул. А кинжал положил на пол перед собой, сдаваясь на милость победителей.

Стрелецкий, держа наготове пистолет, осторожно подошел к старику и наклонился, чтобы забрать его кинжал. В это мгновение старик выхватил из рукава овчины саблю и нанес Стрелецкому удар. Юнкер рухнул, едва успев выстрелить. На выстрел сбежались его друзья.

Старик выставил перед собой окровавленную саблю и тихо смеялся, обнажив почти беззубый рот.

– Бей его, ребята! – крикнул кто-то, но волонтеры все не решались подойти.

– Может, лучше его пристрелить? – предложил другой волонтер.

Но тут подоспел их командир Нерский.

– Чего стоите? – закричал он на волонтером.

– Унесите раненого!

Волонтеры, будто опомнившись, подхватили раненого Стрелецкого и понесли его со двора. Но один остался, не сводя со старика пистолета.

– Не стрелять, – приказал Нерский.

– Он моего друга ранил, Сашку Стрелецкого! А может, и вовсе убил! – отвечал волонтер, не сводя со старика испуганных глаз.

– Мы пришли в его дом с оружием, – сказал Нерский.

– За это и мы французов убивали.

– То – французы! – растерялся волонтер.

– Уходи, – велел Нерский волонтеру и направил штык на старика, – не то будут потом кошмары мучить. Я сам его.

Волонтер опустил пистолет и побежал за своими друзьями. Седобородый, не переставая смеяться, покачал головой и бросил саблю перед Нерским.

– Сам одной ногой в могиле, а туда же, воевать, – покачал головой Нерский. Затем опустил штык, поднял саблю старика и ушел.

Вскоре за тем во двор въехал Хаджи-Мурад. Увидев его, старик перестал смеяться.

– Зачем не ушел? – спросил его Хаджи-Мурат, кружа на коне по двору.

– Хотел на тебя посмотреть, – прошамкал старик.

– Ты, говорят, герой.

– Они возьмут тебя в плен, – сказал Хаджи-Мурад.

- В плен? – опять засмеялся старик.
 - Я даже молось сидя, ноги не держат. Какой из меня аманат?
 - А рука еще крепкая, – сказал Хаджи-Мурад, поворачивая коня обратно.
 - Лучше пусть убьют, – сказал старик.
 - И примут на себя мои грехи. Чего мне еще желать?
- Хаджи-Мурад ничего не ответил и выехал со двора.

Рана Стрелецкого оказалась неопасной. Волонтеры окружили перевязанного приятеля, наливая ему в походную кружку рому и попутно делясь впечатлениями.

– А того абрека старого кто порешил? – спрашивал Стрелецкий, прижимая к себе трофейный кинжал, который теперь принадлежал ему по праву.

- Андрюха, – отвечали друзья.
- Из пистолета.
- Кажется...
- Да нет, его командир наш штыком пригвоздил!

Юнкер испугано улыбался и лихорадочно отхлебывал ром из кружки.

Убедившись, что аул полностью оставлен, что кроме кур тут ничего нет, Фезе приказал разрушить дома. Но Ахмед-хан с ним не согласился.

– Этот аул всегда принадлежал хунзахским ханам, – сказал он.

– Зачем же уничтожать нашу собственность? Люди могут вернуться, если им будет где жить. Тогда я обложу их штрафом и заставлю платить подати.

- Но это дома преступников, – настаивал Фезе.
- Их следует покарать!
- Наверное, – согласился Ахмед-хан.
- Но дома не виноваты.

Фезе простоял в ауле еще день, не решаясь преследовать Шамиля по заснеженным горам. Тем временем прибыл посыльный с плохими известиями. Ага-бек в Южном Дагестане, в Самурской долине, поднял новое восстание, грозившее перекинуться на Шекинскую провинцию.

Фезе предписывалось срочно вернуться назад. Генерал был в отчаянии. Он снова упустил Шамиля. Фезе понимал, что это был его последний шанс и он его не использовал.

Ахмед-хан почувствовал облегчение, когда Шамиль удалился. Но мысль о том, что восстание в Южном Дагестане вспыхнуло не случайно, наводило его на мрачные предположения. Хаджи-Мурад тоже считал, что все это неспроста. И не удержался, чтобы не сказать:

– Сегодня Ага-бек бунтует, завтра Ташав Чечню поднимет. Скоро генералам будет не до Хунзаха.

- Главное, чтобы им было дело до Шамиля, – злился Ахмед-хан.

Глава 27

Флигель-адъютант полковник Генерального штаба Траскин, человек столь значительных размеров и веса, что в карету он едва помещался, а у легких экипажей ломались рессоры, прибыл в Темир-Хан-Шуру.

Первым делом следовало представиться генералу Граббе, у которого Траскин был теперь начальником штаба. Но в штабе полка генерала не оказалось, хотя его давно уже дожидался почерневший от усталости вестовой, прибывший с посланием от Фезе. Не было Граббе и на квартире. Наконец, адъютант Траскина выяснил, что генерал в лазарете, где его пользует местный костоправ.

Траскин поразмыслил и решил, что и ему не мешало бы размять кости после дороги, которая была очень нелегка и чересчур пыльна. Но сначала следовало перекусить.

Ему накрыли в отдельной столовой, где всегда было наготове несколько блюд, которые предпочитал Граббе. Но когда лакеи увидели Траскина, то быстро сообразили, что им придется потрудиться, чтобы накормить столь важное лицо. Адъютант Траскина живо объяснил поварам предпочтения своего начальника, присовокупил пару зуботычин, и работа на кухне закипела.

Стол был сервирован отменно. Слушая новости, которые успел собрать адъютант, Траскин дегустировал местные деликатесы в виде куропаток на вертеле и запеченной в сметане форели. Вскоре подоспели и прочие яства. К тому же местные купцы и маркитанты, прослышав о прибытии столь важного для них чиновника, поздравили полковника бочонком отменного вина и кадкой меда. Самих их к Траскину не допустили, и они только издали кланялись его силуэту в окне, надеясь на более близкое знакомство в ближайшем будущем.

Траскин действительно проделал немалый путь, в котором было столь много забот, что поесть по-человечески не удавалось. Инспектируя Линию на предмет материального снабжения, Траскин вполне успел вникнуть в местные реалии. На первый взгляд, они представляли совершенный хаос, но по здравому размышлению хаос этот имел и выгодную оборотную сторону, подтверждавшую известное в войсках правило: «Одни воюют, другие воруют». Казнокрадство процветало в невообразимых размерах, но Траскин быстро направил его в надлежащее русло, так, чтобы мошенники не могли миновать его интересов.

Если население несло повинности, за которые полагалась плата, но которую им никто не выдавал, то Траскин плату увеличил вдвое. Теперь поденщики получали хоть что-то, вернее, то, что оставалось после кармана Траскина.

На многое Траскин закрывал глаза, к примеру – на грабежи мирных аулов, которые выдавались за военные операции. Награбленное имущество спускалось на базаре и пропивалось, фураж и скот употреблялись на воинские нужды, а отпускавшиеся на это деньги присваивались ушлыми командирами. Или того проще – аулы не грабить, а располагать в них войска на постой, и пусть только попробуют оставить солдат голодными.

Но самой прибыльной статьей был провиант, и особенно сухари, без которых невозможны были никакие походы. Очередную партию как раз привезли кораблями по Каспию из Астрахани в Порт-Петровск, когда в этот приморский городок прибыл Траскин. Удостоверившись в полном количестве годового запаса муки и сухарей, предназначенных для Темир-Хан-Шуры, располагавшейся неподалеку от Петровска, Траскин велел отправить провиант в Дербент, причем на подводках. Дербент располагался совсем в другой стороне, далеко на юге, и туда легче было доплыть, чем везти на телегах, вернее, на арбах, нанятых у местного населения. Но Траскина это не смущало. Из Дербента провиант предполагалось перевезти в Кизляр, на север, оттуда – в другие пункты и так до бесконечности. В результате – неразбериха, подряды на перевозки, убыль в весе и продажа за бесценок из-за негодности к употреблению. Все эти премудрости были хорошо знакомы ловким чиновникам, открыто гордившимся своим лихоимством, поощряемым самим Траскиным, который тоже в накладе не оставался.

– Военная бухгалтерия, – поучал Траскин подрядчиков, – это такая наука, которую не всякий ученый осилит, а смысленный подрядчик вмиг ухватит.

Беспокоило Траскина лишь одно, чтобы Граббе невзначай не начал больших экспедиций, когда во всем могли всплыть большие недостатки.

– Хорошая, однако, штука эта война, – втайне радовался Траскин, принимаясь за фаршированного ягненка.

– По мне, так и не кончалась бы никогда. На мирном-то деле столько не наживешь. Главное, чтобы Шамиль не сдавался, дай Бог ему здоровья.

Когда экипаж Траскина остановился у лазарета, стоявшая у входа охрана взяла на караул, да так и остались стоять, отдавая честь, с изумлением взирая на этого необыкновенного человека.

– С прибытием, господин полковник! – выбежал к нему навстречу адъютант Граббе Васильчиков.

– Здравствуйте, корнет, – кивнул ему Траскин.

– А что, командующий еще здесь?

– Точно так, – сказал Васильчиков, пытаясь остановить Траскина.

– Его превосходительство принимает процедуры и велел его не беспокоить.

– Молчать! – рявкнул Траскин, обдав Васильчикова сигарным духом, и распахнул дверь в предбанник.

Граббе блаженствовал под искусными руками костоправа. Он привык делать это на Водах и не хотел изменять своим правилам.

Генерал уже освоился в Шуре, успел нагнать на гарнизон страху, самые нерадивые офицеры отведали у него гауптвахты, а вконец распустившиеся солдаты были высечены в назидание.

ние остальным. И теперь, в ожидании известий от Фезе, Граббе позволил себе отдохнуть от трудов праведных.

Он лежал на разогретой каменной плите, умощенный особыми маслами, способными, по уверению костоправа, укрепить силы и благотворно воздействовать на нервную систему. Граббе окружало благоухание, а деликатные приемы костоправа навевали дремоту.

В легком тумане, наполнявшем кабинет, плавали призрачные фигуры. Это были отражения всадников и прохожих, сновавших за окнами. И вдруг из призрачных видений материализовалась гора. Эта гора была не такой страшной, как те, что снились ему раньше, но и в ней было что-то зловещее.

– Счастливы вас приветствовать, ваше превосходительство, – сказал гора, превратившись в расплывшуюся в сладкой улыбке физиономию Траскина.

– Полковник? Вы? – опешил Граббе.

– Я, милейший Павел Христофорович!

Завернутый в простыни необъятный Траскин присел на край плиты.

– Какими судьбами?

– По долгу службы-с, – докладывал Траскин.

– Спешу уведомить ваше превосходительство, как дражайшего начальника, о вверенных мне вашей милостью делах.

Граббе почувствовал себя неудобно и отослал костоправа. Тот накрыл его теплым полотенцем и удалился.

– Следовало бы подать рапорт, господин полковник, как надлежит, по форме, – сказал Граббе.

– Всенепременно, – кивнул Траскин.

– Однако же в рапорте всего не напишешь.

– Отчего же? – осведомился Граббе.

– На Линии такое творится, что, боюсь, и бумага не стерпит, – сообщил Траскин.

– А сверх того, имеются сведения особого рода.

Граббе был заинтригован.

– Так говорите же, полковник!

– Ну, насчет безобразий в нашей епархии можете не беспокоиться, я уже все уладил, – успокаивал Траскин генерала.

– А что касается Шамиля...

– Шамиль? – приподнялся Граббе.

– Вы позволите? – скорее для формы спросил Траскин, ложась на соседнюю плиту.

– Все бока отбил по этим ужасным дорогам.

– Так что насчет Шамиля? – с надеждой спросил Граббе.

– Взят!?

– С вашего позволения, – сказал Траскин, выдержав томительную для Граббе паузу.

– Полагаю, что Фезе Шамиль опять не возьмет.

– Отчего вы так полагаете?

– На Шамиля капкан нужен, а Фезе с силками по горам носится.

– Капкан? – переспросил Граббе, которого самоуверенный Траскин раздражал все больше.

– Я в том смысле, как их сиятельство военный министр советовали, – разъяснял Траскин.

– Поспешность тут ни к чему и даже некоторым образом вредна.

– Чем скорей, тем лучше, – возразил Граббе.

– Вам, разумеется, видней, ваше превосходительство. Я лишь со своей стороны усматриваю, что для успешного окончания дела нужно обстоятельно подготовиться. Даже и в воинском отношении, чтобы на каждый выстрел отвечать сотней. Опять же в рассуждении обмундиро-

вания и провианта. А спирту сколько надобно! В горах, небось, холодно. А денег на разные нужды! И ведь ассигнациями не берут, шельмы. Им звонкую монету подавай.

– Войск, действительно, маловато, – согласился Граббе.

– И в вооружениях сильная нехватка.

– Сами видите, Павел Христофорович! – обрадовался Траскин.

– Отчего бы и не попросить пополнения, во всех смыслах? Ведь даже их сиятельство граф Чернышев велел не скромничать. Зато уж, когда всего будет в достатке, взять смутьяна наверняка.

– Надеюсь, что всего этого не потребуется, – упрямылся Граббе.

– Фезе свое дело знает.

– Совершенно с вами согласен, – сказал Траскин.

– Я как раз видел в штабе его вестового. Вашего превосходительства дожидается.

– Что же вы сразу не сказали? – вспыхнул Граббе.

– Не хотел огорчать понапрасну, – пожал плечами Траскин.

– Вид у вестового не сказать, чтобы праздничный.

– Вынужден вас покинуть.

Граббе решительно поднялся, накинул халат и пошел одеваться. Траскин привстал, чтобы соблюсти субординацию, а затем вновь распластался на теплой плите. Выждав несколько минут, он позвал:

– Человек!

В ту же секунду явился костоправ.

– Чего изволите, ваше благородие?

– Потрудись-ка, братец.

Костоправ в ужасе смотрел на лежавшую перед ним гору, но отступить было некуда. Он перекрестился и принялся за Траскина. Не обращая внимания на мучения костоправа, полковник погрузился в приятные размышления: «Надо бы Чернышеву, благодетелю, гостинец послать. Оружия всякого, в убранстве, да ковров... Жаль, тут слонов не держат. Вот был бы сюрприз в Петербурге! И отчего не держат? Края теплые, и скотина занятная. Пусть бы радовался, мерзавец... – Траскин не удержался от тяжелых воспоминаний: – Супругу мою обрюхатил, царство ей небесное. Хотя она мне еще и не супруга была. Однако же все равно – подлец».

Глава 28

Граббе был очень расстроен, получив от Фезе рапорт о результатах экспедиции. Они были плачевны, хотя Фезе и представил их подвигами. Среди прочего сообщалось, что горцы потеряли в этом деле до трехсот человек убитыми и ранеными, в том числе двух почетнейших старшин и четырнадцать главных мюридов Шамиля. Что сам Шамиль бежал, оставив на поле сражения значительное количество оружия. И что если бы не снег, выпавший неожиданно, и не срочный отзыв в Южный Дагестан, с Шамилем бы было покончено. Потери самого Фезе выглядели мизерными по сравнению с неприятельскими: убито пять нижних чинов, ранен один обер-офицер, нижних чинов – девятнадцать, лошадей убито три.

Окрестные деревни, уверял Фезе, покорены без боя и переданы в законное владение хунзахского хана. Деревни отдаленные, удостоверюсь в благонамеренности войск и дружеском их обхождении с мирными племенами, изгнали от себя мюридов и желают вступить в подданство Его Императорского Величества.

Волонтеров, прикомандированных к отряду, Фезе оставил в Хунзахе, дабы они имели новые возможности явить свою отвагу в делах с неприятелем.

Граббе не верил не единому его слову и лишь сделал вывод, что Шамиль преспокойно вернулся на Ахульго, а часть отряда брошена в Хунзахе.

– Спасибо, хоть от «фазанов» избавил, – подумал Граббе, и продолжал читать этот изумительный рапорт, видя в нем образец особого литературного жанра, который по праву можно было именовать «кавказским».

В довершение всего Фезе горячо ходатайствовал о награждении отличившихся. Кроме него самого, его ближайших помощников и адъютанта, в списке было еще с дюжину героев, которым он испрашивал награды за примерное мужество, соединенное с благоразумной распорядительностью, а также за отличное усердие, храбрость и превосходное знание военного дела.

Среди представленных к наградам Граббе наткнулся на знакомую фамилию: прапорщик Михаил Нерский.

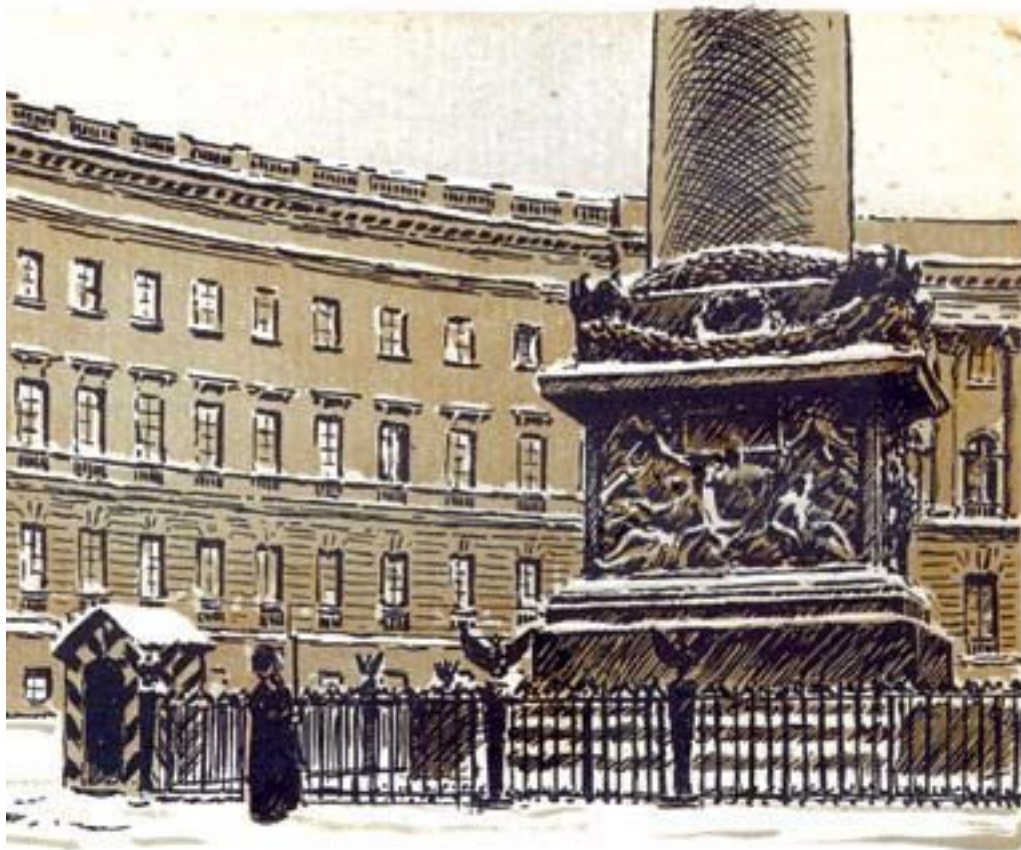
– Не тот ли это Нерский? – обратился Граббе к стоявшему перед ним Попову.

Попов похолодел, решив, что Граббе донесли о неллицеприятных высказываниях прапорщика без эполетов.

– Некоторым образом, – туманно ответил Попов.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Каждый получит по заслугам.

Но Граббе думал о другом. И награждать бывшего декабриста вовсе не собирался. Из политических соображений, будь он трижды герой. Да и мало ли чего Фезе напишет. Однажды он написал, что Шамиль покорился и мечтает принести раскаяние к стопам императора. Но Шамиль и не подумал явиться в Тифлис, где ожидал его император. И даже напротив, покорность Шамиля больше походила на договор между двумя государствами, обязавшимися не нарушать мир.

Дело было в жене Нерского – Лизе. Она, конечно, приятная дама и преданная жена. И о Граббе хлопотала перед кузиной-фрейлиной, что при дворе императрицы. Но Чернышев может понять такое расположение к Нерскому, который все еще числился по графе «из государственных преступников», весьма превратно. Нет уж, Граббе тут для великих дел и спотыкаться о никчемные кочки не намерен. Пусть Попов сам представит этого Нерского к награде как полковой командир. Да хоть в капитаны, но не через Граббе, а через самого Головина. И не теперь, а потом как-нибудь, когда Граббе покончит с Шамилем.

– Ничего не поделаешь, – размышлял Граббе, – Придется браться за дело самому. Этим наполеонам Шамиль не по зубам.

И все же не дать ход рапорту Фезе было бы ошибкой. Тем более, что Граббе здесь ничего не терял. Вскроется, что Фезе продолжает фантазировать – пусть его и наказывают. А Граббе не может не верить боевым генералам.

Граббе вычеркнул из представленных к наградам Нерского и велел направить копию рапорта в Тифлис, Головину. К копии Граббе приложил свое мнение, назвав экспедицию всего лишь удачной рекогносцировкой с целью разведать дороги и силы Шамиля. Кроме того, Граббе полагал полезным движение войск в Нагорном Дагестане для удостоверения горцев в том, что царские власти не перестают заботиться о приведении их в покорность. Вместе с тем Граббе обращал внимание главнокомандующего на то, что в Дагестане не так спокойно, как полагает Головин, и особо отметил нехватку войск, из-за чего Фезе и мечется по горам без решительного успеха. «А, как известно, за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь, – добавил Граббе уже про себя.

– Не говоря уже о таком матером волке, как Шамиль».

Подошла пора подавать на высочайшее благоусмотрение план действий на будущий год. Собственно, для того Граббе и назначили, чтобы покончить с непокорными горцами. Граббе

был красноречив и умел выдавать пустоту за необъятную вселенную. Однако он уже несколько раз брался за составление своих предположений, но его всегда что-то отвлекало.

По утрам Граббе терзал излишним служебным рвением адъютант, жаждавший важных распоряжений. Затем являлся Траскин и принимался на чем свет стоит клеймить казначея и квартирмейстера, лихоимство интендантов и нерадивость поставщиков. Да так, что у Граббе голова шла кругом, и он только рад был, когда Траскин обещал сам управиться с казнокрадами. А ведь была еще прорва прочих начальников, и всех нужно было выслушать и направить. Разве что лазареты содержались в некотором порядке, больных было в соразмерности с числом войск, а заразных болезней не имелось.

Радовали Граббе только музыканты. Для проверки вызывались старший музыкант, барабанный староста, штаб-горнист, песенники, и вся эта публика со своими подчиненными под общим началом Стефана Развадовского устраивала небольшой концерт. Особенно хорошо у них выходил гимн.

Гимн был коротким и впечатляющим. Шесть строчек поэта Жуковского, положенные на музыку Львовым, композитором и командиром конвоя его величества, отлично подходили для военного оркестра.

Приложив руку к козырьку, Граббе повторял вслед за песенниками: Боже, Царя храни! Сильный, державный, Царствуй на славу нам; Царствуй на страх врагам, Царь православный! Боже, Царя храни!

Он помнил, как впервые его услышал. Тогда, в 1834 году, он был начальником 2-й драгунской дивизии и прибыл в Петербург испрашивать увольнения для излечения ран. 30 августа, в память победы над Наполеоном, торжественно открывали Александровский столп на Дворцовой площади. И тогда певчие и военный оркестр исполнили новый гимн, который явно понравился императору и публике. Гимн велено было исполнять взамен старого, который был музыкальной копией английского «Боже, храни королеву».

Граббе ревностно следил, чтобы гимн исполняли при каждом удобном случае, демонстрируя свои монархические убеждения в противовес ходившей за ним молве о его сочувствии врагам самодержавия.

Но как ни любил Граббе искусства, на них почти не оставалось времени. Генерала поражало количество бездельников, каждый день возникавших на пороге его кабинета. Все эти господа, не нюхавшие порошу, стремились служить под его началом, надеясь на большие походы и немалые награды. Не успевал он отделаться от одних, как прибывали другие. И каждый имел при себе рекомендательные письма.

– Ваше превосходительство, честь имею явиться...

– Когда прибыли? Где служили?

Вместо послужного списка доставались бумаги от вельмож, их сиятельств и высокопревосходительств, коим невозможно было отказать. Войска, таким образом, пополнялись лишними людьми, которых порой самих нужно было охранять, вместо того чтобы иметь от них пользу в делах с горцами. Выслушивая, кроме прочего, словесные поручения вельмож передать Граббе поклон, он почти автоматически отвечал:

– Извольте явиться в канцелярию и ожидать распоряжений.

Затем, обводя всех посетителей взглядом, сухо говорил:

– Мое почтение.

Это означало конец аудиенции.

Но прием у Граббе этим не заканчивался. В очереди ждали еще сомнение, неуверенность и страх не справиться с главным делом, ради которого он был здесь. Стоило Граббе закрыть глаза, как в мерцающей темноте вспыхивало: «Разбить и разогнать, а Шамиля пленить». И чем труднее представлялось исполнение этого простого плана, тем больше он напоминал страшное пророчество, явившееся на пиру Валтасару, пророчество, погубившее и его, и Вавилон.

Интересы корыстного Траскина Граббе презирал, но к совету Чернышева прислушался. Без тьмы войск одолеть Шамиля он уже не надеялся. А потому в предварительном проекте запросил столько сил и средств, что изумленный Головин не сразу нашелся, что и ответить.

Траскин тем временем наслаждался жизнью. Царившая в Шуре атмосфера пришлась ему по вкусу. Жизнь в крепости была шумная, несмотря на все усилия Граббе навести в гарнизоне железный порядок. На кутежах и обедах, беспрерывно сменявших друг друга, Траскин сделался неприменным тамадой.

Горская знать привозила зажаренных баранов и даже телят, чтобы только полюбоваться, как Траскин их поглощает. Заключались пари на его аппетит, и в накладе всегда оставались те, кто сомневался в фантастических возможностях его желудка.

Спасение от тревог войны офицеры находили в картежном азарте и танцевальных вечерах. В дамах недостатка не было, и нравы здесь сложились далеко не пуританские. Но даже в эту вольницу Траскин сумел добавить веселые ноты. Он затеял маскарад. Для Шуры это было ново, но в столицах маскарады были в большой моде. Даже сам император с удовольствием принимал в них участие, скрываясь под маской, которую все, разумеется, узнавали.

У Траскина маскарад вызывал особенные, весьма деликатные воспоминания. Для него один из таких балов, на которые публика являлась в характерных костюмах и масках, стал подарком судьбы. Вернее, сначала Траскин получил сокрушительную оплеуху от графа Алексея Орлова, известного своей тяжелой рукой и могучим телосложением. Наряженный китайским мандарином Траскин имел неосторожность подшутить над графом, который и без того был чем-то сильно огорчен. Это случилось после репетиции во дворце. А уже на самом маскараде во время кадрили Траскин упал на свою огромную спину, от чего затрясся паркет и зазвенели канделябры, а император разразился неистовым хохотом. Два этих прискорбных недоразумения сделали Траскина знаменитым. Орлов, узнав, что проучил полковника Генерального штаба, взял над ним покровительство, а государь обратил на него особое внимание и возвел в звание флигель-адъютанта. Чернышев заметил Траскина еще раньше, когда тот проявил необычайное рвение, оказывая правительству услуги во время восстания декабристов на Сенатской площади.

Граббе затея с маскарадом понравилась.

– А этот Траскин чрезвычайно проворный малый – думал Граббе.

– Пусть себе усердствует, а то заплыл жиром, как свинья.

Граббе был большой охотник до подобных развлечений, когда люди скрывали лица за масками, зато открывали всю свою подноготную. Светские условности уступали место обычно тщательно скрываемым чувствам, запретные желания вырывались на волю, чины пасовали перед очарованием тайны. Но Граббе не желал отдавать пальму первенства Траскину. Балы, даже костюмированные, не могли обойтись без музыки, и Граббе призвал к себе Развадовского. Когда этот дока по музыкальной части явился, Граббе спросил:

– Маскарад знаешь?

– Так точно, ваше превосходительство, – отрапортовал музыкант.

– Докладывай.

– Там много любопытного, ваше превосходительство. И даже поучительного, – припомнил Развадовский.

– К примеру...

И Развадовский начал цитировать: О, малый он неоцененный: Семь лет он в Грузии служил, Иль послан был с каким-то генералом, Из-за угла кого-то там хватил, Пять лет сидел он под началом.

И крест на шею получил...

– Что-с?! – вскочил взбешенный Граббе.

– Да как ты смеешь?!

– Прошу прощения, ваше превосходительство, – побледнел Развадовский.

– Но ведь вы изволили про «Маскарад» спрашивать?

– Дас, милостивый государь. А причем же тут крест на шею? – Граббе тыкал в свой крест.

– Я его кровью заслужил, не щадя живота своего!

Но Развадовский тоже не совсем понимал генерала.

– Так я говорил... То есть... Это и есть из «Маскарада»... Из драмы Лермонтова.

– Осел! – взревел Граббе.

– Только этого пиита мне тут не хватало! Мало, что его на Кавказ сослали, его бы в каторгу, негодяя! Я тебе про настоящий маскарад толкую! Про бал! В масках!

– Ах, вот оно что, – закивал Развадовский.

– Прошу покорнейше простить, ваше превосходительство... Этот маскарад я тоже знаю.

Не единожды участвовал в Польше.

– К вечеру представь программу, – велел Граббе, едва сдерживая гнев.

– А теперь прочь с глаз!

– Рад стараться! – козырнул Развадовский и исчез.

Граббе в ярости вышагивал по кабинету:

– Лермонтов! Мальчишка! Возвел Пушкина в гении, когда того убили на дуэли, и обвинил в его гибели все общество. За что и поплатился. Думал «Бородином» оправдаться, да не вышло. И битву описал кое-как, и главных людей упомянуть не соизволил. Лермонтовым при Бородино и не пахло, а Граббе там воевал, при самом Барклаеде-Толли состоял адъютантом!

Глава 29

Ахульго грелось в лучах осеннего солнца, которое дарило свое последнее перед зимой тепло. На вершинах хребтов, окружавших Ахульго, уже лежал снег.

Джавгарат качала люльку, в которой лежал ее маленький Саид, и напевала колыбельную. Она пела сыну о том, как он вырастет и станет отважным джигитом, как его полюбит самая красивая девушка, как он победит всех врагов и прославится на весь Дагестан.

Младенец улыбался, будто понимал, о чем поет его мать. А может, от того, как весело кружилось веретено в руках Патимат, которая сидела рядом и пряла шерсть.

В накинутых поверх платков теплых шалях они сидели на шубе, разостланной на большом плоском камне.

– Когда же он вернется? – вздыхала Джавгарат, глядя на уходящую вдаль дорогу.

– Это нам он муж, а для остальных – имам, – отвечала Патимат, сноровисто скручивая нитки.

– То одни зовут, то другие.

– А для нас он разве не имам? – говорила Джавгарат.

– Давай и мы его позовем.

– Вот погоди, – улыбнулась Патимат.

– Будут у тебя еще дети, скучать станет некогда.

– Я не об этом думала, – смутилась Джавгарат.

– Саид его ждет.

– Да он еще ничего не понимает, – сказала Патимат.

– Вот мои дети – да, им давно пора отвесть отцовской плетки. Совсем от рук отбились.

– Понимает, – погладила ребенка Джавгарат.

– Говорить не может, а вдруг так посмотрит, будто спрашивает, где его отец.

– Приедет, – тяжело вздохнула Патимат.

– Сама знаешь, какой у нас народ. Одним достаточно сказать слово или письмо написать, а до других, пока кинжал не покажешь, ничего не доходит.

– Ему своих сыновей воспитывать некогда, как же ему столько дурных людей исправить?

– На то он и имам, чтобы наставлять народ на верный путь. И нас он спрашивать не станет.

– А меня спросил, – сказала Джавгарат.

– О чем? – встревожилась Патимат. Она едва заставила себя относиться к Джавгарат как к равной, но ее превосходство было бы для Патимат невыносимо.

- Хорошо ли мне здесь.
- А ты что ответила?
- Я сказала, что мне хорошо там, где мой муж и моя семья.
- Правильно сказала, – кивнула немного успокоившаяся Патимат.
- Ты ведь тоже так отвечаешь.
- Я? – удивилась Патимат.
- А как еще я должна отвечать?
- А еще хотела сказать...
- Что?
- Патимат опустила веретено, и Саид тут же заплакал.
- Вот видишь, этим мальчишкам всегда нужно, чтобы что-то делалось.
- Она снова закружила веретено, и Саид успокоился.
- Я хотела сказать... – Джавгарат старалась подобрать слова поточнее.
- Что хорошо, когда Шамиль дома, и плохо, когда его нет.

– Думаешь, ему без нас лучше? – сказала Патимат.

– Он, хоть и имам, но тоже живой человек. И видеть своих жен, не говоря уже о сыновьях, ему куда приятнее, чем своих врагов.

– О Аллах, – снова вздыхала Джавгарат.

– Когда же это кончится?

– Посмотри-ка, – сказала Патимат, прикладывая ко лбу ладонь.

– Едет кто-то.

Джавгарат даже встала, чтобы получше разглядеть вереницу всадников, приближавшихся на Ахульго со стороны Ашильты.

– Кажется, это знамя Сурхая, – всматривалась в даль Джавгарат.

– Вон он и сам едет.

– А Шамиль? – спросила Патимат.

– Ты его видишь?

– Нет, – ответила Джавгарат.

– А это, наверное, жена Сурхая.

– На арбе?

– Да нет, позади арбы, – показывала Джавгарат.

– На лошади, с ребенком на руках.

– Теперь вижу, – кивнула Патимат.

– И мюриды с ними.

– И еще люди, – продолжала Джавгарат.

– И пожитки свои везут.

Казалось, этой веренице не будет конца.

Сурхай возвращался со своей семьей. С ним пришли люди, решившие переселиться на Ахульго из своих аулов, находившихся в опасной близости от ханских владений. Многие ушли к родственникам и кунакам, но те, кто горел желанием бороться, приходили сюда. Возвращались на Ахульго и те, кто уходил, чтобы закончить осенние работы, заготовить для скотины сено, а овец отправить на зимние пастбища, в предгорья.

Следом за Сурхаем ехал его взрослый сын, унаследовавший от отца мастеровитость и тягу к знаниям. На арбе помещались родители Сурхая и давно ослепший дед, которому перевалило за сто лет. Жена Сурхая везла пятилетнюю дочь Муслимат. Синеглазая девочка была удивительно красива. Казалось, что от нее исходил свет, освещая путь в наступавших сумерках.

У тропинки, поднимавшейся на Ахульго, повозки пришлось оставить. Женщины принялись разбирать свой скарб, водружали на головы большие узлы, поднимали на спины маленьких детей и колыбели, прихватывали кувшины и посуду. И тонкой цепочкой взбирались на гору. Одна старушка несла на себе вязанку дров, другая – сноп сена: не пропадать же добру понапрасну. Несколько женщин гнали перед собой ослов, навьюченных высокими корзинами с кизяком.

Мюриды брали на плечи и несли тяжелые мешки с мукой и пшеницей, бочонки с маслом, туши вяленых баранов.

Слепой старик поискал на арбе и извлек из под груды вещей пандур – деревянный музыкальный инструмент с двумя струнами.

Его правнук, сын Сурхая, хотел взять старика на руки, но тот отказался:

– Сам дойду.

– Ты же ничего не видишь, – сказал юноша.

– Не дай Аллах тебе увидеть то, что я видел, – ответил старик и двинулся вперед, ощупывая дорогу палкой.

– Тут очень узкая дорога, а по бокам пропасть, – пытался быть полезным юноша.

– Я знаю, – кивал дед.

- Я ее чувствую.
- Хорошо, – сказал юноша, видимо, привыкший к причудам аксакала.
- Тогда я пойду помогу другим.

Но не ушел, а остался позади прадеда, опасаясь, чтобы тот не сделал неверный шаг. Но аксакал шел спокойно, только иногда останавливался, чтобы прислушаться.

- Внизу одна река или две? – обернулся старик.
- Две, – выдал себя юноша.
- Андийская река огибает Ахульго, а Ашильтинка делит Ахульго надвое.
- На что похоже? – спросил старик.
- На курдюк, – ответил юноша.
- Как две его половинки.
- А твой отец говорил, что Ахульго – это два кулака, которые выставили горы.

Аксакал поднял пандур, ударил по струнам и прислушался.

- Слышишь? – спросил он.
- Что? – не понял его правнук.
- Я поздоровался с Ахульго. И гора ответила.
- Я ничего не слышал, – улыбнулся юноша.
- Ты разве глухой? – сердился старик.
- Гора ответила на мой салам.

И они продолжили путь.

Первыми на Ахульго взобрались мальчишки.

- А где аул? – недоумевали они.
- Голая гора!
- Здесь же ничего нет!

Но вдруг, как из-под земли, начали появляться их сверстники, держа наготове луки со стрелами и кинжалы, кто деревянные, а кто и настоящие. Удивленные новички схватились за свои кинжалы, а у кого их не было, подняли с земли камни. Но тут вперед вышел Джамалуддин и важно сказал:

- Салам алейкум!
- Ва алейкум салам, – ответили гости.
- Зачем пришли? – спросил Джамалуддин.
- А вы что тут делаете? – в свою очередь спросил тот из гостей, который был постарше.
- Охраняем крепость.

Гости рассмеялись.

- Где же ваша крепость?
- Она что, невидимая?
- Да, – заявил Джамалуддин.
- Она подземная.
- Ты не шутить? – удивленно произнес мальчишка.

Джамалуддин свистнул, подавая знак, и еще с десятков мальчишек появились из-под земли позади гостей.

- Ва! – удивлялись гости.
- И вправду подземная?
- А что вы умеете? – спросил Джамалуддин.
- Мы умеем бороться, – ответил мальчишка.
- И камни кидать, – добавили его друзья.
- И хвастунов можем проучить.
- Это я хвастун? – вспыхнул Джамалуддин, снимая кинжал с пояса и засучивая рукава.
- Давай бороться.

Мальчишка тоже снял кинжал и приготовился к схватке.

– Эй, богатыри! – окликнул их проезжавший мимо Сурхай.

– Разве так встречают гостей?

– А чего они... – опустил голову Джамалуддин.

– Пожмите руки! – велел Сурхай. Ребята начали пожимать друг другу руки. И через минуту это была уже одна ватага. Затем они устроили состязания в бросании камней. Было интересно, кто бросит камень дальше, тем более что камень летел в пропасть и падал в реку.

Когда мимо проходил слепой аксакал, он повернулся к ребятам и велел:

– Перестаньте. Эти камни еще могут понадобиться.

Состязание было в самом разгаре, но дети не смели послушаться старика.

– Лучше давайте стрелять, – сказал Джамалуддин.

Он взял лук, натянул тетиву и выпустил стрелу в мишень, которой служил дырявый глиняный кувшин. Стрела попала в цель и отскочила.

– Лучше по-другому, – сказал мальчишка, снимая пояс.

Он сделал из него пращу, вложил небольшой камешек и метнул его так метко, что кувшин разлетелся вдребезги.

– Вот это выстрел! – восторженно воскликнул Джамалуддин.

– А я смогу так?

– Запросто, – сказал мальчишка.

– А тебя как зовут? – спросил Джамалуддин, сооружая пращу.

– Гамзат А чей ты сын?

- Абдуллы, – насупился мальчишка.
- Его отца ханские нукеры убили, – сообщили новички.
- Когда аул грабили.
- Я им еще отомщу! – пообещал мальчишка, надевая свой пояс.
- А мы тебе поможем, – сказал Джамалуддин, дружески кладя руку ему на плечо.
- А тебя как зовут?
- Джамалуддин. Я теперь твой друг.
- Это сын Шамиля, – сказали новичкам.
- Имама сын.

- самого Шамиля? – удивился Гамзат.
- А это – мой младший брат, – показал Джамалуддин на Гази-Магомеда.
- А мы его мюриды! – объявили юные жители Ахульго.
- Мы тоже, – сказали гости.

Джамалуддин раскрутил свою пращу и метнул камень. Следом полетели камни, которые метали его друзья.

- Я попал! – сказал Джамалуддин.
- Нет, это я попал! – спорили другие.
- Нет, я!
- Когда научитесь, все будете попадать, – успокоил спорщиков Гамзат.
- А вы нам подземную крепость покажете?
- Пошли, – сказал Джамалуддин.

И новички со страхом и любопытством последовали за своими новыми друзьями в тайные подземелья.

К маленькой Муслимат подошла ахульгинская девочка. Она во все глаза разглядывала ее красивое платье, перехваченное серебряным пояском, белый платок, а главное – куклу, которую она испуганно прижимала к себе.

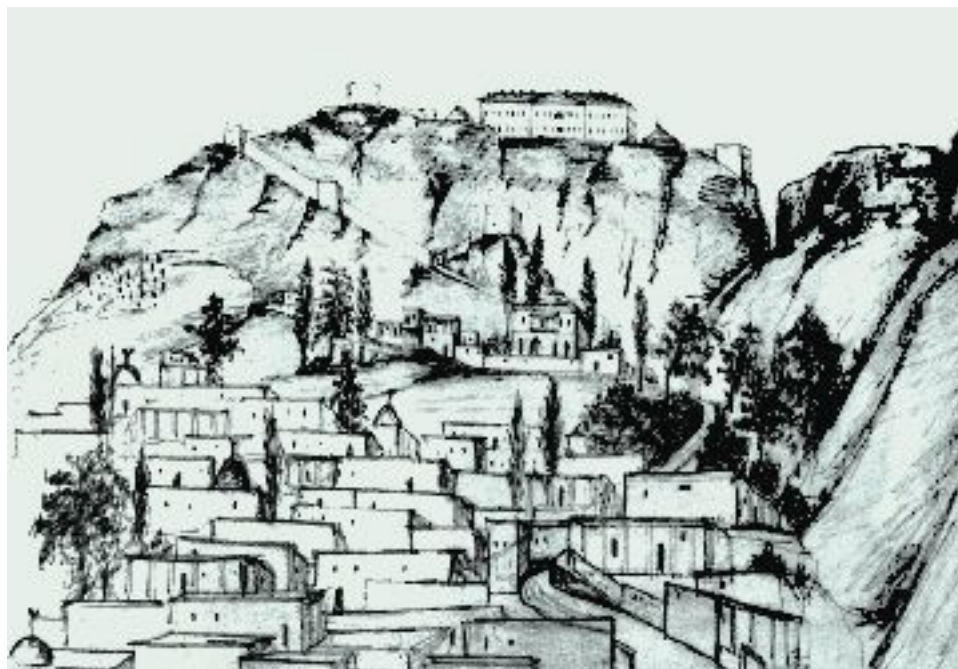
- У меня тоже была такая, – сказала девочка.
- Неправда, – сказала Муслимат.
- Была.
- Где же она тогда?
- Сгорела.
- Почему? – удивилась Муслимат.
- Когда наш дом сгорел.
- Его сожгли враги? – спросила Муслимат.
- Мама сказала, что в дом попала молния, – утирала слезы девочка.
- Раз – и все сгорело.

Муслимат протянула ей свою куклу.

- Возьми.

Девочка радостно схватила куклу.

- А тебе?
- Я новую сделаю.

- Ты умеешь? – не верила девочка.
- Конечно, – кивнула Муслимат.
- Надо только взять ложку и несколько лоскутков.

Девочка нырнула в подземелье и скоро вернулась с деревянной ложкой и тряпицами. Муслимат завернула ложку в ткань, повязала сверху ярким лоскутком, пририсовала угольком глаза, и кукла была готова. Муслимат положила ее на руки и начала убаюкивать:

- Спи, моя золотая...

Девочка-ахульгинка принялась баюкать свою куклу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.